

RUDOLF STEINER

GOETHES WELTANSCHAUUNG

1990

RUDOLF STEINER VERLAG

DORNACH/SCHWEIZ

Copyright Rudolf Steiner Nachlass-Verwaltung Buch: 6 Seite: 3
Herausgegeben von der Rudolf Steiner-Nachlaßverwaltung,

Dornach/Schweiz

1. und 2. Auflage, Weimar 1897

2., 3. und 4. Auflage, ergänzt und erweitert

Berlin 1918

5. Auflage (bezeichnet als 5,-12. Auflage)

Berlin 1921

(6. Auflage), Freiburg i. Br. 1948

7. Auflage (bezeichnet als 5. Auflage)

Gesamtausgabe Dornach 1963

8. Auflage, Gesamtausgabe Dornach 1990

Bibliographie-Nr. 6

Alle Rechte bei Rudolf Steiner-Nachlaß Verwaltung, Dornach/Schweiz

© 1963 by Rudolf Steiner-Nachlaß Verwaltung, Dornach/Schweiz

Printed in Germany by Konkordia Druck GmbH, Bühl/Baden

ISBN 3-7274-0060-9

Рудольф Штейнер

Мировоззрение Гёте

GA 6

bdn-steiner.ru

Перевод
Гончарова Виктора
Вена 2017

Содержание

Предисловие к новому изданию (1918)

Предисловие к первому изданию (1897)

Введение

МЕСТО ГЁТЕ В РАЗВИТИИ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ

Гёте и Шиллер

Мировоззрение Платона

Последствия платоновского мировоззрения

Гёте и мировоззрение Платона

Личность и мировоззрение

Метаморфоза явлений мира

ВОЗЗРЕНИЯ НА ПРИРОДУ И РАЗВИТИЕ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ

Учение о метаморфозе

РАССМОТРЕНИЕ МИРА ЦВЕТОВ

Явления цветового мира

МЫСЛИ ОБ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЗЕМЛИ И ВОЗДУШНЫХ ЯВЛЕНИЯХ

Мысли об истории развития Земли

Рассмотрения атмосферных явлений

ГЁТЕ И ГЕГЕЛЬ

Гёте и Гегель

Послесловие к новому изданию (1918)

Дополнительное замечание

Предисловие к новому изданию (1918)

Представленную в этом издании попытку описания гётевского мировоззрения, как результат моего многолетнего изучения духовной жизни Гёте, я предпринял в 1897 году. Картину того, как я тогда воспринимал цель этого предприятия, даёт «Предисловие к первому изданию». Если бы я писал его сегодня, я изменил бы только стиль, но ни в коей мере не содержание. Но поскольку для меня нет никакой видимой причины изменять в этой книге что-либо существенное, с моей стороны было бы неискренним говорить иначе и о чувствах, с которыми двадцать лет назад я посылал эту книгу в свет. Мысли, высказанные в этой книге, не изменили ни то, что я после её издания мог извлечь из литературы о Гёте, ни результаты новейших исследований природы. Мне кажется, я не остался без понимания огромных достижений этих исследований в ходе последних двадцати лет. Но я не думаю, что, благодаря им, возникло основание говорить о гётевском мировоззрении иначе, нежели я это сделал в 1897 году. То, что я говорил о взаимоотношениях мировоззрения Гёте и общепризнанных идей о природе тогдашнего времени, кажется мне действительным и по отношению к естественной науке наших дней. Позиция моей книги, будь она написана только сейчас, никак не изменилась бы. Лишь кажущиеся мне важными расширения и дополнения в некоторых местах отличают новое издание от старого. О том, что ничто не может сподвигнуть меня к существенному изменению содержания того, что я опубликовал в продолжении шестнадцати лет о духовной науке, я высказался также во включённом в это новое издание «Послесловии».

Предисловие к первому изданию (1897)

Мысли, которые я высказываю в этой книге, соответствуют моим исследованиям мировоззрения Гёте. Картину этого мировоззрения я снова и снова изучал в продолжении многих лет. Особенно притягивало меня видение тех откровений, которые природа о своей сущности и своих законах вызывала в тонких чувственных и духовных органах Гёте. Я научился понимать, почему Гёте считал эти откровения настолько большой удачей, что порой оценивал их выше, чем свои поэтические дары. Я вживался в ощущения, пронизывавшие душу Гёте, когда он говорил, что «ничто не побуждает нас думать о самих себе больше, чем тогда, когда значительнейшие для нас вещи, особенно характерные виды природы, мы снова видим после длительного перерыва и сравниваем тогдашние впечатления с воздействием их на нас теперь. Тогда мы замечаем, что объекты проявляются ярче, что, если раньше мы связывали с ними свои чувства, радость и страдание, веселье и растерянность, то теперь, отступая со своей эгоистичностью назад, мы возвращаем принадлежащее им право быть собой, мы в большей степени знакомимся с их особенностями и, по мере знакомства с их свойствами, больше их ценим. Первый вид восприятия характерен для художественного взгляда, второй – свойственен естествоиспытателю, и, в конце концов, хотя поначалу и не без боли, я должен всё же признать себя счастливым в том, что по мере постепенного угасания первого, второе, в видении и духе, развивается всё сильнее».

Для того, чтобы полностью понять содержание стихов Гёте, надо понять те впечатления, которые он получил от проявлений природы. Тайны, подслушанные им в ходе мирового становления, живут в его художественных творениях, открываясь лишь тем, кто прислушивается к тем сообщениям, которые поэт делает о природе. Тот, кто не знаком с

наблюдениями природы Гёте, не может погрузиться в глубины его творчества.

Такие чувства подвигали меня к работе над гётевскими исследованиями природы. Эта работа, прежде всего, позволила созреть тем идеям, которые более десяти лет назад я изложил в кюршнеровской «Немецкой национальной литературе». То, что было начато тогда, я развил в трёх последующих томах «естественно-научных трудов Гёте», последний из которых появится перед общественностью в эти дни. Те же чувства руководили мной, когда я много лет назад взял на себя задачу собрать часть естественно-научных трудов Гёте для большого веимаровского издания Гёте. Мысли, которые я привнёс в эту работу и которые родились в ходе этой работы, составляют содержание представляемой книги. Я позволю себе назвать это содержание живым, в полном смысле этого слова. Я пытался приблизиться к идеям Гёте с многих отправных точек. Я разжигал в себе все таившиеся во мне очаги неприятия способа видения Гёте, чтобы сохранить собственную индивидуальность перед мощью этой личности. И чем больше я выстраивал своё собственное, собственным трудом завоёванное, мировоззрение, тем больше, мне казалось, я понимал Гёте. Я пытался найти свет, который пронизывает и те пространства души Гёте, которые оставались в темноте для него самого. Я хотел вычитать между строк в его работах то, что должно было сделать его полностью для меня понятным. Я пытался открыть силы духа, владеющие им, но самим им не осознаваемые. Я стремился проникнуть в сущность черт характера его души.

Наше время любит оставлять в мистическом полумраке идеи, касающиеся психологического рассмотрения какой-либо личности. Ясность мысли в таких вещах как трезвая разумная мудрость теперь презирается. Люди полагают проникнуть глубже, рассуждая об односторонней мистической пропасти душевной жизни, о демонических силах в личности. Должен признать, это неудачное увлечение мистической психологией кажется мне поверхностной. Оно присуще людям, в которых содержание мира идей не вызывает никаких ощущений. Они не способны опуститься вглубь этого содержания, они не чувствуют тепла, исходящего от него. Поэтому они ищут это тепло в неясности. Кто в состоянии вжиться в светлые сферы мира чистой мысли, тот ощутит в них то, что нельзя ощутить больше нигде. Таких личностей как Гёте может познать лишь тот, кто способен принять в себя идеи, владеющие ими, в их прозрачной ясности. Тому, кто любит в психологии ложную мистику, мой

способ рассмотрения, вероятно, покажется холодным. Но моя ли вина в том, что я не могу считать темное, неопределённое и глубоко-мысленное одним и тем же? Я пытаюсь представить идеи, преобладавшие в духе Гёте как действенные силы, в той чистоте и ясности, в какой они являлись мне. Возможно также, что проведённые мною линии, нанесённые мною краски покажутся кому-то слишком простыми. Но я полагаю, что всякое великое лучше всего характеризуется своей монументальной простотой. Какие-либо завитушки и привески вносят в рассмотрение лишь путаницу. Мне важны не побочные мысли, к которым привели Гёте те или иные незначимые переживания, а основная направленность его духа. Этот дух может пользоваться и различными ответвлениями, но основная тенденция распознаётся всегда. И ей я стараюсь следовать. О тех, кто полагает, что регионы, через которые я прошёл, покрыты льдом, я думаю, что их сердце осталось дома.

На обвинение в том, что я представляю лишь те стороны гётевского мировоззрения, на которые мне указывают мои собственные мышление и восприятие, могу ответить только то, что другую личность я желаю рассматривать так, как она должна мне являться, в соответствии с моим собственным существом. Объективность авторов, которые, представляя идеи других, хотят отречься от самих себя, я ценю невысоко. Полагаю, что они могут нарисовать лишь матовые, не отличающиеся яркостью красок, картины. В основе любого истинного представления лежит борьба с другим мировоззрением. И полностью побеждённый будет не лучшим представителем. Чуждая власть должна завоевывать внимание; но собственное оружие должно всё же свои функции выполнять. Поэтому я безоговорочно утверждаю, что, на мой взгляд, образ мышления Гёте ограничен. Что есть области познания, которые остаются для него закрытыми. Я показал, какое направление должно избрать наблюдение мировых явлений, если оно хочет проникнуть в области, в которые Гёте не вступал, или в которых он, вступив, блуждал в неуверенности. Так интересно следовать путями великого духа; но я хотел бы следовать за кем-то лишь настолько, насколько он стимулирует меня самого. Поскольку ценны не наблюдение, не познание, а жизнь, собственная деятельность. Чистый историк – это слабый, бессильный человек. Историческое знание крадёт энергию, напряжение собственного действия. Тот, кто хочет всё понимать, сам останется никем. Только то, что приносит плоды – истина, сказал Гёте. Насколько плодovit Гёте для нашего времени, настолько и необходимо вживаться в мир его мыслей и чувств. И я думаю, из

последующего будет видно, что в этом мире мыслей и чувств скрывается бесконечное число, ещё не открытых сокровищ. Я указал на места, где Гёте оставил современную науку далеко позади. Я говорил о нищете современного мира идей, противопоставляя ему богатство и полноту мира идей Гёте. В мышлении Гёте таятся зёрна, которые современное естествознание должно привести к созреванию. Для него это мышление может служить примером. Оно обладает огромным банком наблюдений. Но содержанию этих наблюдений современное естествознание не находит достаточного идейного соответствия. Я надеюсь, из моей работы будет видно, как мало пригоден способ мышления современного естествознания для критики Гёте, и как многому оно может у него научиться.

Рудольф Штайнер

Введение

Для понимания гётевского мировоззрения недостаточно довольствоваться тем, что в отдельных высказываниях говорит о нём он сам. Выражение сути своего существа в кристально ясных, чётко очерченных предложениях не свойственно его природе. Такие формулировки казались ему скорее искажающими реальность. У него была некая робость перед заключением живого, реального, в прозрачное стекло мысли. Его внутренняя жизнь, его связи с внешним миром, его наблюдения вещей и событий были слишком богатыми, слишком наполненными тонкими составляющими, интимными элементами, чтобы они могли быть приведены к простой формуле им самим. Он высказывается, только если то или иное событие принуждает его к этому. Но он всегда говорит либо слишком много, либо слишком мало. Живое участие во всём, что ему встречается, часто вынуждает его употреблять более острые выражения, нежели те, что требует его целостная природа. Также часто оно искушает его к уклончивым высказываниям там, где его существо могло бы нуждаться в определённости мнения. Он всегда боязлив, когда речь идёт о том, чтобы выбрать одно из двух взглядов. Он не хочет лишать себя беспристрастности, уклоняясь от придания своим

мыслям определённости направления. Он успокаивает себя представлением, что: «Человек рождается не для того, чтобы разрешить проблемы мира, но, скорее, для того, чтобы познать, где проблема начинается, и затем удерживаться на границе познаваемого». Проблема, которая кажется человеку решённой, лишает его возможности ясно видеть тысячу вещей, находящихся в рамках этой проблемы. Он больше не обращает на них внимания, полагая, что область в которой они находятся, прояснена. Гёте предпочитает иметь о вещи два противоположных мнения, нежели одно определенное. Потому что каждая вещь предстаёт ему включающей в себя бесконечность, к которой нужно приближаться с различных сторон, чтобы воспринять нечто из всей её наполненности. «Говорят, между двумя противоположными мнениями лежит истина. Ни в коем случае! Между ними лежит проблема, состоящая в том, что невидимое, вечно деятельное живое, мыслится в покое». Гёте хочет сохранять свои мысли живыми, чтобы их можно было в каждый момент преобразовать, если к этому его принудит реальность. Он не хочет быть правым; он всегда готов лишь «оспаривать права» (aufs «Rechte losgehen»). В разное время он высказывается об одних и тех же вещах по-разному. Строгая теория, желающая раз и навсегда отразить закономерность ряда явлений, представляется ему сомнительной, потому что такая сила познания похищает беспристрастность отношения к подвижной реальности.

Если всё же задаться целью охватить единство его взглядов, нужно не столько прислушиваться к его словам, сколько обращать внимание на стиль его жизни. Надо присматриваться к его отношению к вещам, когда он исследует их существо, добавляя при этом то, что сам он не говорит. Нужно входить в самые глубокие слои его личности, по большей части, скрывающиеся за его высказываниями. То, что он говорит, часто можно опровергнуть; то, как он живёт, всегда принадлежит некому основанному на себе самом целому. И своё мировоззрение он не заключил в какую-то закрытую систему; он вложил её в жизнь закрытой личности. Если мы посмотреть на его жизнь, то разрешаются все противоречия его высказываний. Они присутствуют в его мыслях о мире лишь в той степени, в какой они существуют в самом мире. О природе он говорил разное. Он сам никогда не сводил свои взгляды на природу в одно законченное мыслительное сооружение. Но если мы охватим взглядом все его отдельные мысли в этой области, то они сами по себе сложатся в одно целое. Можно себе представить, какое мыслительное сооружение возникло

бы, если бы он представил свои взгляды сведёнными воедино. В этой работе я ставил себе целью показать, какой конституцией должна была обладать глубочайшая сущность личности Гёте, чтобы иметь возможность высказывать такие мысли о природных явлениях, которые он изложил в своих естественно-научных трудах. О том, что многое из сказанного мною может противоречить высказываниям Гёте, я знаю. Но в этой работе речь для меня идёт не о том, чтобы представить историю развития его высказываний, а в том, чтобы представить основы его личности, приведшие его к таким глубоким взглядам на творения и действия природы. Эти основы не откроют многочисленные высказывания, в которых, чтоб быть более понятным, он опирается на образ мысли другого, или те, где он использует формулировки того или иного философа. На основании писем к Эккерману можно было бы сконструировать такого Гёте, который никогда не смог бы написать метаморфозу растений. Некоторые высказывания Гёте, обращённые к Цетлеру, могли бы ввести в заблуждение относительно его научных взглядов, противоречащих его великим мыслям о формировании животных. Я согласен с тем, что в личности Гёте действовали также силы, мною не учтённые. Но эти силы отступают назад перед собственно определяющими силами, оставляющими отпечаток в его мировоззрении. Охарактеризовать эти определяющие силы настолько отчётливо, насколько это возможно, - вот в чём заключается цель, поставленная мною в этой работе. Поэтому при чтении этой книги видно, что через описание в ней гётевского способа представления я нигде не позволял себе протиснуть составляющие своего собственного мировоззрения. Я полагаю, что в книгах такого рода, неправомерно представлять содержание собственного мировоззрения, но зато необходимо использовать для понимания представляемого то, что приводит тебя к собственному мировоззрению. Так, например, отношение Гёте к развитию западноевропейской мысли я описал так, как это отношение выглядит с точки зрения мировоззрения самого Гёте. Для рассмотрения мировоззрения отдельной личности, мне кажется, только такой способ позволяет сохранить историческую объективность. Другой способ должен быть применён только в случае, если такое мировоззрение рассматривается в его связи с другим.

МЕСТО ГЁТЕ В РАЗВИТИИ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ МЫСЛИ

Гёте и Шиллер

Гёте рассказывал о разговоре с Шиллером, состоявшемся после их посещения собрания природно-исследовательского общества в Йене. Шиллер был, похоже, не удовлетворен тем, что там было представлено. А предстала ему там некая расчленённость рассмотрения природы. И он заметил, что, как таковая, она никак не приемлема для непосвящённого. Гёте ответил, что «она оставалась бы, наверное, неприемлемой и для посвящённого, и что мог бы найтись и другой способ восприятия природы, не в виде изолированных друг от друга кусков, а в виде живого целого, стремящегося проявиться в своих частях». И Гёте развил тогда пришедшие к нему великие идеи относительно природы растений. Он набросал перед глазами Шиллера «несколькими характерными росчерками пера некое символическое растение». Это символическое растение должно было отразить сущность, живущую в каждом отдельном растении, в какой бы форме оно не являлось. Оно должно было показать последовательное становление отдельных частей растения, их происхождение друг из друга и их взаимное родство. Об этом символическом образе растения 17 апреля 1787 года в Палермо Гёте написал следующее: «Такое, ведь, должно, в конце концов, существовать! Откуда ещё я узнал бы, что то или иное

существо есть растение, если бы все они не были созданы по одному образцу». Гёте сформировал в себе представление пластически-идеальной формы, раскрывающейся духу, когда он наблюдает общее во всём многообразии растительных форм. Шиллер, рассматривая это построение, которое должно жить не в отдельном растении, а во всех них, качал головой и говорил: «Это не переживание, это идея». Эти слова казались Гёте, пришедшими из другого мира. Он сознавал, что к такому символическому построению его привел тот же способ наивного восприятия, что и к представлению какой-нибудь вещи, которую можно видеть глазами и ощущать руками. Как и отдельное растение, символическое растение, или пра-растение, было для него объективной сущностью. Он полагал, что обязан её появлению не произвольной спекуляции, а непредвзятому наблюдению. Он не мог возразить иначе как: «Это может быть мне очень дорого, иметь идею, не зная об этом, и *даже видеть её глазами*». И он был очень несчастлив, когда Шиллер отреагировал на это словами: «Как вообще может возникнуть переживание соразмерное идее. Ведь своеобразие последней и состоит в том, что она никогда не может соответствовать опыту».

В этой беседе сталкиваются два противоположных мировоззрения. Гёте видит в идее вещи элемент, который непосредственно присутствует в этой вещи, действует и творит в настоящее время. Отдельная вещь принимает, по его мнению, определённую форму потому, что, в данном случае, идея должна выразить себя особым образом. Высказывание о том, что некая вещь не соответствует её идее, для Гёте бессмысленна. Поскольку вещь не может представлять собой нечто иное, чем то, для чего она создана идеей. По-другому думает Шиллер. Для последнего мир идей и мир опыта – два отдельных царства. Опыту принадлежат разнообразнейшие вещи и события, существующие во времени и пространстве. Ему противостоит царство идей как некая по-другому скроенная реальность, которой владеет разум. Потому что свои знания человек получает с двух сторон, извне – посредством наблюдения и изнутри – посредством мышления, – так различает Шиллер два источника познания. Для Гёте же существует только *один* источник познания, мир опыта, в который включён и мир идей. Для него невозможно сказать: «опыт *и* идея», поскольку для него идея, благодаря духовному опыту, предстаёт духовному оку так же, как чувственный мир предстаёт физическому.

Взгляды Шиллера исходят из философии его времени. Основополагающие же представления, лежащие в основе этой философии

и ставшие движущими силами всего западно-европейского духовного образования, нужно искать в Древней Греции. Можно получить картину особой сущности гётевского мировоззрения, если попытаться, полностью исходя из самой этой сущности, как бы обозначить её идеями, взятыми из этого мировоззрения. Этой задаче должны быть посвящены следующие части этой книги. Такому обозначению может помочь предварительное рассмотрение того факта, что об определённых вещах Гёте высказывался, чувствуя себя согласным или не согласным с тем, что думали о жизни природы и духа другие. Многие высказывания Гёте будут понятны только в случае, если мы рассмотрим те виды представлений, с которыми он сталкивался и с которыми вступал в борьбу, чтобы прийти к собственной точке зрения. То, что он думал о том или другом, что он чувствовал относительно того или другого, в то же время даёт объяснение о сущности его собственного мировоззрения. Говоря об этой области гётевской сущности, нужно отразить нечто и из того, что оставалось для него лишь бессознательным ощущением. В упомянутом выше разговоре с Шиллером перед духовным оком Гёте стояло одно из таких противостоящих мировоззрений. И это противостояние показывает, как он воспринимал тот вид представлений, который, придя со стороны эллинизма, видит пропасть между чувственным и духовным опытом, и как он, без такой пропасти, видел чувственный и духовный опыт связанными в одной картине мира, опосредовавшей ему реальность. Если попытаться осознать то, что Гёте нёс в себе более или менее бессознательно как отношение к западно-европейскому мировоззрению, то эти мысли будут следующими. В один трагический момент одним из греческих мыслителей овладело недоверие к человеческим органам чувств. Он начал верить в то, что эти органы не доставляют человеку истину, а обманывают его. Он потерял доверие к тому, что ему представляет наивное, беспристрастное наблюдение. Он обнаружил, что мышление говорит об истинной сущности вещей другое, нежели опыт. Трудно сказать, в чьей голове это недоверие укоренилось впервые. Его можно встретить в эллинистической школе философии, первым представителем которой является рождённый в 570-ом году до нашей эры в Колофоне Ксенофан. Самой значительной личностью этой школы был Парменид. Потому что он, с небывалой до него уверенностью, утверждал, что существует два источника человеческого познания. Он объяснял, что восприятия чувств являются обманом и заблуждением, и что человек может прийти к познанию истинного только посредством чистого мышления, не принимающего во внимание опыт.

Через то, как эта точка зрения на мышление и чувственный опыт выступила у Парменида, многим последующим философиям была привита та болезнь развития, которой страдает научное образование и сегодня. Рассмотрение происхождения этого вида представлений на Востоке выходит за пределы темы, связанной с гётевским мировоззрением.

Мировоззрение Платона

Свое недоверие к опыту Платон высказывает с присущей ему замечательной дерзостью: «Вещи этого мира, воспринимаемые нашими чувствами, не имеют никакого истинного бытия: *они всегда становятся, но никогда не бывают (sie werden immer, sind aber nie)*. Они обладают лишь относительным бытием, они существуют только *в и посредством* соотношений друг с другом; *поэтому всё их бытие точно так же можно назвать и небытием*. Следовательно они не могут быть и объектами собственно познания. Объектом познания может быть только то, что есть само по себе и всегда неизменно; они же являются лишь тем, что мы принимаем за объект в результате вызванного ими ощущения. Поскольку мы ограничены нашими восприятиями, мы подобны людям, которые сидят крепко связанные во тьме пещеры, не имея возможности повернуть голову, и увидеть что-либо ещё, кроме *теней реальных вещей*, проводимых сзади между ними и светом костра, и также теней друг от друга, - ведь, каждый тоже является лишь *тенью на той стене*. *И их мудростью было бы, основанное на опыте, предсказание последовательности появления на стене той или иной тени*».

Воззрение Платона разрывает представление целостности мира на две части, на представления некоего иллюзорного мира и другого, мира идей, который только и может соответствовать истинной, вечной реальности. «То, что единственно может быть названо истинно существующим, потому что существует всегда, не возникает и не исчезает: это идеальные первичные образы тех теней, это вечные идеи, прайформы

всех вещей. Они не имеют множественности; поскольку каждая, по своему существу, лишь одна, и является праобразом, все отображения, или тени, которого одноимённые ему, отдельные, преходящие вещи одного и того же вида. Им нельзя приписать ни становления, ни увядания; они являются истинно существующими, в отличие от своих скоротечных отображений. Поэтому только они подлежат собственно познанию, так как объектом познания может быть только то, что имеется в любом рассмотрении, а не то, что то есть, то нет, в зависимости от того, смотрят на него или нет».

Различение идеи и восприятия оправдано только тогда, когда речь идёт о способе достижения человеческого познания. Человек должен позволять обращаться к нему вещам двояким образом. Одну часть своей сущности они говорят ему добровольно. Ему надо лишь прислушаться. Это свободная от идей часть реальности. Но другую часть он должен у неё выманить. Он должен привести в движение своё мышление, тогда его внутреннее заполнится идеями вещей. Здесь они высказывают то, что для внешнего взгляда всегда остаётся скрытым. Здесь начинает говорить существо природы. Но причина того, что вещи познаются через созвучие двух тонов, лежит только в человеческой организации. В природе имеется то, что производит оба тона. Непосредственный человек слушает это созвучие. На языке идей своего внутреннего он узнаёт высказывания, с которыми эти вещи к нему обращаются. Только потерявший свою непосредственность истолковывает вещи иначе. Он полагает, что язык его внутреннего принадлежит к другому царству, нежели язык внешнего восприятия. Платон осознал, какой вес имеет для современного мировоззрения тот факт, что мир раскрывается человеку с двух сторон. На основе понимания этого факта он пришёл к выводу, что чувственный мир, рассматриваемый сам по себе, не может быть реальным. Только когда из душевной жизни проглянет свет мира идеального, и человек сможет поставить перед своим духом идею и чувственное восприятие как единое переживание познания, он увидит истинную реальность. То же, что предстаёт чувственному наблюдению, не пронизанному светом идей, является миром кажущимся. В этом смысле, платоновское понимание бросает также свет и на взгляд Парменида об обманчивом характере чувственных вещей. И можно сказать, что философия Платона - одно из самых величественных мысленных построений, когда-либо возведённых человеческим духом. Платонизм – это убеждённость в том, что целью любого познания должно быть освоение, несущих мир и образующих его основание, идей. Тот, кто не способен разбудить в себе это убеждение,

мировоззрения Платона не понимает. – Но поскольку платонизм захватил развитие западно-европейской мысли, он показывает ещё и свою другую сторону. Платон не остановился на утверждении иллюзорности чувственного мира, не освещённого светом мира идей, но и, посредством своего изложения этого факта, открыл путь продвижению того мнения, что чувственный мир сам по себе, независимо от человека, является миром кажущимся, и находит свою истинную реальность лишь в идеях. Из этого мнения возникает вопрос: как встречаются идеи и чувственный мир (природа) вне человека? Для того, кто не может признать лишённый идей чувственный мир вне человека, вопрос отношения идеального и чувственного миров является тем вопросом, который должен быть поставлен, и ответ на который должен быть найден, в пределах человеческого существа. И так обстоит дело до гётевского воззрения на мир. Для последнего этот вопрос: «как соотносятся идеи и чувственный мир вне человека?» является нездоровым, поскольку для него никакого чувственного мира (природы) без идеи вне человека не существует. Только человек может отделить идею от чувственного мира и, таким образом, представить лишённую идеи природу. Поэтому можно сказать: для гётевского мировоззрения вопрос о соотношении идей и чувственных вещей, занимающий западно-европейское развитие мысли уже столетия, полностью излишен. И остаток этого, протекающего через западно-европейское развитие мысли, течения платонизма, с которым сталкивался Гёте, например, в вышеприведённом разговоре с Шиллером, и в других случаях, воспринимался им, как нездоровый элемент человеческого представления. То, что он сумбурно высказывал словами, но что жило в его ощущениях и отчасти являлось импульсом, образующим его собственное мировоззрение, было следующее: на то, чему учит здоровое человеческое ощущение, то есть, на то, как соединяются язык восприятия (*Anschauung*) и язык мышления для явления полной реальности, ломающие себе голову мыслители внимания не обращают. Вместо восприятия того, что говорит человеку природа, они изобретают искусственные понятия об отношении мира идей и мира опыта. Чтоб во всей полноте понять, какое глубокое значение имело это, воспринимавшееся Гёте нездоровым, направление мысли в мировоззрениях, которое встречалось ему и на которое он хотел ориентироваться, нужно принять во внимание, как это вышеупомянутое течение платонизма, испаряющее чувственный мир в иллюзию, и, неверно связывая его, благодаря этому, с миром идей, усилилось в ходе западно-европейского развития мысли, посредством

одностороннего философского трактования христианской истины. Поскольку Гёте соединил христианское воззрение с, воспринятым им как нездоровое, течением платонизма, своё отношение к христианству ему оказалось выстроить сложно. Он не вдавался в подробности воздействия отрицаемого им течения платонизма на развитие христианской мысли, но ощущал отпечатки такого воздействия во встречающихся ему видах мышления. Поэтому на формирование его представлений бросает свет рассмотрение, которое прослеживает возникновение таких отпечатков в направлениях мысли, образованных столетия до него. Христианское развитие мысли, через многих своих представителей, стремилось разобраться с вопросом веры в потустороннее и вопросом значения чувственного бытия по-отношению к духовному миру. Если встать на ту точку зрения, что связь чувственного мира с миром идеальным имеет отдельное от человека значение, то попадаешь, с возникающими отсюда вопросами, на позицию рассмотрения божественного мирового порядка. И отцы церкви, которые сталкивались с этими вопросами, должны были разбираться в том, какую роль играет платоновский мир идей в этом божественном мировом порядке. При этом возникает опасность, что то, что в человеческом познании соединяется в непосредственном наблюдении - идеи и чувственный мир, - может считаться разделённым не только вне человека, но и само по себе; что идеи, вне того, что дано человеку природой, имеют также и своё самостоятельное бытие в отделённой от природы духовности. Соединяя это представление, основанное на неверном воззрении на идеальный и чувственный миры, с правомерным взглядом, что божественное никогда не может совершенно осознанно присутствовать в человеческой душе, мы получаем полный разрыв природы и мира идей. Затем то, что всегда необходимо искать в человеческом духе, ищется вне его, в творении. Полагается, что в божественном духе содержатся проработки всех вещей. Мир становится несовершенным отражением покоящегося в боге совершенного мира идей. В следствие такого одностороннего понимания платонизма, человеческая душа становится отделённой от отношения между идеей и «реальностью». Она распространяет своё правомерно полагаемое отношение к божественному мировому порядку далее и на отношение, живущее в ней, между миром идей и чувственно-иллюзорным миром. Благодаря такому виду представления, Августин пришёл к взглядам, вроде следующего: «Без какого-либо колебания мы веруем, что мыслящая душа не единосущна Богу, поскольку Бог исключает возможность общества, но

душа может быть просветлена своим участием в божественной природе». Таким образом, если такой вид представления односторонне преувеличить, человеческая душа лишается возможности свидетельствования идейного мира, как реальной сущности, в рассмотрении природы. А такое свидетельство будет трактоваться как не христианское. С этим одностороннее воззрение платонизма распространяется на само христианство. Платонизм, как философское мировоззрение, позиционирует себя более приближённо к элементу мышления; религиозное же чувство окунает мышление в жизнь чувств и, таким способом утверждает его в природе человека. Так нездоровый односторонний платонизм смог укорениться в процессе западно-европейского развития в жизни человеческой души глубже, чем если бы он оставался просто философией. Столетия развитие мысли стояло перед такими вопросами, как этот: как относится то, что человек образует в качестве идеи, к реальным вещам? Являются ли живущие в человеческой душе, посредством мира идей, понятия лишь представлениями, названиями, не имеющими ничего общего с реальностью? Реально ли само то, что человек получает, воспринимая реальность, и осознаёт своим рассудком? Такие вопросы не являются для гётевского мировоззрения вопросами понимания чего-то, лежащего за пределами человеческого существа. В человеческом рассмотрении реальности эти вопросы вживую разрешаются посредством истинного человеческого познания. И это гётевское мировоззрение должно не только обнаружить то, что в мыслях христианства живёт отпечаток одностороннего платонизма, но и почувствовать свою отчуждённость от настоящего христианства, когда оно предстаёт перед ним пропитанным таким платонизмом. – То что живёт во многих мыслях и то, чем пропитался Гёте для своего понимания мира, – это отрицание направления платонизма, которое он считал нездоровым. То же, что при этом он был открыт для платоновского воспарения человеческой души к миру идей, убеждают нас многие его высказывания в этом направлении. Он чувствовал в себе действенность идеальной реальности, собственным способом рассматривая и исследуя природу; он чувствовал, что природа сама говорит языком идей, когда душа открывается такому языку. Но он не мог признать, что мир идей рассматривается как нечто обособленное, и, благодаря этому, создать себе возможность сказать относительно идеи сущности растения: это не опыт, это идея. Он ощутил, что его духовное око видит эту идею как реальность, то чно так же, как физический глаз видит физическую часть сущности

растения. Так в гётевском мировоззрении восстановилось платоновское направление, в своей чистоте идущее к идеальному миру, и преодолено направление, уклоняющееся от реальности. Благодаря такому очертанию своего мировоззрения, Гёте должен был отклонить и то, что в христианских представлениях ему виделось только как трансформированный односторонний платонизм. И он должен был почувствовать, что во многих формах встречающихся ему западно-европейских мировоззрений, не соответствующее действительности христианско-платоновское воззрение на природу и идеи, преодолеть так и не удалось.

Последствия платоновского мировоззрения

Бунт Аристотеля против платоновского расщепления представления о мире был напрасным. Аристотель видел в природе единое существо, которое содержит в себе идеи точно так же, как и воспринимаемые чувствами вещи и явления. Только в человеческом духе идеи могут иметь самостоятельное бытие. Но в этой самостоятельности они лишаются реальности. Просто душа может отделить их от воспринимаемых вещей, вместе с которыми они составляют реальность. Если бы западно-европейская философия держалась правильно понятого воззрения Аристотеля, она избежала бы многого из того, что гётевское мировоззрение должно было представить как заблуждение.

Но это правильно понятое воззрение Аристотеля было неудобно, прежде всего, многим из тех, кто хотел заполучить идейное основание для христианских представлений. Многие из тех, кто считал себя настоящим «христианским» мыслителем, не знали, что делать с пониманием природы, сдвигающим высший действенный принцип в область мира опыта. Поэтому многие христианские философы и теологи переосмысливали Аристотеля. Они выделяли в его воззрении то, что, по их мнению, могло служить логическим основанием для христианской догмы. *Дух не должен был искать* действующие в вещах идеи. Ведь, истина даётся человеку Богом в форме откровения. Разум должен лишь *подтверждать* то, что

открывается Богом. Аристотелевские строки трактовались средневековыми христианскими мыслителями так, что священная религиозная истина получала с их помощью философское подтверждение. И только воззрение Фомы Аквинского, значительнейшего христианского мыслителя, своим особым способом погружённого в развитие христианских идей, пыталось сплестись с аристотелевскими мыслями настолько тесно, насколько это было возможно в то время. Согласно этому воззрению, откровение вмещает в себя высшие истины, святое учение священного писания; но возможен и разум, способный по-аристотелевски углубиться в вещи и извлечь из них их идейное содержание. Откровение опускается так глубоко, и разум способен подняться так далеко, что святое учение и человеческое познание на некой границе переходят друг в друга. Аристотелевский способ проникновения в вещи, служит Фоме для достижения областей откровения.

* * *

Когда пришло время Бэкона Вереуламского и Декарта, в которых стала действенной воля искать истину посредством силы человеческой личности, привычки мышления привели ни к чему иному, как к формированию суждений, которые, не смотря на свою кажущуюся независимость от предыдущих представлений западно-европейского мира, стали лишь новыми формами последних. И Бэкон, и Декарт получили, в качестве наследства, дурной взгляд на отношение опыта и идеи. Бэкон обладал пониманием лишь отдельных явлений природы. Сбором того, что повторяется или является похожим в пространственном и временном многообразии, он надеялся прийти к общим законам природы. Гёте высказывается о нём очень точно: «Ведь, он уже сам постоянно указывает на то, что партикулярии (сведения) нужно собирать лишь затем, чтобы иметь возможность делать из них выборку, упорядочивать и, наконец, достигнуть универсального, - на деле же, частности у него имеют слишком много прав, и, прежде, чем, через индукцию, довести до упрощения и концовки, даже то, что он рекламирует, израсходуются все силы и уйдёт жизнь». Для Бэкона эти общие правила являются лишь удобным средством, благодаря которому, разум получает возможность обозревать область частных. Но он не верит в то, что эти правила имеют свою основу в идейном содержании вещей и действительно являются

созидательными силами природы. Поэтому и он ищет идеи не непосредственно в отдельном, а абстрагирует их из множества частных. Кто не верит в то, что идея живёт в отдельной вещи, не может иметь склонности её там и искать. Он принимает эту вещь такой, как она представляется простому внешнему наблюдению. Значение Бэкона можно искать в том, что он, посредством вышеупомянутого одностороннего платонизма, указывает на этот недооценённый внешний способ наблюдения. Что он видит в нём источник истины. Но он был не в состоянии уравнивать в правах этот наблюдаемый мир с миром идей. Он объяснял идеальное, как некий субъективный элемент в человеческом духе. Его образ мышления представляет собой перевёрнутый платонизм. Платон видит реальность только в мире идей, Бэкон – только в лишённом идей мире восприятия. В видении Бэкона лежит отправная точка того настроения мыслей, который владеет умами естествоиспытателей вплоть до сегодняшнего дня. Он страдает неверным взглядом на идеальный элемент мира опыта. Он не может справиться с образовавшимся, благодаря односторонней постановке вопроса, средневековым пониманием, которое склонялся к тому, что идеи являются лишь именами, но не реальностями, содержащимися в вещах.

С других позиций, которые не в меньшей степени испытали на себе влияние односторонне платонизирующего образа мышления, три столетия спустя после Бэкона, начал свои рассуждения Декарт. Он также не избежал наследственного греха западно-европейской мысли, в своём недоверии к непосредственному наблюдению природы. Сомнение в существовании и возможности познания вещей было началом его исследования. Для обретения определённости он направляет свой взгляд не на вещи, а на поиск крохотной калитки, обходного пути, в полном смысле этого слова. Он отступает в интимнейшую область мышления. Он говорит себе: всё, что я до сих пор считал истинным, может быть неверным. Всё, что я думал, может основываться на иллюзии. Но всё же есть нечто, что остаётся – это то, что я думаю о вещах. Пусть я думаю неверно, но я, тем не менее, думаю. И если я думаю, то я также и существую. Я думаю, следовательно я есть. Этим, как полагал Декарт, он обретает твёрдую точку опоры для своих дальнейших размышлений. Он спрашивает себя далее: есть ли в содержании моего мышления ещё что-то, указывающее на истинность бытия? И тут он находит идею Бога, как самого совершенного существа. Но, если человек сам несовершенен, то как

в его мыслительный мир приходит идея о совершеннейшем существе? Несовершенное существо не может из самого себя создать такую идею. Поскольку самое совершенное, что он может помыслить, как раз, несовершенно. Таким образом, эта идея должна быть положена в человека самим этим совершеннейшим существом. Следовательно, должен существовать и Бог. Но как совершеннейшее существо может симулировать перед нами иллюзию? Поэтому внешний мир, представляющийся нам реальностью, тоже должен быть реальным. Иначе он был бы иллюзией, созданной для нас божеством. Так Декарт пытается обрести доверие к реальности, которого ему поначалу недоставало по причине вышеупомянутого греховного наследства. Он ищет истину, пользуясь крайне искусственным путём. Он односторонне исходит из мышления. Только в мышлении он признаёт силу, дающую убеждённость. Убеждённость же в наблюдении может возникнуть, только если оно опосредовано мышлением. Результатом такого воззрения стало то, что последователи Декарта поставили себе цель, установить весь объём истин, которые мышление может развить и доказать из самого себя. Они хотели вывести всё познаваемое из чистого разума. Они хотели, исходя из простейших непосредственных ясных истин, постепенно пройти весь круг чистого мышления. Эта система должна была быть построена по образцу евклидовой геометрии. Придерживались мнения, что и она, исходя из простейших истин и развиваясь, достигает своего полного содержания просто через умозаключения, без привлечения в помощь наблюдения. Попытку создания такой системы чисто разумных истин представил в своей «Этике» Спиноза. Он берёт некоторые представления – субстанция, атрибут, модус, мышление, протяжённость и пр. – и чисто интеллектуально исследует содержание этих представлений и их отношения. В этом мыслительном сооружении должно являть себя существо реальности. Только познание, обретенное посредством этой чуждой реальности деятельности, Спиноза рассматривает как соответствующее истинной сущности мира и поставяющее адекватные идеи. Идеи, вытекающие из чувственного восприятия, являются для него не адекватными, запутанными и увечными. Легко увидеть, что и в этом мире представлений не перестаёт воздействовать одностороннее платоновское воззрение противоположности восприятий и идей. Единственно ценными для познания являются лишь мысли, образованные независимо от восприятия. Спиноза идёт ещё дальше. Он распространяет это противопоставление также на моральные чувства и поступки человека.

Ощущение скуки может возникать только из идей, берущих своё начало в восприятии; такие идеи порождают в человеке желания и страсти, которые могут его поработить. Только то, что происходит от разума, вызывает безусловно радостные ощущения. Поэтому высшим счастьем для человека является жизнь в идеях разума, в отдаче себя познанию мира чистых идей. Кто преодолел то, что берёт своё начало в мире восприятий, и живёт только в чистом познании, тот испытывает высшее блаженство.

Спустя менее одного столетия после Спинозы с таким же образом мысли, позволяющим извлекать познания только из восприятия, выступает шотландец Давид Юм. Во времени и пространстве существуют только единичные вещи. Мышление связывает отдельные восприятия, но не потому, что в них самих лежит то, что соответствует этой связи, а потому, что разум привык приводить вещи в отношения. Человек привык видеть, что одна вещь следует во времени за другой. Он создаёт себе представление, что она должна следовать, называя первую вещь причиной, а вторую – следствием. Далее, человек привык видеть, что за мыслью его духа следует движение его тела. Он объясняет это тем, что дух вызывает движение тела. Мыслительные привычки являются не более, чем человеческими идеями. Действительность же имеют только восприятия.

Объединение различных, появившихся в продолжении столетий, направлений мысли состоялось в мировоззрении Канта. Последнему также не хватало естественного ощущения для отношения восприятия и идеи. Он жил в философских предрассудках, полученных им от его предшественников. Одним из таких предрассудков является то, что якобы существуют необходимые истины, выведенные чистым, свободным от всякого опыта мышлением. Доказательством тому, по его мнению, является существование математики и чистой физики, содержащие такие истины. Другой его предрассудок состоит в отрицании возможности достичь тех же необходимых истин опытным путём. Недоверие к миру восприятия было свойственно и Канту. К его вышеупомянутым привычкам мышления добавляется ещё и влияние Юма. Он соглашается с Юмом в том, что идеи, в которых мышление сводит воедино отдельные восприятия, берут своё начало не в опыте. Что мышление добавляет их к опыту. Эти три предрассудка – фундамент мыслительного здания Канта. Человек обладает необходимыми истинами. Они не могут происходить из опыта, поскольку опыт их не доставляет. Тем не менее, человек применяет их к опыту. Он объединяет отдельные восприятия согласно этим истинам. Их

источником является сам человек. В его природе лежит то, что он приводит вещи в такое отношение, которое соответствует обрётённым, посредством чистого мышления, истинам. Кант идёт ещё дальше. Он приписывает способность приводить в определённый порядок то, что даётся им извне, также и чувствам. Этот порядок также не вливается извне с впечатлениями вещей. Пространственный и временной порядок впечатления получают лишь посредством чувственного восприятия. Пространство и время не принадлежат вещам. Человек организован так, что, когда вещи оказывают впечатления на его чувства, он приводит их в пространственные и временные отношения. Извне человек получает только впечатления, ощущения. Компоновка последних во времени и пространстве, их сведение с идеями, - это его собственная работа. Но и ощущения не являются тем, что происходит от вещей. Человек воспринимает не вещи, а лишь впечатления от них. Я ничего не знаю о вещи, имея ощущение от неё. Я могу лишь сказать: я замечаю у себя появление каких-то ощущений. Благодаря каким свойствам, эта вещь вызывает во мне эти ощущения, я узнать не могу. По мнению Канта, человек имеет дело не с вещами, а только с впечатлениями, которые те на него производят, и с отношениями, в которые он сам эти впечатления вносит. Мир опыта является не воспринятым объективно извне, а созданным, только на основе внешнего побуждения, субъективно изнутри. Отпечатки, которые он носит, придают ему не вещи, а человеческая организация. И, как таковой, он, следовательно, независимо от человека не существует. С этой точки зрения, возможно принятие необходимых, независимых от опыта, истин. Ведь, эти истины зависят просто от того, как человек для самого себя определяет свой мир опыта. Они содержат законы его организации. Они не имеют никакого отношения к вещам самим по себе. Таким образом Кант нашёл выход, позволяющий ему оставаться при своём предрассудке, будто, есть необходимые истины, действительные для содержания мира опыта и, в то же время, не вытекающие из него. Правда, для того, чтобы найти этот выход, ему пришлось признать, что человеческий дух не способен что-либо знать о вещах, самих по себе (*über die Dinge an sich*). Он должен был всякое познание ограничить миром явлений, который человеческая организация измышляет из самой себя на основании обусловленных вещами впечатлений. Ведь, какая забота была Канту до вещей самих по себе, если он мог спасти только вечные, с необходимостью действующие истины, как он их себе представлял. Односторонний платонизм принёс с Кантом парализующий познание плод.

Платон отвернулся от восприятия и направил свой взор на вечные идеи, поскольку ему казалось, что восприятие не может раскрыть ему сущность вещей. Кант же отказался от того, что идеи откроют ему путь к действительному пониманию существа мира, если за ними оставить только свойства вечного и необходимого. Платон держится идеального мира, так как верит, что истинная сущность мира должна быть вечной, неразрушимой, неизменяемой, а эти свойства он мог отнести только к идеям. Кант удовлетворяется уже тем, что он эти свойства идей может утверждать. Им совершенно не нужно потом раскрывать сущность мира.

Философские представления Канта были также особым образом подпитаны его религиозным направлением восприятия. Он исходил не из наблюдения в человеческом существе живого созвучия мира идей и чувственного восприятия, а из поставленного самому себе вопроса: возможно ли для человека, посредством переживания мира идей, познать нечто из того, что никогда не сможет вступить в область чувственного восприятия? Мыслящий же в русле гётевского мировоззрения познает реальность идеального мира, выявляя сущность идеи так, чтобы при этом ему становилось ясно, как она (эта сущность) позволит ему видеть реальность в чувственном мире. Тогда он может спросить себя: как далеко, посредством таким образом пережитого характера действительности идейного мира, я могу проникнуть в области, в которых сверхчувственные истины свободы, бессмертия, божественного миропорядка, находят своё отношение к человеческому познанию? Кант отрицал возможность познания реальности идейного мира из отношения этого идейного мира к чувственному восприятию. Из этой предпосылки, в качестве научного вывода, им было выявлено то, что бессознательно требовало его религиозное направление восприятия: что научное познание должно делать остановку перед такими вопросами, как вопросы свободы, бессмертия, божественного миропорядка. Выходило, что человеческое познание способно доходить только до границ, охватывающих область чувств, и что всё, выходящее за эти границы, относится к области веры. Он хотел ограничить познание, чтобы сохранить место для веры. В смысле же гётевского мировоззрения заложено то, что знание обретает твёрдую основу, только посредством наблюдения сущности идейного мира в природе, чтобы затем, приобретя эту основу, двигаться к опыту, выходящему за пределы чувственного мира. И даже когда познаются области, лежащие за пределами чувственного мира, взгляд направляется на

живое созвучие идеи и опыта, обеспечивая надёжность познания. Кант такую надёжность найти не смог. Поэтому для представлений о свободе, бессмертии и божественном миропорядке он отводил место за пределами познания. Гётевскому мировоззрению свойственно желание узнать о «вещи самой по себе» так много, как это позволяет, обнаруженная в природе, сущность идеального мира. В смысле кантовского мировоззрения, познание лишается права вторгаться в мир «вещей самих по себе». Гёте хотел зажечь в познании свет, освещающий сущность вещей. Ему тоже было ясно, что в свете не лежит сущность освещаемой вещи; но он, тем не менее, не хотел отказываться от того, чтобы, благодаря такому освещению, эта вещь могла проявиться. Кант утверждал: раз в свете не содержится сущность освещаемой вещи, то этот свет не может проявить в этой вещи ничего. Перед лицом мировоззрения Гёте, кантовское мировоззрение может стоять только в смысле следующего представления: не через выметание старых заблуждений, не через свободное естественное проникновение в реальность возникло это мировоззрение, а через логическое слияние привитых и унаследованных философских и религиозных предрассудков. Оно могло быть создано только умом, в котором чувство для живого творчества в природе осталась неразвитым. И оно могло действовать только на умы, страдающие тем же недостатком. Из далеко идущего влияния, оказываемого кантовским образом мысли, видно, насколько глубоко оно было укоренено в русле одностороннего платонизма.

Гёте и мировоззрение Платона

Я описал развитие мысли от Платона до Канта, чтобы показать, с каким философским наследством должен был иметь дело Гёте для удовлетворения своего неодолимого стремления к познанию. На бесконечное число вопросов, к которым вела его природа, в этих философиях он ответа не находил. Более того, оказывалось, что, углубляясь в мировоззрение какого-либо философа, он сталкивался с противоречием между направлением, в котором он ставил свои вопросы, и

тем миром мысли, в котором он хотел получить на них ответ. Причина этого состояла в том, что одностороннее платоновское разделение идеи и опыта противоречила его естеству. Когда он наблюдал природу, та открывала ему идеи. Поэтому он мог мыслить её только наполненной идеями. Идеальный мир, не пронизывающий природные вещи, не участвующий в их возникновении и исчезновении, становлении и росте, для него - бессильная паутина пустых мыслей. Такое логическое плетение мыслей, без углубления в реальную жизнь и деятельность природы, кажутся ему бесплодным. Потому, что он чувствует себя сросшимся с природой. Он рассматривает и себя, как живой член природы. То, что возникает в его духе, - на его взгляд, это то, что позволяет возникнуть в нём природа. Человек не должен забиваться в угол и полагать, что там он из самого себя может сплести некую мысленную ткань, объясняющую сущность вещей. Он должен постоянно пропускать через себя поток происходящего в мире. Тогда он почувствует, что идеальный мир является ничем иным, как созидающей и деятельной силой природы. Он не будет хотеть стоять над вещами, чтобы их обдумать, а будет вкапываться в их глубины и доставать из них то, что в них живёт и действует.

К такому образу мыслей Гёте вела его натура художника. С той же необходимостью, с какой расцветает цветок, он ощущал рост своих поэтических произведений из своей личности. Способ, которым дух создавал в нём произведения искусства, не отличался для него от того способа, которым создаёт свои творения природа. И, как в произведении искусства не могут быть разделены духовный элемент и бездушная материя, так для него было невозможным представить восприятие чего-либо в природе без идеи. Поэтому ему представлялось чуждым воззрение, которое хотело видеть в восприятии лишь нечто неясное, бессвязное, отделённое от мира идей и очищенное от всякого опыта. В каждом мировоззрении, в котором жили элементы односторонне понятого платонизма, он ощущал нечто противоестественное. Поэтому у этих философов он не мог найти того, что искал. Он искал идеи, которые живут в вещах, и которые позволяют предстать всей совокупности опыта вырастающей из одного живого целого, а философы доставляли ему мыслительную шелуху, объединённую в системы, согласно логическим принципам. Снова и снова, когда он искал помощи в разрешении загадок, поставленных ему природой, у других, он ощущал себя отвергнутым, предоставленным самому себе.

К вещам, от которых Гёте страдал перед своим путешествием в Италию, принадлежало и то, что его потребность в познании не могла найти удовлетворения. В Италии он смог составить суждение о тех побудительных силах, из которых выходят произведения искусства. Он увидел, что в законченных произведениях искусства содержится то, что люди почитают как вечное, божественное. После просмотра творений искусства, которые его особенно интересовали, он пишет: «Высокие произведения искусства, так же, как и высочайшие произведения природы, созданы человеком по *истинным* и *естественным* законам. Всё произвольное, воображаемое становится несостоятельным; *здесь необходимость, здесь Бог*». Искусство греков побудило его к следующему высказыванию: «Подозреваю, что они (греки) действовали согласно тем же законам, что действует и природа, и по следам этих законов иду также я». То, что полагал найти в мире идей Платон, что не могли дать философы, явилось ему в произведениях искусства Италии. В искусстве, поначалу в несовершенном виде, Гёте открылось то, в чём он смог увидеть основу познания. Он увидел в художественном производстве вид и более высокую ступень действия природы; художественное творчество было для него повышенным природным творчеством. Он высказал это позднее в своей характеристике Винкельманна: «...человек, поставленный на вершину природы, снова видит себя как некую целостную природу, которая, в свою очередь, должно произвести вершину из себя. Для этого он повышает свой градус, пронизывая себя всеми совершенствами и добродетелями, призывая выбор, порядок, гармонию и, *в конце концов, возвышаясь до создания произведения искусства...*». Не путём логических заключений, а посредством рассмотрения сущности искусства приходит Гёте к своему мировоззрению. И то, что он нашёл в искусстве, он ищет также в природе.

Деятельность, посредством которой Гёте познаёт природу, существенно не отличается от художественной деятельности. Обе переходят друг в друга, взаимозаменяют друг друга. Художник, на взгляд Гёте, должен стать больше и решительней, «если он вдобавок к своему таланту является ещё и образованным ботаником; если из корня, по тому, как влияют различные части растения на его распространение и рост, он узнаёт их назначение и действие друг на друга; если он видит постепенное развитие листков, цветков, процесс оплодотворения, плод и новый росток и размышляет над этим. Тогда он будет демонстрировать свой вкус не просто посредством выбора явлений, а будет также повергать нас в изумление и учить посредством правильного представления их свойств».

Произведение искусства, согласно этому, тем совершеннее, чем больше в нем находят выражение те закономерности, которые содержатся в соответствующем явлении природы. Существует только одно единое царство истины, и оно охватывает и искусство, и природу. Поэтому и способность творческого деяния не может существенно отличаться от способности познания природы. О стиле художника Гёте говорит, что он «[покоится] на глубочайших основах познания, на сущности вещей, на том, насколько он позволяет нам узнавать его в видимых и осязаемых формах». Односторонне понятые представления Платона предшествующего рассмотрения мира проводят четкую границу между наукой и искусством. Творческую деятельность они оставляют на произвол фантазии, чувств; научные же выводы должны быть результатом свободного от фантазий понятийного развития. Гёте представляет себе это иначе. Когда он направляет свой взгляд на природу, ему предстаёт сумма идей; но он находит, что идеальная составляющая отдельного объекта опыта не завершена; идея, помимо отдельного, указывает на родственные предметы, в которых она проявляется сходным образом. Философствующий наблюдатель ухватывает эту идеальную составляющую и выражает её непосредственно в своём труде. Это идеальное действует и на художника. Но оно побуждает его к созданию произведения, в котором идея действует не просто как в природном феномене, а становится актуальным *проявлением*. То, что в природном явлении есть просто идеальное, открывающееся духовному взгляду наблюдателя, в произведении искусства становится реальностью, становится воспринимаемой действительностью. Художник реализует идеи природы. Но ему не надо приносить их в сознание в форме идей. Когда он наблюдает вещь или событие, в его духе непосредственно формируется нечто другое, что содержится в реальном явлении, но присутствует в нём только в качестве идеи. Художник доставляет произведению природы образы, преобразующие его идеальное содержание в содержание воспринимаемое. Философ показывает, как природа предстаёт мыслящему наблюдению; художник показывает, как выглядела бы природа, если действие своих сил она раскрывала бы не только мышлению, но и восприятию. Это одна и та же истина, которую философ представляет в форме мысли, а художник – в форме образа. Оба отличаются друг от друга только средствами выражения.

Понимание истинного отношения идеи и опыта, обретенное Гёте в Италии, является лишь плодом, выросшим из семени, которое было скрыто

в его природном даровании. Путешествие по Италии принесло ему то тепло, которое было в состоянии привести это семя к созреванию. В статье «Природа», опубликованной в 1782 году в тиефуртском журнале (назван в честь замка Тиефурта, находящегося в районе Тиефурт города Веймара, - прим. пер.), инициатором которого он был (смотри мою ссылку об авторстве Гёте в VII томе сочинений гётевского общества), уже содержатся ростки позднейшего гётевского мировоззрения. То, что там было лишь смутным ощущением, станет затем ясной мыслью. «Природа! Мы окружены ею, сплетены с ней – невозможно выйти из неё, и невозможно проникнуть в неё глубже. Без спроса и предупреждения она втягивает нас в кружение своего танца и уносится с нами прочь, пока мы обессиленные не выпадаем из её рук... Она (природа) постоянно мыслит; но не как человек, а как природа... У неё нет ни языка, ни речи, но она создаёт язык и сердце, посредством которых она чувствует и говорит... Я говорил не о ней. Нет, что было истинным, и что неверным, - она высказала всё. Всё является её виной и её заслугой!». – Когда Гёте это писал, ему ещё не было ясно, как природа высказывает свою идеальную сущность через человека; но он чувствовал, что то, что звучит в духе человека, является голосом природного духа.

В Италии Гёте нашёл ту духовную атмосферу, в которой, смогли сформироваться его органы познания, которые и должны были сформироваться в соответствии с его задатками, в случае их полного раскрытия. В Риме он «проводил много времени в беседах с Моритцем об искусстве и теоретических требованиях к нему»; в этой поездке, наблюдая метаморфозу растений, он развил соответствующий природе метод изучения, который позднее оказался плодотворным для познания всей органической природы. «Поскольку, когда вегетация шаг за шагом открывала мне свой метод, я не мог ошибаться, наоборот, внимая ему, я должен был признать те пути и средства, с помощью которых она постепенно могла придавать завершённость самому зачаточному состоянию (*den eingehülltesten Zustand*)». Через несколько лет после возвращения из Италии ему удалось найти метод, рождённый его духовными потребностями, для рассмотрения также неорганической природы. «При физических исследованиях меня не покидало убеждение, что при рассмотрении любого предмета непреложным долгом является точное определение условий, при которых появляется феномен, и стремление к его полному выявлению; поскольку все эти феномены, всё же, не упорядочены и принуждены смешиваться друг с другом, а также

представлять взгляду исследователя некий вид организации, манифестирующий их общую внутреннюю жизнь».

Гёте нигде не находил объяснений. Он должен был находить их сам. Он искал причины этого и объяснял себе это тем, что для философии у него просто отсутствует соответствующий орган. На деле же, причина заключалась в том, что односторонне понимаемый платоновский образ мысли, владевший всеми доступными ему философиями, противоречил его здоровой натуре. В юности он многократно обращался к Спинозе. Он даже признаёт, что этот философ всегда оказывал на него «умиротворяющее воздействие». Это объясняется тем, что Спиноза видел вселенную как огромное единство, где всё отдельное с необходимостью выводится из этого единого. Но, углубляясь в содержание спинозовской философии, он всё же чувствовал, что она ему чужда. «Не надо, однако, думать, что я подписался бы под всеми его текстами и признал бы их безоговорочно. Ведь то, что никто не понимает другого, что никто, используя одни и те же слова, не думает одинаково, что любая беседа, лекция вызывают у различных людей различные мысли, - всё это я уже видел достаточно ясно, и от издателя Вертера и Фауста вполне можно ожидать, что он глубоко пропитан такими недопониманиями и не лелеет себя тщеславием полностью понимать человека, который, будучи учеником Декарта, посредством математической и раввинской культур, поднял себя на вершину мышления; которая вплоть до сегодняшнего дня, похоже, является целью всех спекулятивных усилий». Не то, что Спинозу учил Декарт, и также не то, что он возвысил себя к вершине мышления, посредством математической и раввинской культур, делало его для Гёте неким элементом, которому он всё же не мог полностью отдаться, а его (Спинозы) чуждость реальности, чисто логический способ обхождения с познанием. Гёте не мог отдаться чистому, свободному от опыта, мышлению, поскольку не хотел отделяться от единства реального. Он не хотел присоединять одну мысль к другой просто логически. Такая мыслительная деятельность казалась ему скорее отвлекающей от истинной реальности. Он должен был погрузить дух в опыт, чтобы прийти к идеям. Взаимодействие идеи и восприятия было для него духовной отдушиной. «Посредством колебаний маятника, правит время, посредством взаимодействия идеи и опыта – моральный и научный мир». Рассматривать мир и его явления в смысле этого предложения казалось Гёте соответствующим природе. Поскольку для него не было сомнений в том, что природа использует тот же метод: что она «является развитием из

некого живого таинственного целого» к многообразию особых явлений, заполняющих пространство и время. Таинственное целое – это мир идей. Идея вечна и едина; и то, что мы нуждаемся также во множественном числе, блага не приносит. Всё, что мы наблюдаем и о чём можем говорить, является лишь манифестацией этой идеи; поскольку мы говорим понятиями, понятием является и сама идея». Созидание природы исходит из целого, являющегося видом идеального, и приходит к единичному, которое предоставляется восприятию как реальное. Поэтому наблюдатель должен: «опознать идеальное в реальном, а переживаемый дискомфорт от конечного умиротворить возведением в бесконечное». Гёте убеждён в том, что «природа действует согласно идее, как идее, во всех своих начинаниях, следует и человек». Когда человеку действительно удаётся возвыситься до идеи и, исходя из идеи, ухватить детали восприятия, он осуществляет то же самое, что и природа, позволяющая излиться своим творениям из таинственного целого. Пока же человек не чувствует деятельность и созидательность идеи, его мышление остаётся отделённым от живой природы. Он должен тогда рассматривать мышление просто как субъективную деятельность, которая может создать абстрактный образ природы. Но по мере чувствования того, как идея живёт и действует внутри него, он рассматривает природу как целое, и то, что является внутри него как субъективное, считается им, одновременно объективным; он знает, что больше не стоит перед природой как чужак, а чувствует себя сросшимся с её целым. Субъективное стало объективным; объективное полностью пронизанным духом. Гёте считает, что основное заблуждение Канта заключается в том, что тот «рассматривает саму субъективную способность познания как объект, и определяет точку, где встречаются субъективное и объективное, хотя и отчётливо, но не совсем верно» (Веймаровское издание, вторая часть, том XI, стр. 376). Познавательная способность кажется человеку субъективной лишь до тех пор, пока он не заметит, что через неё говорит сама природа. Субъективное и объективное встречаются, когда объективный мир идей возрождается в субъекте, когда в человеческом духе живёт то, что действует в самой природе. Когда это случается, прекращается любое противопоставление субъективного и объективного. Это противопоставление имеет значение только до тех пор, пока человек искусственно поддерживает его, пока он рассматривает идеи как собственные мысли, посредством которых отображается сущность природы, но в которых сама природа не задействована. Кант и кантинианцы понятия не имеют о том, что в идеях разума непосредственно

переживается сущность вещей. Для них всё идеальное является просто субъективным. Поэтому они пришли к мнению, что идеальное необходимо считать имеющим силу только в том случае, если то, к чему оно относится, то есть, мир опыта, является субъективным. Гётевское воззрение стоит в полной противоположности кантовскому образу мысли. Хотя имеются отдельные высказывания Гёте, в которых он, в некотором смысле, признаёт воззрения Канта. Он рассказывает, что участвовал в некоторых диспутах об этих воззрениях. «С некоторым вниманием я мог заметить, что снова и снова поднимался старый вопрос о том, в какой мере наше Я и в какой мере внешний мир участвуют в нашем духовном бытии. Я никогда не разделял обоих, и, когда я философствовал о вещах на свой лад, я делал это с бессознательной наивностью и действительно верил, что имею свои суждения перед глазами. Но когда начался этот спор, мне захотелось присоединиться к той стороне, которая превалирующую роль отводит человеку, и полностью одобрил мнение тех моих друзей, которые вместе с Кантом утверждали: даже если всё наше познание относится к опыту, это не говорит о том, что оно полностью из него исходит». На взгляд Гёте, идея тоже берёт своё начало не в той части опыта, которая представляется простому чувственному восприятию. Разум и фантазия должны быть приведены в действие, проникая внутрь существа, для того, чтобы овладеть идеальным элементом бытия. Тогда человеческий дух принимает участие в рождении познания. Гёте полагает, человеку делает честь то, что в его духе проявляется высшая реальность, недоступная чувствам; Кант же, напротив, отрицает характер высшей реальности мира опыта, поскольку последняя содержит в себе составляющие, происходящие из духа. Только интерпретируя предложения Канта согласно своему мировоззрению, Гёте мог относиться к ним с одобрением. Основы кантианского образа мысли противоречили сущности Гёте наиострейшим образом. Если он это противоречие и не подчеркивал достаточно резко, то причина этого лежала, вероятно, в том, что он этими основами не занимался, поскольку они были ему чужды. «Мне нравилось начало (Критики чистого разума), войти в сам лабиринт я отважиться не мог: то мне мешал поэтический дар, то человеческий разум, и я не чувствовал себя улучшенным ни в том, ни в другом». О своих беседах с кантианцами Гёте признавался: «Они хоть и выслушивали меня, но ничего не могли мне ни возразить, ни добавить. Не раз случалось так, что тот или иной из них с улыбкой и удивлением признавал: это, конечно, хоть и аналог кантианского образа представлений, но какой-то странный». Но, как я

показал, это был не аналог, а решительная противоположность кантианского образа представлений.

Интересно наблюдать, как объясняет контраст гётевского образа мысли и своего собственного Шиллер. Он чувствует оригинальность и свободу гётевского мировоззрения. Но он не может избавиться от односторонне понятого платоновского мыслительного элемента. Он не в состоянии подняться до воззрения, что идея и восприятие на самом деле нераздельны, что они лишь мыслятся раздельными совращенным фальшивым направлением мысли разумом. Поэтому он противопоставляет гётевский ум (Geist), обозначаемый им как интуитивный, и свой собственный как спекулятивный, и полагает, что, если оба они будут действовать достаточно интенсивно, то приведут к одной и той же цели. Под интуитивным умом Шиллер понимает ум, который держится эмпирического, индивидуального, и от этого поднимается к закономерности, к идее. Если такой ум гениален, он будет узнавать необходимое в эмпирическом, категориальное (Gattungen) в индивидуальном. Спекулятивный ум, напротив, должен проделывать обратный путь. Ему вначале даётся закон, идея, и от них он должен спускаться к эмпирическому и индивидуальному. Если гениален такой ум, то он, хотя и по-прежнему, будет иметь в виду только категории (Gattungen), но последние будут обладать возможностью жизни и обоснованной связью с реальными объектами. Допущение существования особых духовных видов, спекулятивного и интуитивного, основывается на вере, что идеальный мир обладает изолированным, отдельным от мира восприятия, бытием. Если бы это было так, то мог бы существовать путь, на котором содержание идей достигало бы ума через воспринимаемые вещи, даже если бы этот ум не искал его в опыте. Но если мир идей и реальность опыта нераздельно связаны и оба существуют только как единство, то может существовать только интуитивное познание, ищущее идеи в опыте и с индивидуальным одновременно постигающее категориальное. В действительности не существует чисто спекулятивного ума в смысле Шиллера. Потому что категории существуют лишь в пределах сферы, которой принадлежат и индивидуумы; и где-либо ещё ум найти их не может. Если же, так называемый, спекулятивный ум действительно обладает категориальными идеями, то они происходят из наблюдения реального мира. Когда живое чувство для этого происхождения, для необходимой связи категориального с

индивидуальным, теряется, возникает мнение, что такие идеи могут появляться в разуме и в отсутствии опыта. Исповедующие такое мнение обозначают сумму абстрактных категориальных идей как содержание чистого разума, поскольку они не видят нитей, которыми эти идеи связаны с опытом. В такое заблуждение легче всего впасть относительно самых общих, всеохватывающих идей. Поскольку такие идеи охватывают широкие области реальности, в них выхолащивается, или бледнеет, то, что относится к принадлежащим этим областям частностям. Через традиции можно воспринять некоторое количество таких общих идей и верить в то, что они являются для человека врождёнными, или в то, что они выдуманы чистым разумом. Охваченный такой верой ум, может рассматривать себя как спекулятивный. Но он больше никогда не сможет извлечь из своего мира идей то, что туда вложили основатели традиции, из которой он эти идеи воспринял. Если Шиллер считает, что спекулятивный ум, будучи гениальным, производит «хотя и по-прежнему, только категории (Gattungen), но категории, обладающие возможностью жизни и связью с реальными объектами» (Письмо Шиллера Гёте от 23 августа 1794 года), то это заблуждение. Действительно спекулятивный ум, живущий только в категориальных понятиях, не смог бы найти в своём мире идей никакой другой обоснованной связи с действительностью, кроме той, которая уже в нём есть. Ум, имеющий связь с природной действительностью, и называющий себя спекулятивным, находится в заблуждении относительно своей собственной сущности. Это заблуждение может привести его к искушению пренебречь своими связями с реальностью, с непосредственной жизнью. Он будет верить в то, что сможет обойтись и без непосредственного наблюдения, поскольку имеет другой источник истины. Следствием этого всегда является то, что мир идей такого человека будет носить выхолащенный характер. Его мыслям будут недоставать свежих красок жизни. Если он желает жить в связке с реальностью, из такого идеального мира он может подчерпнуть не много. Спекулятивный вид ума нужно рассматривать не в качестве равноправного интуитивному, а как ущербный, обеднённый жизнью вид мышления. Интуитивный ум имеет дело не просто с индивидуальным, он не ищет в эмпирическом характере необходимости. Обращаясь к природе, такой ум непосредственно сводит восприятие и идею в единство. Обе смотрят друг в друга и переживаются как целостность. Он может подняться к самым общим истинам, к высшим абстракциям: в его мире мысли будет всегда узнаваться непосредственная истинная жизнь. Таким было гётевское

мышление. Хайнрот в своей Антропологии сделал о таком мышлении отличное высказывание, которое в высшей степени понравилось Гёте, поскольку объясняло его природу. «Доктор Хайнрот... положительно отзывается о моём существе и деятельности, он называет мой метод своеобразным: а именно, что мой интеллект предметен, имея в виду, что моё мышление не отделяет себя от предметов; что элементы предметов, интуиции, входящие в них, глубоко проникнуты им; что мое наблюдение предметов само является мышлением, а моё мышление – наблюдением». По-сути, Хайнрот описывает то, как любое здоровое мышление ведёт себя по-отношению к предметам. Любой другой вид поведения был бы отклонением от естественного. Если у человека преобладает наблюдение, он заикливается на индивидуальном; он не в состоянии проникнуть в глубины реальности; если у него преобладает абстрактное мышление, то его понятий становится недостаточно для понимания живого наполнения действительности. Экстремальный случай первого отклонения представляет собой чистый эмпирик, удовлетворяемый индивидуальными фактами; другая крайность - философ, который предлагает чистый разум, который только думает, без какого-либо ощущения того, что мысли, по своей сущности, связаны с наблюдением. Чувство мыслителя, поднявшегося к высшим истинам без утраты ощущения живого опыта, Гёте представляет в виде прекрасного образа. В начале 1784 года он пишет статью о граните. Он видит себя на вершине горы, образованной этим минералом, где говорит себе: «Здесь ты стоишь на основании, достигающем глубочайших регионов Земли, между тобой и твердью первобытного мира нет ни новообразованных слоёв, ни нагромождений оставленного паводками мусора, здесь ты не идёшь, как в тех прекрасных плодородных долинах, по нескончаемым могилам, - эти вершины не произвели ничего живого и ничего живого не поглотили, они существуют до любой жизни и над любой жизнью. В этот момент, когда привлекающие и волнующие нутро силы Земли действуют на тебя непосредственно, поскольку небо приблизилось, чувствуешь себя призванным к более высокому рассмотрению природы, и, как всё оживляется человеческим духом, так и в тебе оживает аллегория, величину которой не можешь противиться. Таким одиноким, говоришь ты себе, глядя на эту совершенно голую вершину и не видя в отдалении, у подножья горы, даже жалкого пятна мха, таким одиноким, говоришь ты, чувствует себя человек, который хочет открыть свою душу *только самым первым, древнейшим и глубочайшим чувствам истины*. – Тогда ты можешь сказать себе: здесь, на

древнейшем, вечном алтаре, возведённом непосредственно в глубине творения, я приношу жертву существу всех существ. Я ощущаю первые, самые прочные начала нашего бытия; я оглядываю этот мир, его обрывистые и пологие долины, его далёкие плодородные пастбища, моя душа возвышается над всем и над собой, и стремится к небу. Но скоро жгучее солнце возвращает мне жажду и голод, мои человеческие потребности. *И я нахожу себя в тех долинах*, над которыми уже взметался мой дух». Такие энтузиазм и познание, такие чувства по отношению к древнейшим, вечным истинам, может развить в себе лишь тот, кто из регионов мира идей всегда находит путь назад, к непосредственному наблюдению.

Личность и мировоззрение

С внешней стороной природы человек знакомится через наблюдение; её глубоко лежащие движущие силы обнажаются в его собственном внутреннем как субъективные переживания. В философском рассмотрении мира и в художественном творчестве субъективные переживания пронизывают объективное наблюдение. То, что должно было распасться на две части, чтобы проникнуть в человеческий ум, снова становится целым. Когда человек включает в свою телесность объективно созерцаемый мир, который раскрывает в его внутреннем свои самые глубокие тайны, удовлетворяются его высшие духовные потребности. Познания и произведения искусства есть ни что иное, как объективно воспринятое (*Anschauungen*), наполненное внутренними человеческими переживаниями. В самом простом суждении о вещи или событии внешнего мира могут быть обнаружены в тесной связке человеческое душевное переживание и внешнее восприятие. Если я говорю: одно тело сталкивается с другим, то я уже перенёс внутреннее переживание на внешний мир. Я вижу какое-то тело в движении; оно сталкивается с другим; в следствии этого последнее также приходит в движение. Этими словами содержание восприятия исчерпано. Но это не приносит мне успокоения. Поскольку я чувствую: во всём явлении содержится больше, нежели я получаю от *этого* простого восприятия. Я обращаюсь к внутреннему переживанию, которое объясняет мне моё восприятие. Я

знаю, что, применяя силу, я сам могу привести в движение какое-нибудь тело. Это переживание я переношу на явление и говорю: одно тело сталкивается с другим. «Человек не понимает, насколько он антропоморфный» (Гёте, Высказывания в прозе. Кюршнер, том 36,2 стр.353). Есть люди, которые из-за наличия этой субъективной составляющей в каждом суждении о внешнем мире делают вывод, что объективная сущность действительности человеку не доступна. Они полагают, что человек искажает непосредственное, объективное состояние вещей, внося в него свои субъективные переживания. Они говорят: поскольку человек может представлять себе мир только через очки своей субъективной жизни, все его познания субъективны, человечески ограничены. Но кто сознаёт то, что раскрывается во внутреннем человека, тот не захочет иметь дела с подобными бесплодными утверждениями. Он знает, что истина достигается, именно, благодаря тому, что в человеческом процессе познания восприятие и идея проникают друг в друга. Ему ясно, что в субъективном живёт самое что ни на есть объективное. «Если здоровая природа человека действует как единство, если он чувствует себя в этом мире, как в огромном, прекрасном, бесценном едином, если это ощущение гармонии вызывает у него чистое, свободное восхищение, *тогда мироздание, если бы оно само могло почувствовать себя достигшим своей цели, возрадовалось бы, поражаясь вершиной своего собственного становления*» (Кюршнер, том 27, стр. 42). Реальность, доступная простому наблюдению, является лишь половиной всей реальности; содержание человеческого духа – её другая половина. Если бы человек не вступил в этот мир, эта вторая половина никогда не стала бы живым проявлением, полным бытием. Она действовала бы, конечно, как скрытый мир сил; но она была бы лишена возможности показать себя в своём собственном образе. Хочется сказать: без человека мир показывал бы свое ненастоящее лицо. Он был бы тем, что он есть, благодаря своим глубинным силам, но сами эти глубинные силы были бы скрыты его собственным действием. В человеческом духе они становятся расколованными. Человек здесь не просто для того, чтобы создавать себе картину готового мира; нет, он является сосоздателем этого мира.

Субъективные переживания у разных людей формируются по-разному. Для тех, кто не верит в объективную природу внутреннего мира, это ещё одна причина отказаться от возможности проникнуть в сущность вещей. Поскольку, как сущность вещи может являться одному так, а

другому иначе? Для того же, кто распознаёт истинную природу внутреннего мира, из различия внутренних переживаний следует лишь то, что природа может высказывать своё богатое содержание различным образом. Отдельному человеку истина является в индивидуальной одежде. Она приспосабливается к своеобразию его личности. Особенно это относится к высшим, наиболее важным для человека истинам. Для того, чтоб обрести их, человек переносит свои самые интимные духовные переживания на воспринимаемый мир, а вместе с ними, одновременно, и наиболее своеобразное своей личности. Существуют также общие истины, которые человек принимает, не придавая им индивидуальной окраски. Но это самые поверхностные, самые тривиальные истины. Они соответствуют родовому характеру человека, одинаковому для всех. Некоторые свойства, присущие всем людям, производят одинаковые суждения. Способ видения вещей согласно их мере и количеству у всех людей одинаков. Поэтому все обнаруживают одни и те же математические истины. Но в тех свойствах, в которых отдельная личность поднимается над общим родовым характером, лежит причина также индивидуального оформления истины. Важно не то, что одному человеку истина является иначе, нежели другому, а то, что все воспринимаемые человеком индивидуальные формы принадлежат единому целому, - целостному идеальному миру. Истина говорит внутри отдельных людей различными языками и диалектами; в каждом она говорит своим языком, предназначенным только ему. Но это всегда одна и та же истина. «Если я знаю моё отношение к себе самому и к внешнему миру, то я называю это истиной. И так у каждого может быть своя собственная истина, которая, всё же, всегда одна и та же». Это мнение Гёте. Истина – это не застывшая, мёртвая система понятий, способная принять лишь один единственный облик; она – живое море, в котором живёт человеческий дух, и волны которого способны представлять на его поверхности различные формы. «Теория, сама по себе, нужна лишь настолько, насколько она заставляет нас верить во взаимосвязь явлений», говорит Гёте. Он не ценит теории, которые стремятся быть раз и навсегда законченными, и в этом законченном виде представлять истину. Он хочет иметь живые понятия, благодаря которым отдельный дух обобщает свои наблюдения согласно своему индивидуальному своеобразию. *Познать истину означает для него жить в истине.* А жить в истине – ни что иное, как, при рассмотрении каждой отдельной вещи, замечать, какое внутреннее переживание вызывает в тебе эта вещь. Такой взгляд на человеческое познание не может говорить о границах знания и об

ограничении его природой человека. Поскольку вопросы, представляющиеся познанию, согласно этому взгляду, вытекают не из вещей; они также не даны человеку какой-либо, действующей за пределами его личности силой. Они вытекают из природы самой личности. Когда человек обращает свой взгляд на вещь, в нём возникает желание видеть больше, чем то, что выступает перед ним в восприятии. И насколько далеко простирается это желание, настолько далеко простирается его потребность познания. Откуда берётся это желание? Только от того, что возбуждённое в его душе внутреннее переживание стремится войти в связь с этим восприятием. Как только связь установлена, удовлетворена также и потребность познания. Желание познания – это требование человеческой природы, а не вещи. Последняя не может сказать человеку о своём существе больше, чем тот от неё потребует. Тот, кто говорит об ограниченности способности познания, не знает, откуда появляется эта способность познания. Он полагает, что содержание истины где-то хранится, и в человеке живёт лишь неопределённое желание найти доступ к этому месту хранения. Но это сама сущность вещи, которая выкристаллизовывается внутри человека и стремится туда, к чему она принадлежит: к восприятию. Не к чему-то скрытому стремится человек в процессе познания, а к равновесию двух сил, оказывающих на него воздействие с двух сторон. Наверно, можно сказать, что без человека не было никакого познания внутреннего вещей, поскольку без него не существовало бы того, благодаря чему это внутреннее могло бы высказаться. Но нельзя говорить о том, что во внутреннем вещи есть нечто недоступное для человека. То, что в вещи имеется нечто ещё, кроме того, что доставляет ему восприятие, человек знает только потому, что это нечто живёт внутри него самого. Говорить о чём-то дополнительно скрытом в вещи, значит тратить слова на то, чего не существует. Натуры, которые не в состоянии признать, что это язык вещей говорит внутри человека, полагают, что все истины должны проникать в человека снаружи. Такие натуры держатся либо простого восприятия, считая, что только благодаря зрению, слуху, осязанию, сбору исторических событий, а также сравнению, вычислению, расчёту, взвешиванию всего воспринятого из вещественного мира, можно познать истину; или они придерживаются взгляда, что истина может открыться человеку только если она даётся ему способом, лежащим за пределами познания в виде откровения, или, наконец, они хотят овладеть высшим пониманием, которое, по их мнению, доступный мышлению идейный мир им

предложить не может, посредством сил особой природы, посредством экстаза или мистического видения. Мыслящие в кантианском смысле и односторонние мистики пополняют также ряды особого рода метафизиков. Последние так же пытаются составить себе понятия об истине посредством мышления. Но они ищут содержание для этих понятий не в мире идей человека, а в некой, лежащей позади вещей, второй реальности. Они полагают, что, посредством чистых понятий, они смогут, либо как-то определиться относительно этого содержания, либо, с помощью гипотез, по меньшей мере, составить себе представление о нём. Я говорю сейчас пока о людях первого вида, о фанатиках фактов, которым временами приходит в голову мысль, что при расчётах и вычислениях уже имеет место обработка содержания наблюдения с помощью мышления. Но тогда они говорят, что мыслительная работа является просто *средством*, с помощью которого человек стремится познать связь этих фактов. То, что вытекает из мышления при обработке [впечатлений] внешнего мира, кажется им просто субъективным; объективным содержанием истины, достойным содержанием познания они считают только то, что при помощи мышления приходи к ним извне. Они, конечно, улавливают факты своими мыслительными сетями, но только это уловленное считают объективным. Они упускают из виду, что это уловленное, благодаря мышлению, претерпевает корректировку, интерпретируется, приобретая то, чего в простом наблюдении нет. Математика – это результат чистого мыслительного процесса, её содержание духовно, субъективно. А механик, представляющий природные процессы в математических отношениях, может это делать только при условии, что эти отношения обуславливаются существом этих процессов. Но это означает ни что иное, как то, что в наблюдении скрыт математический порядок, который видит лишь тот, кто сформировал математические законы в своём духе. Между математическими и механическими наблюдениями, и интимнейшими духовными переживаниями, разница не в виде, а только в степени. И с таким же правом, как результаты математического исследования, человек может перенести на наблюдения и другие внутренние переживания, другие области своего идейного мира. Только фанатик фактов, похоже, замечает чисто внешние процессы. Он не размышляет, главным образом, над идейным миром и его характере, как о субъективном переживании. И его внутренние переживания являются малосодержательными, бескровными абстракциями, затемнёнными мощным фактическим содержанием. Иллюзия, которой он предаётся, может держаться лишь до тех пор, пока он

остаётся на самой нижней ступени интерпретации природы, пока он просто считает, взвешивает, рассчитывает. На более высоких ступенях очень скоро пробивается истинная природа познания. Но, наблюдая за фанатиками фактов, видно, что они, как раз, держатся, в основном, нижних ступеней. Они уподобляются этим эстету, который судит о каком-либо музыкальном произведении только по тому, что можно рассчитать и сосчитать. Они хотят разделить человека и явления природы. Ничего субъективного не должно просочиться в наблюдение. Гёте осуждает такой образ действий следующими словами: «Человек, сам по себе, пока он руководствуется своими здоровыми чувствами, является величайшим и точнейшим физическим аппаратом, какой только существует, и поэтому величайшим бедствием новейшей физики является именно то, что она как бы отделяет человека от эксперимента, ограничивая себя в познании природы и суждении о ней только тем, что показывают искусственные инструменты, то есть, находится в зависимости от того, на что они способны». К таким методам приводит страх перед субъективным, который основывается на недооценке истинной природы. «Но для этого и стоит человек так высоко, чтоб представлять себе непредставляемое. Ведь, что такое струна и все её механические составляющие по-отношению к уху музыканта? Ну, можно сказать, это то, чем являются элементарные проявления самой природы по-отношению к человеку, который, чтоб всех их как-то ассимилировать, должен их вначале связать и модифицировать,» (Высказывания в прозе, Кюршнер, том 36,2, стр. 351). Согласно воззрению Гёте, естествоиспытатель должен обращать внимание не только на то, какими являются вещи, но на то, какими бы они являлись, если бы к внешнему проявлению добавилось всё то, что действует в них в качестве идейных побудительных сил. Только когда перед явлениями предстаёт телесный и духовный организм человека, они раскрывают своё внутреннее.

Тому, кто подходит к явлениям с открытым наблюдающим умом и развитой внутренней жизнью, в которой проявляются идеи вещей, эти вещи, по мнению Гёте, раскрывают всё, что в них есть. Поэтому гётевское мировоззрение противоположно мировоззрению тех, кто ищет сущность вещей не в пределах реальности опыта, а в какой-то, лежащей за её пределами, второй реальности. Приверженцем такого мировоззрения для Гёте оказался Фридрих Генрих Якоби. Своё неудовольствие Гёте выразил замечанием в своём дневнике (от 1811 года): «Прочитав <О божественных вещах> Якоби, мне стало не по себе; как мне могла понравиться книга,

моего сердечно любимого друга, в которой я обнаруживаю тезис: природа скрывает Бога. Должно ли теперь такое странное односторонне ограниченное по духу высказывание, (с данным мне с рождения, а также приобретённым мною, чистым, глубоким, образом мысли, непрерывно учившим меня видеть Бога в природе и природу в Боге, и, благодаря такому роду представлений, создавший основу всего моего существования) навечно отдалить от меня благороднейшего человека, чьё сердце я так любил и почитал?». Гётевский образ мышления давал ему уверенность в том, что в своём идейном проникновении в природу он переживает вечное закономерное, и что это вечное закономерное для него идентично с божественным. Если бы божественное скрывалось за природными вещами и всё же образовывало бы в них творческий элемент, его нельзя было бы увидеть; человек должен был бы в него верить. В одном из писем к Якоби Гёте защищает своё *видение (Schauen)* перед *верованием (Glauben)*: Бог вбил кол в твоё тело и *покарал тебя метафизикой, а меня благословил физикой*. Я держусь почитания Бога атеиста (Спиноза), а всё, что вы называете, или хотите называть, религией, оставляю вам. Ты держишься *верования* в Бога; я – *наблюдения (Schauen)*». Там, где это наблюдение прекращается, человеческому духу делать нечего. В «Высказываниях в прозе» мы читаем: «Человек действительно поставлен как бы в середину реального мира и снабжён такими органами, что может познать и произвести как реальное, так, между прочим, и возможное. Всё здоровые люди убеждены в своём бытии и бытийности вокруг них. Однако, существует также некое пустое пятно в мозгу, то есть, место, в котором не отражается ни одна вещь, как затем возникает пятно и в самом глазе, которое ничего не видит. Если человек уделяет этому месту особое внимание, фиксируется на нём, то он заболевает *душевной болезнью*, воображает *вещи из другого мира*, которые, не обладают ни формой, ни границами, и, собственно, *не являются вещами*, но как *призраки ночной пустоты* ужасают и преследуют его» (Кюршнер, том 36,2, стр.458). Тем же настроением пропитано и следующее высказывание: «Самым высоким было бы понимание, что всё фактическое уже является теорией. Голубизна неба открывает нам основной закон хроматизма. *Не надо только искать что-либо за феноменами; они сами – учение (Lehre)*».

Кант отрицает способность человека проникать в *ту* область природы, где её творческие силы непосредственно *наблюдаемы*. По его мнению, понятия – это абстрактные единицы, в которых человеческий разум объединяет множественность сведений о природе, но которые,

однако, не имеют ничего общего с *живой* целостностью, созидательным единством природы, из которой эти сведения исходят в действительности. В процессе этого объединения человек переживает лишь субъективное действие. Он может соотносить свои общие понятия с эмпирическим наблюдением; но эти понятия не живые, не продуктивные для того, чтобы человек мог бы видеть происхождение из них индивидуального. Для Канта понятия являются мёртвыми единицами, существующими только в человеке. «Наш разум (Verstand) – это совокупность понятий, то есть, это дискурсивный разум, для которого, очевидно, должно быть всё равно, какого рода могут быть отдельные явления, представляемые ему природой, и способные быть включёнными в его понятия, и насколько они могут отличаться друг от друга». Это кантовская характеристика разума (Кант «Критика способности суждения»). Из неё с необходимостью вытекает следующее: «Для разума бесконечно важно, не упустить производительного механизма природы и не пройти мимо объяснения последнего; поскольку без этого невозможно осознать природу вещей. Ведь, если допустить, что некий высший архитектор либо непосредственно создал все имеющиеся природные формы, либо predetermined их постоянное создание по одному и тому же шаблону, то, ведь, это никак не поощряет наше познание природы; *потому что мы совершенно не знаем образ действия этого существа и его идеи*, которые должны содержать принципы возможности [существования] природных существ, и на основе этих принципов, данных нам, как бы, сверху (a priori), не можем объяснить природу» (Кант «Критика способности суждения»). Гёте же убеждён, что человек, в своём идейном мире, непосредственно переживает образ действия творческих природных существ. «Если предположить, что в моральном, благодаря вере в Бога, в добродетель и в бессмертие, мы возвысились до верхних регионов и приблизились к первому существу: то, *в интеллектуальном, то же самое имеет место тогда, когда мы, посредством наблюдения за непрерывным творчеством природы, делаем себя достойными принять духовное участие в произведённом ею*». Человеческое познание для Гёте является действительным вживанием в созидательную деятельность природы. Ему дано: «исследовать, испытывать то, как, создавая, живёт природа».

Духу Гёте противоречит мировоззрение, которое говорит о сущностях, находящихся за пределами доступного человеку мира опыта и идей, и которые, всё же, должны включать в себя основы этого мира. Любая метафизика отвергается этим мировоззрением. Не существует

вопросов познания, на которые, если они правильно поставлены, нельзя получить ответы. Если наука в какой-то период времени не может упорядочить определённую область явлений, то причина этого лежит не в природе человеческого духа, а в случайных обстоятельствах, препятствующих получению опыта в этой области. Для этого ещё не пришло время. Гипотезы не могут быть выдвинуты относительно вещей, лежащих за пределами возможного опыта, но только относительно таких, которые могут в эту область войти. Гипотеза всегда может лишь сказать: существует возможность, что в пределах некой области явлений может быть получен тот, или иной опыт. О вещах и процессах, лежащих за пределами чувственного или духовного наблюдения человеком, в сфере такого образа мысли, говорить совершенно невозможно. Принятие некой «вещи самой по себе» («Dinges an sich»), которая воздействует на восприятие человека, но сама быть воспринята не может, - это недопустимая гипотеза. «Гипотезы – это строительные леса, которые вначале устанавливают вокруг здания, а затем снимают, когда здание готово; они необходимы рабочему; только он не должен путать их с самим зданием». Человеческий разум вполне удовлетворительно объясняет области явлений, доступных восприятию и пропитанных идеями. Он чувствует, что в нём разыгрывается живое взаимодействие идеи и восприятия.

Умиротворяющее настроение, владевшее Гёте, благодаря его мировоззрению, сходно с тем, что можно наблюдать у мистиков. Мистик стремится к тому, чтобы найти в человеческой душе основу вещей, божество. То есть, мистик, как и Гёте, убеждён в том, что сущность мира откроется ему в его внутренних переживаниях. Только многие мистики не считают погружение в мир идей внутренним переживанием, которое важно Гёте. О ясных идеях разума многие ограниченные мистики придерживаются примерно того же мнения, что и Кант. Они стоят для них вне пределов созидательного целого природы и принадлежат только человеческому уму (Verstande). Поэтому такие мистики ищут путь к высшим познаниям через развитие необычных состояний, например, через экстаз. Они глушат в себе чувственное наблюдение и рациональное мышление, и пытаются сделать более интенсивной жизнь своих чувств. Тогда, по их мнению, можно непосредственно почувствовать в себе действующую духовность, даже как божество. Подобное ощущение вызывает и гётевское мировоззрение. Только оно черпает своё познание не из переживаний, испытываемых после отключения наблюдения и

мышления, а, именно, в результате деятельности этих двух последних. Оно не прячется в ненормальных состояниях человеческой душевной жизни, а, напротив, считает, что обычные наивные образы действия духа способны быть усовершенствованны настолько, чтоб человек мог пережить деятельность природы в себе. «Как мне представляется, в конце остаются лишь практические и саморектифицирующиеся операции обычного человеческого разума, который отваживается практиковаться в более высокой сфере» (Труды Гёте в веймаровском издании, часть 2, том 11, стр. 41). Многие мистики погружены в мир неясных ощущений и чувств; Гёте погружён в ясный мир идей. Ограниченные мистики пренебрегают ясностью идей. Они считают эту ясность поверхностной. Они понятия не имеют о том, что ощущает человек, обладающий даром погружения в оживлённый мир идей. Таким мистикам холодно в мире идей. Они ищут такое содержание мира, которое даёт тепло. Но то тепло, которое они находят, мира не объясняет. Оно состоит лишь из субъективных возбуждений и запутанных представлений. Тот, кто говорит о холоде идейного мира, может идеи лишь мыслить, не переживать. Тот же, кто живёт истинной жизнью мира идей, чувствует в себе сущность мира как тепло, которое не сравнится ни с чем. Он чувствует в себе воспламенение огня тайны мира. Такое чувство охватило Гёте, когда ему открылось видение деятельности природы во время его пребывания Италии. Тогда он узнал, как утолить тоску, слова выражения которой он вложил во Франкфурте в уста Фауста:

«Где ухвачу тебя я, необъятная природа?
Где грудь твою? Источник жизни всей,
Питающий как небо, так и землю, -
К ней рвётся грудь увядшая моя».

«Wo faß' ich dich, unendliche Natur?
Euch Brüste, wo ? Ihr Quellen alles Lebens,
An denen Himmel und Erde hängt,
Dahin die welke Brust sich drängt ».

«Мне не обнять природы необъятной!
И где же вы, сосцы природы, - вы,
Дарующие жизнь струёю благодатной,
Которыми живёт и небо и земля,
К которым рвётся так больная грудь моя?»
(пер. Холодковского)

Метаморфоза явлений мира

Высшую степень зрелости мировоззрение Гёте достигло, когда он пришёл к видению двух великих движущих сил природы: к значению понятий полярности и качественного улучшения (*Steigerung*) (Статья: Пояснения к очерку «Природа». Кюршнер, том 34, стр. 63f). Полярность присуща явлениям природы постольку, поскольку мы мыслим её материально. Она состоит в том, что всё материальное выражается в двух противоположных состояниях, как магнит в южном и северном полюсах. Эти состояния материи либо открыты наблюдению, либо дремлют в материальном и, при помощи надлежащих средств, могут быть в нём разбужены. Качественное улучшение присуще явлениям постольку, поскольку мы мыслим их духовно. Его можно наблюдать в природных процессах, подпадающих под идею развития. На различных ступенях развития эти процессы, более или менее отчётливо, показывают лежащую в их основании идею в своих внешних проявлениях. В плоде идея растения, вегетативный закон, проявляется не так отчётливо. Идея, которую познаёт дух, и восприятие, не похожи друг на друга. «В цветении вегетативный закон выступает в полной мере, и роза, например, была бы вершиной этого проявления». В извлечении духовного из материального, посредством деятельности природы, заключается то, что Гёте называет (*Steigerung*) качественным улучшением. Выражение: природа «охвачена вечным стремлением к росту», означает то, что она стремится создать творения, которые, в возрастающем порядке, всё больше и больше, приводят к представлению идеи вещи, также и во внешнем проявлении. Гёте считает, «что у природы нет таких тайн, которые она где-нибудь не выставляла бы обнажённой перед глазами внимательного наблюдателя». Природа может создать явления, из которых непосредственно могут быть считаны идеи для более обширной области родственных процессов. Это явления, в которых качественное улучшение достигло своей цели, в которых идея становится непосредственным восприятием. Творческий дух природы выступает здесь на поверхности вещи; то, что в грубо материальных явлениях достигается лишь мышлением, что может быть увидено лишь духовным зрением: здесь, в качественно улучшенном виде, видно физическим глазом. Всё чувственное является здесь духовным, а всё духовное – чувственным. Гёте мыслит природу пронизанной духом. Её формы различны потому, что дух в них, более или менее, видим также внешне. Мёртвую, бездуховную материю Гёте не знает. Таковой

представляются те вещи, которым дух природы придаёт не соответствующую своей идейной сущности внешнюю форму. Поскольку и в природе, и внутри человека действует один и тот же дух, человек может возвыситься до участия в творчестве природы, «... от кирпича, падающего с крыши, до сияющего духовного видения, которое в тебе растёт и делится с тобой», всё в мироздании является для Гёте действием, манифестацией, творческого духа. Все явления, поддающиеся опыту, какого бы рода они ни были, постоянно связаны друг с другом, вплетены друг в друга; все они находятся в волнообразном взаимодействии (*undulieren*), от первого до последнего». «Кирпич отрывается от крыши, мы называем это, в общем смысле, случайностью; он падает на плечо прохожего, как бы, механически; но не полностью механически: он следует закону притяжения, и таким образом действует физически. Разорванные сосуды прекращают свою деятельность; в этот момент соки действуют химически, выступают элементарные свойства. Но нарушенная органическая жизнь так же быстро начинает сопротивляться и пытается восстановиться; между тем, целое человека более или менее бессознательно и психически расшатано, пришедший в себя человек ощущает себя глубоко затронутым этически; он сожалеет о нарушении своей деятельности, какая бы она ни была, но терпение проявляет неохотно. Религиозно же, напротив, причину этого случая он легко приписывает судьбе, рассматривая его как убережение от ещё большего зла и направление к высшему и доброму. Для страдающего этого достаточно; но выздоравливающий, *гениально возвышает себя*, доверяется Богу и самому себе, чувствует себя спасённым, может и признавая случайность, но оборачивает её себе на пользу, чтобы начать вечно новый жизненный цикл». Все мировые явления предстают Гёте как модификации духа, и человек, углубляясь в них и наблюдая за ними от ступени случайного до гениального, проживает метаморфозу духа, от формы, внешне не соответствующей его идейной сущности, до того, где он предстаёт в своём чистейшем виде. В смысле гётевского видения мира все творческие силы действуют в единстве. Они являются целым, которое проявляется поступенчато в ряде родственных многообразий. Однако, Гёте никогда не проявлял склонность представлять единство мира как единую форму. Приверженцы мысли о целом часто совершают ошибку, распространяя закономерности, наблюдаемой в одной области явлений, на всю природу. В последнем случае это, например, механистическое мировоззрение. Оно отличается особым вниманием и пониманием того, что может быть объяснено механически. Поэтому

механическое кажется ему единственно соответствующим природе. Объяснение явлений органической природы оно также пытается свести к механическим закономерностям. Живое для него – лишь сложная форма взаимодействий механических процессов. В особо отталкивающей форме такое мировоззрение Гёте обнаружил в книге «*Système de la nature*» Гольбаха, попавшей ему в руки в Страсбурге. «Материя вечна, и она всегда в движении, и это движение направо и налево, и в разных направлениях, без дальнейших рассуждений, должно создавать бесконечное число феноменов бытия. Всем этим мы были бы удовлетворены, если бы автор действительно построил перед нашими глазами мир из своей движущейся материи. Но его желание узнать природу не больше, чем наше: поскольку, развесив там таблички с некоторыми общими понятиями, он тут же покидает её, чтобы то, что выше природы, или проявляется в природе как более высокое, тут же превратить природу, но уже материальную, тяжёлую, пусть движущуюся, но лишённую формы и направления, и полагает, что он этим что-то достиг» (Стихи и истина, книга 11). Подобным же образом Гёте прокомментировал предложение Дюбуа-Реймона («Границы естествознания», стр. 13): «Познание природы... это сведение изменений в мире тел к движению атомов, благодаря которому на них действуют независимые от времени центральные силы, или сведение к растворению природных процессов в *механике атомов*». Гёте предполагал родственность видов природных действий и их переход друг в друга, но никогда не сводил их к одному единственному виду. Его помысли были направлены не на абстрактный принцип, к которому должны были сводиться все природные явления, а на наблюдение того, как созидаящая природа в каждой своей отдельной области, посредством отдельных особых форм, раскрывает нам общую закономерность. Он хотел не навязывать всем природным явлениям *одну* мысленную форму, а, посредством вживания в различные мыслительные формы, сохранять свой ум таким же живым и гибким, какой является сама природа. Когда ощущение великого единства природного действия овладевало им, он был пантеистом. «Сам по себе, как существо разнонаправленное, я не могу удовлетворяться одним образом мысли; как поэт и художник я политеист, как естествоиспытатель я, напротив, - пантеист, и первый так же категоричен во мне, как и второй. Если моей личности, как человеку моральному, нужен Бог, то я об этом уже тоже позаботился» (к Якоби, 6 января 1813 года). Как художник Гёте обращался к тем природным

явлениям, в которых идея непосредственно была представлена наблюдению. Отдельное являлось здесь непосредственно божественным; мир как множественность божественных индивидуальностей. Как естествоиспытатель Гёте должен был проследивать в явлениях также те природные силы, чьи идеи не видны в их индивидуальном бытии. Как поэта, множественность божественного его успокаивало; как естествоиспытатель, он должен был искать единообразно действующие идеи природы. «Закон, совершенно свободно выступающий в явлении, согласно своим собственным условиям, производит то объективно прекрасное, которое несомненно должно найти достойный субъект, который его поймёт». Это объективно-прекрасное в отдельном создании Гёте желает видеть как художник; как естествоиспытатель, однако, он хочет «познать законы, по которым действует природа вообще». Политеизм – это образ мышления, которое видит и почитает божественное в отдельном; пантеизм – это другой образ мышления, ухватывающий дух целого. Оба они могут сосуществовать друг с другом, выступая на первый план в зависимости от того, направлен ли взгляд на природное целое, выводящее жизнь и всё прочее из одного центра, или на те индивидуумы, в которых природа объединяется в *определённую* форму, которая, как правило, распространяется на весь мир. Такие формы возникают, когда, например, созидющие природные силы после тысяч растений создают ещё одно, в котором «содержатся все остальные», или «после тысяч животных, - существо, содержащее в себе их всех: человека».

Однажды, Гёте замечает: «Кто, вообще, пытался их [мои труды] понять, а также мою сущность, тот должен признать, что обрёл некую внутреннюю свободу» (беседы с канцлером фон Мюллер [Фридрих фон Мюллер - канцлер Саксен-Веймар-Эйзенахского Великого герцогства. прим. пер.], 5 января 1831 года). Этим он указывал на силу, действующую в любом познавательном устремлении человека. Пока действует это устремление воспринимать вещи вокруг себя и рассматривать законы как принципы, владеющие ими, он охвачен чувством, что стоит перед неизвестными силами, действующими на него, и принуждающим его к мыслям, соответствующим этим законам. Он чувствует себя перед вещами несвободным; он ощущает природную закономерность как жёсткую необходимость, которая распространяется и на него. Только когда человек замечает, что природные силы представляют собой ни что иное, как формы того же духа, который действует в нём самом, он понимает, что свобода

существует. Природная закономерность ощущается как принуждение до тех пор, пока её считают чуждой силой. Если же вжиться в её существо, она ощущается как сила, которую человек использует также внутри тебя самого; тогда она ощущается как часть продуктивного элемента при становлении сущности вещей. Человек – обладатель этой силы становления. Он включил в свою внутреннюю деятельность то, что, иначе, ощущается им лишь как внешнее побуждение. Это освобождающий процесс, который, в смысле гётевского мировоззрения, обуславливает акт познания. Идеи о деятельности природы стали ясны Гёте при рассмотрении итальянских произведений искусства. Он получил также ясное ощущение освобождения, которое возникает в человеке в результате действия в нём этих идей. Следствием этого ощущения стало описание того вида познания, который он называет *всеобъемлющим* духом мышления (umfassenden Geister). «Всеобъемлющий [образ мышления], который с гордостью мог бы быть назван создающим, в высшей степени продуктивен; исходя из идей, он уже выражает единство целого, и *затем, это уже, некоторым образом, дело природы, к этим идеям присоединиться*». Непосредственно до акта освобождения, однако, Гёте так и не дошёл. Такое понимание может иметь только тот, кто в своём познании видит самого себя. Гёте же, хотя и использовал высший вид познания, в себе самом его, однако, никогда не наблюдал. Что подтверждает сам:

«Как же ты зашёл так далеко?
gebracht?

Говорят, ты сделал это хорошо!»
vollbracht!»

Моё дитя! Умно́ я это сделал
gemacht,

Но о мышлении не думал никогда.
gedacht.

«Wie hast du's denn so weit

Sie sagen, du habest es gut

Mein Kind! ich hab' es klug

Ich habe nie über das Denken

Но, как творческие силы природы «после тысячей растений создают ещё одно», где «содержатся все остальные», так и, после тысячей идей, они создают ещё одну, содержащую в себе весь идейный мир. И эта идея приходит к человеку тогда, когда он к наблюдению прочих вещей и процессов добавляет наблюдение мышления. И, именно, потому, что мышление Гёте было постоянно заполнено предметами наблюдения, поскольку его мышление было наблюдением, а наблюдение – мышлением:

именно, потому он не мог прийти к тому, чтобы предметом мышления сделать само мышление. Идею свободы, однако, обретают только посредством наблюдения за мышлением. Различение между мышлением о мышлении и наблюдением за мышлением Гёте не сделал. Иначе он осознал бы, что, как раз, в смысле его мировоззрения, можно было бы отказаться от мышления о мышлении, но всё же иметь возможность прийти к наблюдению идейного мира. В образовании всех прочих наблюдений человек участия не принимает. В нём оживают идеи этих наблюдений. Но этих идей не было бы, если бы в нём отсутствовала продуктивная сила для их проявления. Даже если эти идеи и являются содержанием того, что действует в вещах; к проявленному бытию они приходят, благодаря человеческой деятельности. Таким образом, собственную природу идейного мира человек может познать только в том случае, если он взглянет на её деятельность. При любом другом наблюдении он ухватывает только действующую идею; вещь же, в которой она действует, остаётся, как восприятие, за пределами его духа. В наблюдении идеи действующее и подвергаемое действию полностью содержится в его внутреннем. Весь процесс без остатка полностью актуализируется в его внутреннем. Представление больше не создаётся идеями; поскольку представление теперь есть сама идея. Но это само себя создающее представление есть представление свободы. При наблюдении мышления человек пронизывает взглядом происходящее в мире. Здесь ему не надо искать идею этого происходящего, поскольку само это происходящее и есть идея. Переживаемое помимо этого единство представления и идеи, является здесь переживанием ставшей видимой духовности идейного мира. Человек, наблюдающий эту в самой себе осуществляемую деятельность, чувствует свободу. Гёте, хоть и *испытал* это ощущение, но не облёк его в высшую словесную форму. В своём рассмотрении природы он *осуществлял* свободную деятельность; но она никогда не была для него объективностью. Он никогда не заглядывал за кулисы человеческого познания и потому никогда не принимал в свое сознание *эту* идею происходящего в мире в её первоначальной форме, в её высшей метаморфозе. Как только человек достигает представления об этой метаморфозе, он начинает уверенно двигаться в царстве вещей. Он обретает истинный исходный пункт для всех своих наблюдений мира в центре своей личности. Он не будет больше искать неизвестные основы, лежащие вне его причины вещей; он знает, что высшее переживание, на которое он способен, состоит в рассмотрении собственной сущности. Кто

полностью пронизан чувствами, вызываемыми этим переживанием, тот обретёт истинные связи с вещами. Тому, кто этого не достиг, придётся искать высшую форму бытия где-нибудь ещё и, поскольку в опыте он обнаружить её не может, ему придётся полагаться на существование некой неизвестной области реальности. В его рассмотрении вещей появится неуверенность; при ответах на вопросы, поставленные ему природой, он постоянно будет привлекать нечто неисследуемое. Поскольку, благодаря своей жизни в идейном мире, Гёте *чувствовал* эту прочную середину своей личности, ему, в определённых границах, удалось прийти в рассмотрении природы к прочным понятиям. Но, так как у него отсутствовало непосредственное наблюдение внутренних переживаний, за их границами он чувствовал себя неуверенно. Поэтому он говорит о том, что человек рождён не для того, чтобы «решать мировые проблемы, а, скорее, чтоб определить, в чём проблема состоит, и затем удерживаться на границе понимаемого». Он говорит: «Кант бесспорно прославился в основном тем, что провёл границы, как далеко может проникнуть человеческий дух, и тем, что оставил множество неразрешённых проблем». Если бы наблюдение высшего переживания принесло ему уверенность в рассмотрении вещей, то на своём пути он смог бы достичь большего, нежели «посредством регулируемого опыта, прийти к, своего рода, обусловленной достоверности». Вместо того, чтоб напрямую идти через опыт с сознанием того, что истинное имеет только одно значение, насколько оно затребовано человеческой природой, он всё же приходит к убеждению, что «*более высокое влияние* благоприятствует стабильности, активности, пониманию, регулирующему и регулируемому, человеческому, благочестивому» и что «моральный миропорядок» лучше всего проявляется там, где он «опосредованно приходит на помощь добрым и страдающим».

Поскольку Гёте не знал наивнутреннейшего человеческого переживания, для него оказалось невозможным и достижение последних мыслей о моральном миропорядке, которые с необходимостью вытекали из его воззрения на природу. Идеи вещей являются содержанием созидającego и действенного в вещах. Моральные идеи человек переживает в форме идей непосредственно. Кто в состоянии испытать, как при наблюдении мира идей идейное становится содержанием самого себя, заполняется самим собой, тот в состоянии пережить и создание морального в человеческой природе. Кто знает идеи природы лишь в

отношении мира восприятия (*Anschauungswelt*), тот будет склонен соотносить с чем-то внешним и моральные понятия. Он будет искать для этих понятий реальность, сходную с той, где существуют понятия, полученные из опыта. Тот же, кто в состоянии видеть саму сущность идеи, тот заметит, что моральному не соответствует ничего из внешнего, что оно производится в переживании духа как идея непосредственно. Ему ясно, что к созданию такой идеи не причастны ни лишь внешне действующая божественная воля, ни некий моральный миропорядок. Поскольку в ней отсутствует какая-либо связь с такими силами. Всё, что она высказывает, заключено в её духовно переживаемой чисто идейной форме. Она действует на человека как моральная сила только посредством своего собственного содержания. За ней не стоит с плёткой никакой категорический императив, принуждая человека ему следовать. Человек ощущает, что это он сам произвёл её на свет и любит её, как любят собственного ребёнка. Любовь – мотив действия. Духовное желание собственного творчества – вот исток морального (*Die geistige Lust am eigenen Erzeugnis ist der Quell des Sittlichen*).

Есть люди, которые не могут производить моральные идеи. Они перенимают их у других людей, посредством традиции. И поскольку у них отсутствует способность видения идей как таковых, они не могут узнать и переживаемый в духе исток морального. Они ищут его в сверхчеловеческой, внешней, по-отношению к ним, воле. Или они верят в то, что за пределами переживаемого человеком духовного мира существует некий объективный моральный миропорядок, из которого происходят моральные идеи. Орган речи этого миропорядка часто ищут в совести человека. Так же, как о некоторых других вещах в своём мировоззрении, Гёте был неуверен в своих мыслях и о происхождении морального. Его чувство и здесь подталкивает его к формулировкам идей, соответствующих требованиям его природы: «Долг: где любят то, что велят самому себе». Только тот, кто видит основы морального только в содержании моральных идей, может сказать: «Лессинг, ощущающий множество ограничений, вкладывает в уста одного из своих героев следующие слова: Никто не должен быть должным (*Niemand muß müssen*). Один богатый духом, добромыслящий муж говорил: Кто хочет, тот и должен. Третий, не менее образованный, добавил: Кто сознаёт, тот и хочет (*Wer einsieht, der will auch*). И полагали, что весь круг познания, воления и долженствования этим исчерпывается. Но обычно человеческое познание, какого бы рода оно ни было, определяет действия человека и его веления;

поэтому нет ничего ужаснее, как видеть действия незнания». То, что у Гёте господствовало чувство истинной природы морального, которое просто ещё не поднялось до ясного видения, показывают следующие строки: воля «чтоб стать совершенной в моральном... должна внедриться в совесть, которая не ошибается... Совесть не нуждается в *праотцах*, в ней дано всё; *она имеет дело только с собственным внутренним миром*». «Совесть не нуждается в праотцах», может значить только одно: первоначально человек не обнаруживает в себе никакого морального содержания; он даёт его себе сам. Этим высказываниям противостоят другие, перемещающие исток морального в область вне человека: «Как бы сильно не притягивала человека Земля с её тысячами и тысячами проявлений, он всё же поднимает свой, полный надежд и вопросов, взгляд к небу... потому что внутри себя он ясно и глубоко чувствует, что является гражданином того духовного царства, веру в которое мы не в состоянии ни отвергнуть, ни отдать». «То, что нельзя упразднить, мы оставляем Богу, как *всеобуславливающему* и *всеосвобождающему* существу».

Для рассмотрения наивнутрейшего человеческой природы, для саморассмотрения, Гёте не хватает органа. «Должен признать, что к великому и звучащему так значительно призыву: познай самого себя, я всегда относился с подозрением, как к уловке тайного союза жрецов, которые сбивают людей с толку невыполнимыми требованиями и уводят их от деятельности, направленной на внешний мир, к ложной внутренней созерцательности. Человек знает себя только настолько, насколько он знает мир, который он осознаёт только в себе, а себя – только в нём. Любой новый предмет, даже просто увиденный, раскрывает в нас новый орган». Из этого верно, как раз, обратное: человек знает мир ровно настолько, насколько он знает себя. Поскольку внутри него раскрывается наиприсущий вещи образ, который во внешнем присутствует лишь в своём отблеске, в примере, в символе. То, о чём человек обычно может говорить только как о чём-то непостижимом, божественном: это выступает перед его глазами в самонаблюдении в своём истинном образе. Поскольку в самонаблюдении он видит это идеальное в непосредственном образе, он обретает силу и способность выискивать и опознавать это идеальное во всех внешних проявлениях, во всей природе. Кто испытал этот момент самонаблюдения, не ищет больше за явлениями «скрытого» бога: он видит божественное, в его различных метаморфозах, в природе. Гёте заметил как-то в отношении Шеллинга: «Я бы видел его чаще, если бы потерял

надежду пережить поэтические моменты, а философия у меня разрушает поэзию, и это, вероятно, потому, что она загоняет меня в объект. В нём я не могу оставаться чисто спекулятивным, и к каждой строчке тут же должен найти [соответствующее] наблюдение (*Anschauung*), и потому тут же убегаю в природу». Высшего наблюдения, наблюдения самого мира идей, он достичь не смог. Но это наблюдение не может разрушить поэзию, поскольку освобождает дух от всех предположений о том, что в природе может быть нечто неизвестное, непостижимое. Зато оно делает его способным полностью непредвзято отдаться вещам; потому что даёт уверенность в том, что из природы можно взять всё, что ум может только пожелать.

Высшее наблюдение, однако, освобождает человеческий дух от любого одностороннего чувства зависимости. Обладая им, он чувствует себя суверенным (независимым) в царстве морального миропорядка. Он знает, что та движущая сила, которая создаёт всё, действует внутри него как собственная воля, и что высшие решения морального характера зависят от него самого. Потому что эти высшие решения вытекают из мира моральных идей, в продуктивности которого присутствует человеческая душа. В частности человек может чувствовать себя ограниченным, он может быть зависим от тысяч вещей; но в целом, свою моральную цель, своё моральное направление, определяет он сам. Действующая составляющая всех прочих вещей проявляется в человеке как идея; то же, что действует в человеке – это идея, которую создаёт он сам. В каждой отдельной человеческой индивидуальности происходит процесс, разыгрывающийся во всей природе; творение чего-то реального из идеи. И творцом является сам человек. Ведь, в основе его личности живёт идея, наполняющая содержанием саму себя. Нужно дополнить гётевское предложение: природа «в своём творчестве так велика, что способна после тысячи растений создать одно, содержащее в себе все предыдущие, и после тысяч животных создать существо, содержащее в себе их всех, человека». Природа в своём творчестве так велика, что процесс, посредством которого она свободно, из идеи, создаёт все свои творения, она повторяет в каждой человеческой индивидуальности, благодаря чему, моральные поступки исходят из идейного основания личности. Так же и то, что человек ощущает как объективную причину своих поступков, является лишь трактовкой (*Umschreibung*) и, одновременно, недооценкой своей собственной сущности. Человек реализует себя в своих моральных поступках. В лапидарных предложениях это высказал Макс Штирнер в

своём труде «Единственный и его собственность». «Я собственник своей силы, и я есть тогда, когда знаю себя как единственного. В единственном даже собственник возвращается в своё творческое ничто, из которого он будет рождён. Любое существо, стоящее выше меня, будь то бог или человек, ослабляет моё чувство единственности, и блекнет только перед солнцем осознания этого. Полагаясь на себя, единственного, я полагаюсь на преходящее, на своего смертного создателя, раздирающего самого себя, и я могу сказать: я полагаюсь на ничто». Но, в то же время, человек может сказать этому штирнершему духу, как Фауст Мефистофелю: «В твоём ничто, я всё найти надеюсь», поскольку внутри меня, в индивидуальной форме, живёт деятельная сила, посредством которой природа создаёт это всё. Пока человек не увидит эту деятельную силу в себе, он будет стоять перед ней, как Фауст перед Земным Духом. Она постоянно будет напоминать ему:

«О нет, с тобою схож
лишь дух, который сам ты познаешь, —
Не я»
(пер. Пастернака).

И только видение глубин внутренней жизни вызывает этого духа, говорящего о себе:

Я в буре деяний, в житейских волнах,
В огне, в воде,
Всегда, везде,
В извечной смене
Смертей и рождений.
Я — океан,
И зыбь развития,
И ткацкий стан
С волшебной нитью,
Где, времени кинув сквозную канву,
Живую одежду я тку божеству.
(пер. Пастернака)

В своей «Философии свободы» я попытался показать, как познание, на которое человек опирается в своей деятельности, исходит из

интимнейшего переживания, из наблюдения собственной сущности. Штирнер в 1844 году защищал тот взгляд, что человек, если он себя действительно понимает, может видеть основу своей деятельности только в самом себе. Но у него это знание исходило не из наблюдения внутренних переживаний, а из чувства свободы и независимости перед лицом принуждения со стороны властей. Штирнер остаётся на позиции требования свободы: он приходит в этой области к самому сильному, какое только возможно, подчёркиванию, на саму себя опирающейся, человеческой природы. Я пытаюсь, на более широкой основе, представить жизнь в свободе, показывая, что открывается человеку, когда он достигает взглядом основ своей души. Гёте не дошёл до наблюдения свободы, поскольку испытывал антипатию к самопознанию. Если бы этого не произошло, познание человека как свободной, опирающейся на саму себя личности, должно было бы стать вершиной его мировоззрения. Зачатки этого знания выступают у него повсюду; они являются, в то же время, и зачатками его понимания природы.

В своих исследованиях собственно природы Гете нигде не говорит о непостижимых причинах, о скрытых импульсах явлений. Он довольствуется наблюдением явлений в их последовательности и объяснением их с помощью тех элементов, которые открываются чувствам и уму при наблюдении. 5 мая 1786 года он пишет, в этом смысле, Якоби, что он готов «всю жизнь посвятить рассмотрению вещей, которые находятся в сфере досягаемости» и о которых он «может надеяться сформировать адекватные идеи» без всякой заботы о том, насколько далеко он может в этом продвинуться. Тому, кто верит, что в каждой отдельной вещи природы он приближается к божественному, больше не нужно строить какое-то особое представление о боге, который существует вне или рядом с вещами. Только когда Гёте покидает область природы, его покидает и чувство сущности вещей. Тогда недостаток в человеческом самопознании ведёт его к утверждениям, несовместимым ни с его врождённым образом мышления, ни с направлением его исследования природы. Кто склонен руководствоваться такими утверждениями, тот может полагать, что Гёте верил в некое человекоподобного бога и индивидуальное продолжение тех форм жизни души, которые связаны с условиями физической телесной организации. Такая вера противоречит гётевским исследованиям природы. Они никогда не смогли бы принять то направление, какое они приняли, если бы Гёте позволил себе

руководствоваться такой верой. В смысле его исследований природы, вполне возможно представлять существо человеческой души так, что после выхода из тела она продолжает жить в некой сверхчувственной форме бытия. Эта форма бытия обуславливает то, что, благодаря другим условиям жизни, она будет обладать и другим видом сознания, по сравнению с тем, что она имела посредством физического тела. Так гётевское учение о метаморфозе ведёт также к наблюдению метаморфоз душевной жизни. Но эту гётевскую идею бессмертия можно верно понять лишь в том случае, если знаешь, что, благодаря своему мировоззрению, Гёте не мог прийти к неметаморфозированному продолжению духовной жизни, обусловленной физическим телом. Поскольку он не пытался, в вышеуказанном смысле, произвести наблюдение жизни мышления, у него, в продолжении своей жизни, не было повода и особо заниматься той идеей бессмертия, которая была бы продолжением его мыслей о метаморфозе. Эта идея, однако, относительно этой области познания, действительно, была бы идеей, вытекающей из его мировоззрения. То, что, относительно жизненных взглядов того или другого современника, или по другому поводу, он представлял как выражение личного ощущения, не принимая при этом во внимание связь со своим мировоззрением, обрётённым в результате исследований природы, для гётевской идеи бессмертия считать характерным нельзя.

Для нахождения места какого-либо высказывания Гёте во всей картине его мировоззрения входит в рассмотрение и то, что на различных жизненных этапах настрой его души придавал таким высказываниям особые нюансы. Эти изменения формы выражения своих идей им вполне осознавались. Когда Фёрстер высказал мнение о том, что решение проблемы Фауста может быть заключено в словах: «Хороший человек в своём тёмном устремлении вполне осознаёт правильный путь», Гёте возразил: «Верным объяснением было бы следующее: «В конце Фауст предстаёт стариком, а в старческом возрасте мы становимся мистиками» (из наследия Фёрстера, стр. 216). И в его афоризмах в прозе мы читаем: «Каждому возрасту отвечает своя философия. Ребёнок появляется как реалист; поскольку обнаруживает себя таким же убеждённым в бытии груши и яблока, как и в своём собственном. Подросток, обуреваемый внутренними страстями, должен обращать внимание на себя самого, зондировать себя, - он превращается в идеалиста. Напротив, чтобы стать скептиком, у человека есть все причины; он сомневается, подходит ли средство для достижения поставленной цели, верно ли оно. Перед

действием, в действии, у него есть все основания сохранять свой разум в движении, чтоб потом не сожалеть о неверном выборе. Старик же всегда становится мистиком; он видит, как много всего кажется зависимым от случая; глупое достигает цели, разумное оборачивается неудачей, счастье и несчастье неожиданно предстают одним и тем же; так есть, так было, и возраст успокаивается в том, что есть, что было и что будет» (Кюршнер, том 36,2 стр.454). В этой работе я концентрируюсь на мировоззрении Гёте, из которого выросли его взгляды на жизнь природы, и которое вело его от открытия промежуточной челюстной кости у человека до завершения его учения о цвете. И я надеюсь, показал, что это мировоззрение соответствует личности Гёте больше, нежели набор афоризмов, при рассмотрении которых нужно, прежде всего, принимать во внимание то, как окрашены такие мысли возрастным настроением: его юности, или пожилого возраста. Я думаю, что Гёте в своих исследованиях природы, ведомый, пусть и не самопознанием в ясной форме идей, но всё же верным чувством, обладал свободным, вытекающим из истинного соотношения человеческой природы с внешним миром, способом наблюдения. Гёте самому было ясно, что в его способе мышления содержится нечто незаконченное: «Я ставил себе великие, благородные цели, но никогда не мог понять обстоятельства, влияющие на мои действия; что мне не хватало, я прекрасно замечал, что было во мне с избытком – тоже; поэтому я оставил попытки переделать себя как внутри, так и снаружи. И остался таким как есть. Я следовал к любой цели с серьёзностью, силой и верностью; при этом мне часто удавалось полностью преодолеть непокорные обстоятельства, но часто мне этого не удавалось, поскольку я не мог научиться уступать и идти в обход. И так протекала моя жизнь между деятельностью и наслаждением, страданием и сопротивлением; между любовью, довольством, ненавистью и недовольством других. В этом как бы отражаются судьбы тех, кто идёт тем же путём».

ВОЗЗРЕНИЯ НА ПРИРОДУ И РАЗВИТИЕ ЖИВЫХ СУЩЕСТВ

Учение о метаморфозе

Нельзя понять отношение Гёте к естественным наукам лишь на основе сделанных им отдельных открытий. Исходной точкой зрения для рассмотрения этого отношения для меня служат слова Гёте, обращённые 18 августа 1787 года Кнебелю: «После увиденных мною растений и рыб в окрестностях Неаполя и в Сицилии, я с большим удовольствием, будь я на десять лет моложе, предпринял бы путешествие в Индию, не для того, чтоб открыть нечто новое, а чтобы взглянуть на открытое своим собственным способом рассмотрения». Мне кажется, важно, именно, то, *каким способом* Гёте обобщает известные ему природные явления в соответствующее своему виду мышления воззрение на природу. Если бы все сделанные им отдельные открытия, были бы уже сделаны до него, и после него не осталось бы ничего, кроме этого воззрения на природу (Naturansicht), это ни в коей мере не преуменьшило бы значение его исследований природы. Я согласен с мнением Дюбуа-Реймона в том, что «и без Гёте наука продвинулась бы так далеко, как она есть», что те шаги, которые он сделал, рано или поздно сделали бы другие (Гёте и бесконечность, стр. 31). Я только не могу, как Дюбуа-Реймон, отнести эти слова ко всему объёму гётевских естественно-научных работ. Я ограничиваю их сферой сделанных им отдельных открытий. Ни одного из них нам, вероятно, сегодня не будет недоставать; если бы Гёте никогда не занимался ботаникой и анатомией и пр., ничего бы не изменилось. Но его воззрение на природу – продукт его личности; никто другой не смог бы прийти к нему. Его и не интересовали отдельные открытия. Они совершались во время его исследований сами собой, поскольку трактовка относящихся к ним фактов в то время, была несовместима с его способом рассмотрения. Если бы он смог сформировать свое воззрение на основе того, что давала ему наука о природе тогда, он никогда бы не занялся исследованием деталей. Он должен был входить в частности, поскольку то, что об этих частностях говорилось тогда естествоиспытателями, не соответствовало его требованиям. И при этом детальном изучении отдельные открытия лишь «случались». Поначалу его не занимал вопрос: есть ли у человека, как и у прочих животных, промежуточная челюстная кость в верхней челюсти. Он хотел раскрыть план, по которому природа строит ступени в развитии животных, на последней из которых стоит человек. Он хотел найти общий праобраз, лежащий в основании всех видов животных, и

также обретающий высшее совершенство в человеке. Естествоиспытатели говорили ему: есть разница в строении животного и человеческого тела. Животные имеют в верхней челюсти промежуточную кость, а у человека её нет. Он же считал, что физическое строение человека может отличаться от строения животного только в степени совершенства, но не в частностях. Поскольку, будь так, в основе человеческой и животной организации не мог бы лежать общий праобраз. Он не мог удовольствоваться утверждениями естествоиспытателей. Поэтому он пустился на поиски промежуточной кости у человека и нашёл её. Подобным образом происходили и все остальные его отдельные открытия. Они никогда не являлись самоцелью. Они должны были быть сделаны для того, чтобы его представления о природных явлениях были правомочными.

В области органических природных явлений в гётевском воззрении существенным является представление, сформированное им о сущности жизни. Здесь важен не акцент на том факте, что лист, чашечка, венчик и прочие органы растения идентичны друг другу, и развиваются из общего базисного образования. Важно представление Гёте о целом природы растительного как о чём-то живом, то, как он представлял себе каждое растение выходящим из этого целого. Его идею о сущности организма можно назвать самым сокровенным центральным открытием в области биологии. Гёте был убеждён, что в растении, в животном, можно увидеть нечто такое, что не доступно простому чувственному восприятию. То, что могут наблюдать в организме телесные глаза, Гёте кажется лишь следствием действующих в живом целом формирующих законов, доступных только духовному глазу. И он описывал то, что этим духовным глазом он увидел в растении и животном. Его идеи о сущности организма способен оценить лишь тот, кто способен видеть так же, как он. Гёте не мог понять того, кто довольствуется тем, что предоставляют ему чувства и эксперимент. Когда мы читаем оба его стихотворения «Метаморфоза растений» и «Метаморфоза животных», то поначалу кажется, будто слова просто ведут нас от одного члена организма к другому, будто их соединяет только внешнее, фактическое. Но когда мы проникаемся тем, что открывалось Гёте как идея живого существа, мы чувствуем себя помещённым в эту сферу органического-живого, и мы видим, как из центрального представления вырастают представления об отдельных органах.

Когда Гёте начал самостоятельное исследование природных явлений, прежде всего, его внимание привлекло понятие жизни. В одном из писем от 14 июля 1770 года во время своего пребывания в Страсбурге он пишет о бабочке: «бедное насекомое трепещет в сети, стирает у себя с крыльев великолепие красок; и, если её неудачно придавить, в конце концов, повисает на ней, отвердевшая и безжизненная; труп – не всё насекомое, к нему относится ещё кое-что, ещё некая главная часть, причём, в этом случае, как и для всех остальных, самая главная часть: жизнь». Гёте с самого начала было ясно, что организм не может рассматриваться как мёртвый продукт природы, что в нём скрыто больше, чем силы, также действующие в неорганической природе. И, когда Дюбуа-Реймон говорит, что «чисто механическая конструкция мира, поддерживаемая сегодня наукой, была бы веймарскому поэту-лауреату не менее ненавистна, чем, в своё время, другу Фриедерика „systeme de la nature“», то он безусловно прав; и не менее прав он, говоря об этой конструкции мира, которая «благодаря тезису о самозарождении, граничит с кант-лапласовской теорией, о возникновении человека из хаоса, посредством, от вечности к вечности математически определённой, игре атомов, о ледовом конце мира, - от всех этих картин, так бесчувственно представляющих наш пол, подобно привычке к ужасам езды по железной дороге, - Гёте отвернулся бы с содроганием» (Гёте и бесконечность, стр.35f). Конечно, он отвернулся бы с содроганием, потому что он искал более высокое понятие живого (и нашёл его), нежели сложный, математически определяемый механизм. Только того, кто неспособен осмыслить такое более высокое понятие, и идентифицирует живое с механическим, поскольку способен видеть в организме только механическое, только того будет согревать механическая конструкция мира и игра атомов, только тот будет бесчувственно воспринимать картины, описанные Дюбуа-Реймоном. Но тот, кто способен воспринять понятие органического в смысле Гёте, тот не станет спорить о его правомочности, так же, как и о существовании механического. Ведь, не спорят со слепым о мире красок. Все воззрения, представляющие себе органическое механически, подпадают под суждение, которое Гёте вкладывает в уста Мефистофеля:

Кто желает живое познать и описать,
beschreiben,

Пытается вначале дух изгнать ,

Wer will was Lebendig's erkennen und

Sucht erst den Geist herauszutreiben,

Тогда в руках все части ровно
Жаль, недостаёт лишь скреп духовных.

(дословный пер.)

Во всем подслушать жизнь стремясь,
Спешат явления обездушить,
Забыв, что если в них нарушить
Одушевляющую связь,
То больше нечего и слушать
(пер. Пастернака)

Dann hat er die Teile in der Hand.
Fehlt, leider! nur das geistige Band.

* * *

Возможность более интимным образом заниматься жизнью растений Гёте получил, когда герцог Карл Август 21 апреля 1776 года подарил ему сад. Этому способствовали также его прогулки в тюрингерском лесу, где он мог наблюдать жизнь низших организмов. Его внимание привлекали мхи и лишайники. 31 октября 1778 года он просит фрау фон Штайн собрать ему различные сорта мхов, по-возможности с корнями и влажные, чтобы иметь возможность наблюдать их размножение. Важно не забывать, что в начале своих ботанических исследований Гёте занимался низшими растительными формами. Поскольку позднее, выдвигая свою идею о пра-растении, он учитывал только высшие растения. Таким образом, это касалось не того, что ему была чужда область низших растений, а того, что он полагал, что тайны растительной природы ему удастся отчётливее выявить на примере высших растений. Он хотел найти идею природы там, где она проявляется яснее всего, и затем спуститься от совершенного к несовершенному, чтобы понять её и там. Он хотел не объяснить сложное через простое; а разом охватить взглядом действующее целое и затем объяснить простое и несовершенное как одностороннее образование сложного и совершенного. Если природа способна после бесчисленных растительных форм создать ещё одну, содержащую все предыдущие, то и духу, при наблюдении этих совершенных форм, должна открыться тайна формирования растений в непосредственном наблюдении, и тогда он легко сможет перенести обнаруженное при наблюдении совершенного на несовершенное. Обратное делают естествоиспытатели, рассматривающие совершенное только как механическую сумму элементарных процессов. Они исходят из простого и выводят из него совершенное.

Когда Гёте осмотрелся в поисках научного руководителя для своих ботанических исследований, он не мог обнаружить никого, кроме Линнея. Прежде всего, мы узнаём о его занятиях с Линнеем из его писем к фрау фон Штайн, написанных в 1782 году. Насколько серьезными были естественно-научные устремления Гёте, видно из его интереса к линнеевским текстам. Он признаёт, что, после Шекспира и Спинозы, наибольшее влияние на него оказал Линней. Но как мало Линней мог его удовлетворить. Гёте хотел рассмотреть различные растительные формы, чтобы выискать то общее, что в них живёт. Он хотел знать, что делает все эти образования растениями. Линней же довольствовался тем, что описывал различные растительные формы и расставлял их по отношению друг к другу в определённом порядке. Здесь, в конкретном случае, наивное, непосредственное наблюдение природы Гёте сталкивалось с образом мышления науки, находящегося под влиянием односторонне понятого платонизма. Этот образ мышления в отдельных формах видит реализацию первоначальных, стоящих рядом друг с другом, платоновских идей, или мыслей творения. Гёте видит в отдельном образовании лишь особый облик идеальной пра-сущности, живущей во всех формах. Образ мышления науки хочет как можно точнее различать отдельные формы, чтобы познать многочленность идейных форм, или плана творения; Гёте же хочет многочленность особенного объяснить, исходя из первоначального единства. То, что многое существует в разнообразных формах, для научного мышления ясно и так, поскольку для него многообразны уже идейные праобразы. Для Гёте это не ясно, поскольку, по его мнению, множество является множеством, когда в нём проявляется единое. Поэтому Гёте говорит: то, что Линней «силой пытается разделить, по глубочайшей потребности моего существа должно стремиться к объединению». Линней просто берёт имеющиеся формы, не спрашивая, как они получились из первичной формы: «Мы насчитываем так много видов, как много, в принципе, создано различных форм»: вот его основное положение. Гёте же ищет в растительном мире то действующее, что, посредством спецификации основной формы, создаёт отдельные формы. Более наивное отношение к растительному миру, по-сравнению с линнеевским, Гёте нашёл у Руссо. 16 июня 1782 года он пишет Карлу Августу: «В работах Руссо содержатся полные любви письма о ботанике, где он профессионально, но доходчиво, и самым утончённым образом описывает эту науку одной даме. Это, действительно, образец того, как нужно обучать, и дополнение к Эмилю. Поэтому у меня есть теперь повод

заново представить прекрасное царство цветов моим прекрасным подругам». В своей работе «История моих ботанических исследований» Гёте излагает то, что привлекло его к ботаническим идеям Руссо: «Его отношение к почитателям и знатокам растений, особенно к герцогине Портленд, скорее направляло его острый взгляд вширь, и такой ум, как его, чувствующий себя призванным предписывать нациям закон и порядок, должен был всё же *прийти к предположению того, что в неизмеримом растительном царстве не могло появиться такое множество форм без того, чтобы какой-то основной закон не вернул бы их всех снова к единству*». Такой основной закон, возвращающий множественность к единству, из которого она первоначально вышла, ищет и Гёте.

В то время в духовном поле зрения Гёте оказались две работы Фрайхерна фон Глейхен, называемого Русвурмом (Freiherrn von Gleichen, genannt Rußwurm). Обе были посвящены исследованию жизни растений, которое могло быть для него очень плодотворным: «Новейшее из царства растений» (Нюрнберг, 1764) и «Избранные микроскопические открытия в области растений» (Нюрнберг, 1777-1781). Они занимались процессами размножения растений. В них подробно описывались пыльца, тычинки и пестики, и представлены хорошо заполненные таблицы процессов оплодотворения. Теперь Гёте сам производит опыты, чтобы наблюдать результаты, описанные Глейхен-Русвурмом, собственными глазами. 12 января 1785 года он пишет Якоби: «Установлен микроскоп, чтобы с наступлением весны наблюдать и контролировать результаты опытов фон Глейхен, называемого Русвурмом». В то же время он изучает сущность семян, как это видно из его доклада Кнебелю от 2 апреля 1785 года: «Я продумал материю семян, насколько позволяет мой опыт». Эти гётевские наблюдения являются верно освещёнными, только если учитывать, что он занимался не только ими, а пытался обрести воззрение на всю область природных процессов, опорой и усилением которому они и должны были служить. 8 апреля того же года он сообщает Мерку, что он наблюдал не только факты, но и сделал об этих фактах *«милые открытия и комбинации»*.

Существенное влияние на формирование идей об органической природе на Гёте оказал объёмный труд Лафатера: «Физиогномические фрагменты для продвижения человеческого познания и филантропии», изданный в 1775-1778 годах. Он сам написал несколько статей к этому труду. В том, как он высказывается в этих статьях, уже угадывается способ

его рассмотрения органического в дальнейшем. Лафатер остановился на том, чтобы рассматривать облик человеческого организма как выражение души. Он хотел по форме тела определить характер души. Гёте же уже тогда начал рассматривать внешний облик сам по себе, изучать его собственные закономерности и образующие силы. Одновременно он занимался работами Аристотеля по физиогномике и, на основе изучения органических форм, пытался установить отличие человека от животных. Он находит его в обуславливающем всё человеческое строение выделение головы, в совершенстве образования человеческого мозга, на который указывают все части как на орган, их определяющий. У животных, напротив, голова просто подвешена к позвоночнику, влияние мозга и спинного мозга ограничивается воздействием на вторичные духовные функции и необходимо лишь для осуществления чувственных процессов. Уже тогда Гёте ищет отличие человека от животного не в каких-либо частностях, а в достижении, в том или ином случае, различной степени совершенства одной и той же базисной формы. Перед ним уже всплывает образ типа, который обнаруживается как у животных, так и у человека; у первых он сформирован так, чтобы служить всему комплексу животных функций, а у человека для развития духа.

Из таких рассмотрений выросло специальное изучение анатомии Гёте. 22 января 1776 года он пишет Лафатеру: «Герцог послал мне шесть черепов и сделал славные замечания для Вашего Преподобия, на случай, если они не дойдут без меня». В дневнике Гёте от 15 октября 1781 года можно прочесть, что в Йене он занимался анатомией со старым знахарем, и в том же году начал более детальное изучение этой науки с помощью Лодера. Он рассказывает об этом в письмах фрау фон Штайн от 29 октября 1781 года и Герцогу от 4 ноября. Молодым людям из Академии художеств он также собирался «дать пояснения о скелете и ввести в знание о человеческом теле». — «Я делаю это», говорит он, «и для них и для себя; метод, избранный мною, позволит мне этой зимой полностью ознакомить их с основами строения тела». И, как видно из его дневника, он эти лекции прочёл. В то же время он вёл также частые беседы о строении человеческого тела с Лодером. И снова, движущей силой и собственной целью этих исследований является его общее воззрение на природу. Он рассматривает «кости как текст, в котором заключены жизнь и всё человеческое» (письма к Лафатеру и Мерку от 14 ноября 1781 года). Его ум тогда был занят представлениями о действии органического, о связи человеческого строения со строением животных. То, что человеческое

строение является лишь высшей ступенью животного, и что, благодаря этой степени совершенства, оно создаёт мир морали, - эта идея была изложена им уже в 1782 году в оде «Божественное»:

Edel sei der Mensch,	Человек благороден,
Hilfreich und gut!	Отзывчив и добр!
Denn das allein	Ведь, только это
Unterscheidet ihn	Отличает его
Von allen Wesen,	От всех существ,
Die wir kennen.	Которых мы знаем.

Nach ewigen, ehren,	По вечным, железным,
Großen Gesetzen	Великим законам
Müssen wir alle	Все мы должны
Unsers Daseins	Завершать круги
Kreise vollenden.	Нашего бытия

«Вечные, железные законы» действуют в человеке точно так же, как и в прочих организмах; просто в нём они достигают совершенства, позволяющего ему «быть отзывчивым и добрым».

В то время как Гёте всё больше и больше проникался такими идеями, Гердер работал над «Идеями к философии истории и человечества». Все мысли, содержащиеся в этой книге, были проговорены обоими. Гёте был вполне удовлетворён воззрением Гердера на природу. Оно совпадало с его собственными представлениями. «Содержание работы Гердера делает вероятным то, что мы вначале были растениями и животными... Гете сейчас размышляет над этими вещами, и все, что пережило его воображение, становится чрезвычайно интересным», пишет фрау фон Штайн Кнебелю первого мая 1784 года. Насколько правомерно переносить идеи Гердера на Гёте, показывают слова Гёте, обращённые 8 декабря 1783 года Кнебелю: «Гердер пишет философию истории, как ты догадываешься, полностью заново. Первые главы мы читали вместе позавчера, они восхитительны». Вполне совпадают с направлением мысли Гёте и следующие высказывания: «Человеческий род», является «большим стечением низших органических сил». «И, так мы можем принять четвёртое предложение: что человек является *средним творением среди животных, то есть, определённая форма, в которой черты всех видов уравновешены*».

Такие представления, правда, были несовместимы с воззрением тогдашних анатомов, считавших, например, что небольшие

кости, которые имеют животные в верхней челюсти, межчелюстные кости, держащие верхние резцы, у человека отсутствуют. Зёммеринг, один из ведущих анатомов в то время, писал Мерку 8 октября 1782 года: «Я бы хотел, чтоб Вы посмотрели у Блюменбаха то, что касается *ossis intermaxillaris*, которые *ceteris paribus* («при прочих равных условиях», прим. пер.) являются единственными костями, которые имеют все животные, включая обезьян, и даже орангутанги, но никогда не были обнаружены у человека; если эти кости оставить без внимания, то переносить с человека на животное можно всё. Я прилагаю поэтому череп лани, чтоб Вы могли убедиться, что эти *os intermaxillare* (по Блюменбаху), или *os incisivum* (как их называет Кампер), присутствуют даже у животных, не имеющих верхних резцов». Таково было общепринятое мнение того времени. Так считал даже знаменитый Кампер, которого и Мерк, и Гёте глубоко почитали. К такому воззрению привело то, что межчелюстные кости человека справа и слева срослись с верхней челюстью так, что у нормально сформированного индивидуума невозможно увидеть отчётливой границы. Если бы учёные были правы относительно этого, было бы невозможно установить общий прототип для строения животного и человеческого организмов; между двумя этими формами должна была бы проведена граница. Человек не был бы сотворён по тому же образу, что и животное. Это препятствие для своего мировоззрения Гёте должен был устранить. Это удалось ему весной 1784 года совместно с Лодером. Гёте следовал своему общему девизу, «что у природы нет тайн, которые она не представила бы где-нибудь обнажённой перед глазами внимательного наблюдателя». Он обнаружил, что у некоторых черепов, отклоняющихся от нормы, граница между верхней челюстью и межчелюстными костями действительно имеется. Он с радостью сообщает об этом 27 марта Гердеру и ффрау фон Штайн. Он пишет Гердеру: «Тебя это должно тоже порадовать, ведь, *это как завершающий камень к строению человека*, теперь всё на месте! И как! *Я подумал об этом также в связи с твоим целым*, как здорово это будет». И, когда Гёте посылает об этом написанный в ноябре 1784 года трактат Кнебелю, он подчёркивает значение, которое он придаёт этому открытию для всего своего миропонимания, словами: «Я воздерживался от принятия результата, на который уже указывали идеи Гердера, а именно, что невозможно обнаружить различие между человеком и животными в частностях». Гёте смог довериться своему воззрению на природу только после того, как был устранён ошибочный взгляд на эти фатальные косточки. Постепенно он

обрёл мужество, свои идеи о том, как природа, как бы играя с основной формой, творит многообразие жизни, «распространять на все царства природы, на всё её царство». В том же ключе он пишет в 1786 году и ффрау Штайн.

Книга природы становилась Гёте всё понятнее по мере расшифровки содержащихся в ней букв. «Кропотливое изучение букв мне очень помогло, теперь знание их разом раскрыло мне само написанное, и я несказанно этому рад», - пишет он ффрау фон Штайн 15 июня 1785 года. Теперь он считает себя способным написать небольшой ботанический трактат для Кнебеля. Поездка, *предпринятая* в этой связи в 1785 году в Карлсбад становится становится чисто ботаническим исследованием. По возвращению, с помощью Линнея, им были проработаны царства грибов, мхов, лишайников и водорослей. 9 ноября он сообщает ффрау фон Штайн: «Я продолжаю читать Линнея, я должен это делать, поскольку не имею ничего другого. Это лучший способ читать его книгу, совмещая чтение с практикой, тем более, что выбирать книги мне нелегко. Это даже не столько чтение, сколько резюмирование, оказавшееся для меня очень полезным, поскольку большинство пунктов я уже обдумывал сам». В продолжении этих исследований, в его духе получает также очертание, пусть ещё и не совсем отчётливое, пра-форма, из которой природа вырабатывает всё множество растительных форм. В его письме к ффрау Штайн от 9 июля 1786 года содержатся следующие слова: «Это осознание сущностной формы, будто играя с которой, природа создаёт разнообразие форм жизни».

В апреле и мае 1786 года Гёте с помощью микроскопа исследовал низшие организмы, развившиеся в настоях различных субстанций (банан, кактус, трюфели, перец, чай, пиво и пр.). Он подробно записывает ход всех процессов, наблюдаемые им в этих живых существах, и делает зарисовки этих органических форм (ср. Гётевские естественно-научные статьи в веймаровском издании, часть 2, том 7, стр. 289-309). Из этих записей также видно, что Гёте пытается приблизиться к познанию жизни, отнюдь не через такие наблюдения низших и простейших организмов. Совершенно очевидно, что он надеялся понять существенные черты жизненных процессов в высших организмах так же, как и в низших. Он считал, что процессы, происходящие с живыми существами в вышеупомянутых настоях, повторяют ту же закономерность, которую воспринимает духовный глаз при наблюдении за собакой. Наблюдения с помощью

микроскопа, просто знакомят нас с процессами, которые в малом представляют собой то, что невооружённый глаз видит в большом. Они просто расширяют чувственный опыт. Сущность жизни, однако, раскрывается не прослеживанию процессов, доступных чувствам, до мельчайших составных частей, а *наблюдению высшего рода*. Гёте стремится познать эту сущность посредством рассмотрения высших растений и животных. Это познание, без сомнения, он стремился бы осуществить таким же образом и в том случае, если бы в его время анатомия растений и животных была такой же продвинутой, как и сейчас. Если бы Гёте мог наблюдать клетки, из которых построены растительные и животные тела, то он сказал бы, что в этих элементарных органических формах проявляется та же закономерность, которую можно воспринять и при наблюдении за целым организмом. Он объяснил бы себе явления, происходящие в этих крошечных существах, посредством тех же идей, с помощью которых он объяснял себе жизненные процессы высших организмов.

Мысли, раскрывающие тайны органического образования и преобразования, впервые приходят к нему в Италии. 3 сентября 1786 года он покидает Карлсбад, чтобы направиться на юг. Немногими, но значительными предложениями, в своей «Истории моих ботанических исследований» (Кюршнер, том 33, стр. 61ff) он представляет мысли, навеянные ему наблюдением растительного мира до момента, когда в Сицилии ему открылось ясное представление того, как растительные формы «при их своеобразии, общей и специфической устойчивости, приобретают такую удивительную мобильность и гибкость, позволяющую им приспособиться к множеству условий, царящих на земном шаре, формироваться и трансформироваться в соответствии с ними». При переходе через Альпы, в ботаническом саду Падуи и других местах ему представала «изменчивость растительных форм». «Если на равнинных местах стебель и ответвления были крепкими и массивными, глазки располагались недалеко друг от друга, а листья были широкими, то в горах стебли и ответвления были тоньше, глазки расходились друг от друга дальше так, что между узлами образовывалось большее пространство, а листья приобретали копьевидную форму. Я заметил это у ивы и горечавки и убедился, что дело не в видах. Также и у Вальхензе (Walchensee) я наблюдал более длинные и тонкие ситники, чем в низине» (Путешествие по Италии, 8 сентября). 8 октября на побережье Венеции он находит различные растения, на примере которых взаимоотношение

органического со своим окружением предстаёт ему с особой наглядностью. «Все они одновременно мясистые и крепкие, сочные и жёсткие, и очевидно, что эти свойства придают им соль в песчаной почве, а в ещё большей степени, насыщенный солью воздух; они полны соками, как водные растения, они тверды и жестки, как горные растения; если края их листьев имеют склонность к образованию шипов, как, например, чертополох, то они невероятно остры и крепки. Я нашёл целый куст с такими листьями; он выглядел как наша невинная Мать-и-мачеха, но здесь вооружен острями, и листья, как кожа, и также семенные стручки и стебли, - все мясистые и крепкие» (Путешествие по Италии). В ботаническом саду в Падуе мысли Гёте о том, что все растительные формы можно, вероятно, вывести из одной, получили более определённые вид (Путешествие по Италии, 27 сентября); в ноябре он сообщает Кнебель: «Меня-таки действительно радуют мои небольшие ботанические опыты в этой земле, где господствует более живая и менее нарушенная вегетация. Я уже сделал, право, отличные, обобщающие замечания, которые в будущем должны понравиться и тебе». 25 марта 1787 года ему приходит «радостное откровение о ботанических объектах». Он просит передать Гердеру, что скоро будет готов с пра-растением. Только боится, «что никто не захочет узнать в нём прочий растительный мир» (Путешествие по Италии). 17 апреля он намеревается «продолжить свои поэтические мечты об общественном саде». Но не успевает он оглянуться, как сущность растений, подобно призраку, поглощает его. «Множество растений, которые я в продолжении большей части года обычно привык лицезреть лишь в горшках и ящиках за стеклом теплиц, стоят здесь свежие и радостные под открытым небом, и, полностью исполняя своё предназначение, они становятся для нас определённые. Перед видом такого множества новых и обновленных форм на меня снова нашла старая блажь: не смогу ли я в этой куче обнаружить пра-растение? Ведь, должно же оно быть! Иначе откуда я ещё узнаю, что то, или иное творение является растением, если все они не сотворены по одному образцу». Он старается различать в растительных образованиях все отклонения, но его мысли при этом постоянно возвращаются к праобразу, лежащему в их основе (Путешествие по Италии, 17 апреля 1787 года). Гёте заводит ботанический дневник, в который во время этого своего путешествия заносит все наблюдения, сделанные в растительном царстве, и размышления о них (ср. Веймарское издание, часть 2, том 7, стр.273ff). Страницы этого дневника показывают, как, без усталости, он занимался тем, чтобы найти экземпляры

растений, открывающих законы роста и размножения. Когда он считал, что напал на след какого-то закона, то вначале он представлял его себе в гипотетической форме, чтобы затем в ходе дальнейших исследований найти ему подтверждение. Он скупулёзно протоколирует процессы прорастания, оплодотворения и роста. Он всё больше и больше убеждается в том, что основным органом растения является лист, и что лучше всего можно достигнуть понимания всех остальных органов растения, если рассматривать их как трансформированные листья. Он пишет в своём дневнике: «Гипотеза: всё является листом, и, благодаря этой простоте, возможно наибольшее разнообразие». А 17 мая 1787 он сообщает Гердеру: «Кроме того, должен доверительно поделиться с тобой тем, что приблизился к тайне образования и организации растений, и она оказалась самой простой из того, что только можно было предположить. Под этим небом можно делать лучшие наблюдения. Я совершенно точно и определённо нашёл основной пункт, в которой покоится зародыш; всё остальное я в общем виде также вижу, осталось определить лишь некоторые частности. Пра-растение станет чудеснейшим созданием мира, которому мне может позавидовать сама природа. С этой моделью, да ещё и ключём к ней, можно изобретать бесконечное число растений, которые должны быть консеквентны, то есть: даже если их не существует, они могли бы существовать, и, не просто в качестве художественных и поэтических теней и образов, а как обладающие внутренней правдой и необходимостью. Тот же закон можно применить и ко всему прочему живому»... «В начале и конце своего развития растение всегда только лист, настолько безраздельно объединённый с будущим зародышем, что одно без другого нельзя и представить. Охватить умом такое понятие, вынести, отыскать в природе – это задача, ввергающая нас в смущающе сладкое состояние» (Путешествие по Италии).

Для объяснения явлений жизни Гёте выбирает путь, который полностью отличается от того, которым обычно следуют естествоиспытатели. Последние разделяются на две партии. Есть защитники действующей в органических существах жизненной силы, представляющей собой, по-сравнению с прочими естественными причинами, более высокую форму силы. Наравне с силами тяжести, химическим притяжением и отталкиванием, магнетизмом и пр., должна существовать также жизненная сила, приводящая вещества в организме в такое взаимодействие, что они способны себя сохранять, расти, питать и размножать. Естествоиспытатели, придерживающиеся такого мнения,

говорят: в организме действуют те же силы, что и в остальной природе; но они действуют не так, как в безжизненной машине. Они становятся как бы захваченными жизненной силой и подняты на более высокую ступень действия. Сторонникам этого мнения противостоят другие естествоиспытатели, которые полагают, что в организмах не действует никакая особая жизненная сила. Они считают жизненные явления сложными химическими и физическими процессами и предаются надеждам, что однажды, вероятно, удастся объяснить организм, сведением его к действию неорганических сил, как машину. Первое воззрение называют витализмом, а второе – механицизмом. Гётевское понимание во всём отлично от обоих. То, что в организме, помимо сил неорганической природы, действует что-то ещё, является для него само собой разумеющимся. Поэтому он не мог примкнуть к механистическому пониманию жизненных явлений. Но также мало, для объяснения деятельности в организме, он ищет особую жизненную силу. Он убеждён, что способ понимания процессов жизни отличается от способа понимания явлений неорганической природы. Тот, кто принимает концепцию жизненной силы, видит, что органические взаимодействия не механистичны, но, одновременно, он теряет способность выработать другой взгляд в познании органического. Представление жизненной силы остаётся тёмной и неопределённой. Один из последних приверженцев витализма, Густав Бунге, считает: «В мельчайшей клетке – уже там, внутри неё, заключены все загадки жизни, и в исследовании этой мельчайшей клетки, с имеющимися сейчас средствами, мы уже подошли к границе» («Витализм и Механицизм», Лейпциг, 1886 год, стр.17). Было бы полностью в согласии с гётевским образом мысли ответить на это: та способность видения, которая применяется только для познания неорганических явлений, достигла со своими средствами границы, которая для понимания жизни должна быть преодолена. Эта способность видения, однако, никогда не найдёт средства, способного подойти к объяснению жизни даже этой мельчайшей клетки, в рамках своей собственной области. Как для восприятия цветовых явлений необходим глаз, так для понимания жизни необходима способность непосредственного видения в чувственно воспринимаемом сверхчувственного. Это сверхчувственное будет всегда ускользать из поля зрения того, кто направляет на органические формы только чувства. Гёте пытается оживить чувственное видение растительных форм более высоким образом, и представить себе чувственно воспринимаемую форму сверхчувственного пра-растения (ср. «История

моих ботанических исследований», в Кюршнере, том 33, стр. 80). Виталист ищет убежища в бессодержательном понятии жизненной силы, поскольку вообще не видит того, что его чувства не воспринимают в организме. Гёте видит, что чувственное так же пронизано сверхчувственным, как цветное стекло бутылки пронизано цветом.

Последователи механицизма придерживаются того мнения, что когда-нибудь станет возможным произвести живую субстанцию из неорганических веществ искусственным путём. Они говорят, что ещё несколько лет назад считалось, что в организмах есть субстанции, которые не могли возникнуть искусственным путём, но только посредством действия жизненной силы. Но сейчас эти субстанции уже можно произвести искусственно в лабораториях. Точно так же когда-нибудь из карбоновой кислоты, аммиака, воды и солей можно будет создать живой белок, являющийся базисной субстанцией простейших организмов. Тогда, считают механицисты, будет неоспоримо доказано, что жизнь представляет собой не большее, чем комбинацию неорганических процессов, а организм – не большее, чем, естественным образом, возникшую машину.

С позиции гётевского мировоззрения на это можно ответить так: «Механицисты говорят о веществах и силах так, что это не может быть подтвержден никаким опытом. И говорить таким образом настолько привыкли, что противопоставить этим понятиям просто высказывания опыта будет очень трудно. Но рассмотрим всё же какой-нибудь процесс во внешнем мире непредвзято. Возьмём некоторое количество воды определённой температуры. Благодаря чему об этой воде что-то известно? Мы смотрим на неё и видим, что она занимает какое-то пространство и заключено в определённых границах. Мы опускаем в неё палец, или термометр, и обнаруживаем насколько она теплая или холодная. Мы касаемся её поверхности и узнаём, что она жидкая. Это высказывания, которые о состоянии воды делают чувства. Теперь подогреем эту воду. Она начнёт закипать и, в конце концов, превратится в пар. И снова, посредством чувственного восприятия, можно судить о свойствах этого тела, пара, в который превратилась вода. Вместо нагревания воды, можно, при определённых условиях, пропустить через неё ток. Она разделится на два тела, водород и кислород. О свойствах обоих этих тел также можно узнать с помощью чувств. Таким образом, мы воспринимаем состояния телесного мира и, одновременно, наблюдаем, как эти состояния, при определённых обстоятельствах, переходят в другие. Об этих состояниях

говорят нам наши чувства. Если мы говорим о чём-то другом, нежели о трансформации состояний, то мы больше не ограничиваемся чистыми фактами, а присовокупляем к ним понятия. Если говорят, что водород и кислород, полученные в результате пропускания через воду электрического тока, уже содержались в ней до этого и были просто так тесно связаны друг с другом, что их самостоятельность нельзя было воспринять, то к восприятию добавили понятие, которое объясняет возникновение двух тел из одного. И если идут дальше и утверждают, что кислород и водород являются веществами (**Stoffe**), - что видно уже из того, что им дают такие названия (*Sauerstoff*, *Wasserstoff*), - то, опять-таки, к воспринятому добавляют понятие. В то время как в действительности, в пространстве, занятом кислородом, можно воспринять только сумму состояний. К этим состояниям домысливают вещество, на котором они должны основываться. То, что считается содержащимся в воде, как вещественные кислород и водород, является мысленным добавлением к содержанию восприятия. Если, посредством химического процесса, объединить водород и кислород в воду, можно видеть, как одна сумма состояний переходит в другую. Когда говорят: два простых вещества объединились в одно сложное, то это попытка понятийной интерпретации содержания наблюдения. Представление «вещества» обретает своё содержание не из восприятия, а из мышления. То же можно отнести и к «силе». Мы видим падение камня. Что является здесь содержанием восприятия? Сумма чувственных впечатлений, состояний, выступающих в следующих одно за другим местах. Мы пытаемся объяснить эти изменения в чувственном мире, и говорим: земля притягивает камень. Она обладает силой, которая его притягивает. Снова наш ум присовокупил к факту представление, придав ему содержание, происходящее не из восприятия. Мы воспринимаем не вещества и силы, а состояния и их переходы друг в друга. Объясняем же мы эти изменения состояний, посредством добавления к восприятиям понятий.

Представим себе, что есть существо, способное воспринимать кислород и водород, но не воду. Если перед глазами такого существа мы объединим кислород и водород, превращая их в воду, то для него эти, воспринятые им, состояния обоих веществ исчезли бы полностью. Если бы мы теперь описали ему воспринятые нами состояния воды, то оно не смогло бы это себе представить. Это доказывает то, что в содержании восприятий водорода и кислорода нет ничего, из чего можно было бы вывести содержание восприятия воды. Одна вещь, состоящая из двух

вещей, или больших, означает, что два, или более, содержания восприятия преобразовалось в одно, совершенно новое, по-отношению к первым.

Что же тогда было бы достигнуто, если в лаборатории искусственно удалось бы соединить углекислоту, аммиак, воду и соли в живую белковую субстанцию? Было бы известно, что содержания восприятий множества веществ способно объединиться в одно содержание восприятия. Но это содержание восприятия вывести из них никак невозможно. Состояние живого белка можно наблюдать только в самом живом белке, - его нельзя развить из состояний углекислоты, аммиака, воды и солей. В организме содержится что-то из неорганических составляющих, из которых он может быть образован, и которые могут быть полностью различны сами по себе. Чувственные содержания восприятия преобразуются при возникновении живого существа в чувственно-сверхчувственные. И неспособный к чувственно-сверхчувственным представлениям, может узнать что-то о сущности организма так же мало, как лишённый чувственного восприятия, может что-то узнать о воде.

Прорастание, рост, преобразование органов, питание и размножение организма нужно представлять себе как чувственно-сверхчувственный процесс, - к этому стремился Гёте в своих исследованиях растительного и животного миров. Он заметил, что этот чувственно-сверхчувственный процесс, в своей идее, один и тот же у всех растений, и лишь во внешнем проявлении принимает различные формы. То же Гёте смог установить и для животного мира. Если сформировать в себе идею чувственно-сверхчувственного прораствания, то её можно снова обнаружить во всех отдельных растительных формах. Многообразие возникает, благодаря тому, что эта идея одного и того же может принимать в мире восприятия различные облики. Отдельный организм состоит из органов, образовавшихся из одного основополагающего органа. Этот основополагающий орган растения – лист с узлом, из которого он образуется. Во внешнем проявлении этот орган принимает различные формы: семядоля (зародышевый листок), лист, чашелистник, венчик и т.д. «Растение может прорасти, цвести или приносить плоды, - но это всегда одни и те же органы, которые в различных положениях и под часто меняющимися обликами исполняют предписания природы».

Чтобы получить полную картину пра-растения, Гёте должен был проследить формы, которые прodelывает основополагающий орган в процессе роста от прораствания до семясозревания. В начале своего развития весь облик растения заключён в семени. В нём пра-растение принимает облик, через который оно, как бы, скрывает своё идеальное содержание во внешнем проявлении.

«Эта сила просто спала в семени; праобраз лежал,
Замкнутый в себе, свёрнутый в оболочке,
И лист, и корень, и завязь, ещё полуоформлены и бесцветны,
Такой сухой хранит зерно тихую жизнь,
Но доверяясь мягкой влаге, прорывается вверх,
Тут же являя себя из окружающей ночи.
(«Метаморфоза растений», Кюршнер, том 33, стр. 97).

Из семени растение развивает первые органы, семядоли (Kotyledonen), после того, как оно «свои покровы более или менее оставляет земле» и укрепляет «в почве корень». И тогда, в процессе дальнейшего роста, следуют побег за побегом; узел громоздится на узел, а на каждом узле находится лист. Листья принимают различные формы. Нижние листья простые, верхние, с многочисленными зубцами и сечениями, состоят из нескольких листков. На этой ступени развития пра-растение распространяет своё чувственно-сверхчувственное содержание в пространстве как внешнее чувственно-воспринимаемое явление. Гёте считает, что своей сложности и утонченности листья обязаны свету и воздуху. «Если образованную в замкнутой семенной оболочке, как бы, нафаршированную сырым соком семядолю мы находим почти совсем неорганизованной, или грубо организованной и несформировавшейся, то листья растений, растущих под водой, также предстают нам грубее тех, которые подвержены воздействию воздуха; и даже один и тот же вид растений образует более гладкие и грубые листья, если растёт в долинных, насыщенных влагой местах, в то время как в высокогорье его листья шершавы, волосисты и более сложно организованы» (Кюршнер, том 33, стр.25f). Во второй эпохе своего роста, по-сравнению с предыдущей, растение снова стягивается в более узкое пространство.

«Теперь оно направляет свои соки более умеренно, суживает сосуды,
И это тут же отражается на утонченности его облика.

Рост краёв побега замедляется
И полностью формируются жилки стебля.
Теперь тонкий стебель тянется вверх быстрее, но уже без листьев,
И наблюдателя привлекает чудесный облик.
Множество мелких листков,
Похожих друг на друга образуют круг.
И наливающаяся чашечка, теснясь вокруг оси,
Решается принять высший облик цветной короны».

В чашечке форма растения сжимается; в венчике она снова расширяется. Затем следующее сжатие происходит в тычинке и пестике, органах размножения. Формирующая сила растения развивается в предыдущих периодах роста в различных органах, как стремление повторения основной формы. На этой же ступени сжатия та же сила разделяется на два органа. Разделённое пытается снова объединиться. Это происходит в органах размножения. Имеющаяся в тычинке мужская цветочная пыльца соединяется с женской субстанцией, содержащейся в пестике; этим даётся начало новому растению. Гёте называет оплодотворение духовным анастомозом и видит в нём лишь другую форму процесса, происходящего в развитии от одного узла к другому. «Во всех телах, которые мы называем живыми, мы замечаем силу воспроизведения. Когда мы воспринимаем эту силу разделённой, она получает названия обоих полов» (Веймарское издание, часть 2, том 6, стр. 361). От узла к узлу растение производит себе подобное. Поскольку узел и лист являются простейшими формами пра-растения. В этих формах воспроизводство называется ростом. Когда сила размножения распределена на два органа, говорят о двух полах. Таким образом Гёте полагал сблизить понятия роста и воспроизведения. На стадии образования плода растение достигает последнего расширения; в семени оно является снова сжатым. Этими шестью шагами природа замыкает круг развития растения и весь процесс повторяется с начала. В семени Гёте видит лишь другую форму глазка, развивающегося в листе. Раскрывающиеся из глазка боковые ростки являются полноценными растениями, которые, вместо того, чтобы стоять на земле, стоят на материнском растении. Идеей пра-растения является представление о преобразующем себя поступенчато, будто проходя по ступеням некой «духовной лестницы» от семени до плода, базисном органе. Как бы в доказательство способности превращения этого базисного органа для чувственного восприятия, природа, при определённых условиях, позволяет на одной из ступеней вместо органа, который должен

возникнуть согласно нормальному процессу роста, развиваться другому. Например, у мака на месте, где должны образоваться тычинки, выступают лепестки. Орган, который, *согласно идее*, предназначен быть тычинкой, становится лепестком. В органе, имеющем при нормальном ходе развития растения определенную форму, содержится возможность принять другую форму.

В качестве иллюстрации своей идеи пра-растения Гёте рассматривает *Bryophyllum calycinum*, Каланхое Дайгремонта, вид растения, завезённый с Молуккских островов в Калькутту и оттуда в Европу. Из вырезков толстых листьев этого растения появляются ростки, которые после своего отделения становятся полноценными растениями. В этом, представленном *чувственно-сверхчувственно*, процессе, Гёте видит подтверждение той идеи, что в листе, содержится полное растение (ср. Заметки Гёте о *Bryophyllum calycinum* в веймарском издании, части второй, тома VI, стрю 336fr.).

Кто создаст в себе представление пра-растения и сохранит его в движении, так чтобы иметь возможность осмысливать его во всех возможных формах, позволяемых его содержанием, тот может объяснить с его помощью все растительные формы. Он поймёт развитие отдельного растения; но он также обнаружит, что все роды, виды и варианты построены по этому праобразу. Этот взгляд Гёте сформировал в Италии и изложил в 1790 году в работе: «Попытка объяснения метаморфозы растений».

В Италии также получила развитие его идея о человеческом организме. 20 января 1787 года он пишет Кнебель: «Для анатомии я подготовился уже довольно хорошо и, хотя и не без труда, я, в определённой степени, овладел знаниями о человеческом теле. Здесь, благодаря постоянному рассмотрению статуй, это знание, приобрело более высокое значение. В нашей медицинско-хирургической анатомии речь идёт лишь о знакомстве с частями и принадлежащими им огрызками мускулов. В Риме же эти части не играют никакой роли, если не объединены в благородную и прекрасную форму. – В огромном лазарете Сан Спирито, в угоду людям искусства, установлена фигура мускулистого тела, поражающего своей красотой. Она действительно напоминает некоего препарированного полубога, марсианина. – Так, по завету древних, стараются изучать не просто искусственно собранную массу костей, а скелет вместе со связками, благодаря чему последний сохраняет движение

и жизненность». После своего возвращения из Италии Гёте с усердием продолжает изучение анатомии. Он пытается познать законы строения животных форм так же, как ему удалось познать их для растений. Он убеждён, что и целостность животного организма основывается на некоем базисном органе, который в своём внешнем проявлении может принимать различные формы. Если эта идея основного органа скрыта, он является не оформленным. Тогда он представляет собой простые органы животного; когда же эта идея настолько овладевает веществом, что делает его полностью себе подобным, возникают высшие, благородные органы. То, что в простейших органах содержится от идеи внутри, в более высоких примыкает к внешнему миру. Но охватить закон формирования всего облика животного целиком, в едином представлении, как это ему удалось для растительных форм, Гёте не удалось. Он нашёл формирующий закон только для одной части, для спинного мозга и головного мозга с прилегающими к ним костями. В головном мозге он видит более высокое строение спинного мозга. Для него каждый нервный центр ганглиев представляет собой недоразвитый головной мозг (ср. Веймарское издание, часть 2, том 8, стр. 60). А в покрывающих головной мозг костях черепа он видит видоизменённые позвонки, окружающие спинной мозг. Тот факт, что задние черепные кости (затылочная кость, передняя и задняя клиновидные кости) рассматривались им как три преобразованных позвонка, уже имел место раньше; то же самое он утверждал и относительно передних черепных костей, когда в 1790 году он нашёл в дюнах Лидо череп овцы, который был так удачно сломан, что нёбная кость, верхняя челюсть и промежуточная кость, казалось, непосредственно представляли чувственному восприятию три видоизменённых позвонка.

Анатомия животных во времена Гёте была развита ещё не настолько, чтобы он мог назвать живое существо, у которого, на месте развитых черепных костей был бы позвонок, то есть, существо, действительно представляющее чувственному восприятию образ, существующий лишь в идеальном виде. Благодаря исследованиям Карла Гегенбауэра, работы которого были опубликованы в 1872 году, такая животная форма была обнаружена. У предшественников рыб, или акулообразных (Selachier), черепные кости и головной мозг явно представлены конечными членами позвоночника и спинного мозга. Правда, после более детального исследования этих животных, обнаружилось, что в образовании головы, похоже, принимало участие большее число позвонков (по меньшей мере, девять), нежели это

предполагал Гёте. Эта ошибка относительно числа позвонков, а также тот факт, что череп высших животных в эмбриональном состоянии никак не указывает на то, что он составлен из позвонкообразных частей, а развивается из простого хрящевого пузыря, была использована против гётевской идеи трансформации спинного мозга и позвоночника. При этом признавалось, что череп развился из позвонков. Но отрицалось, что черепные кости, в той форме, в которой они предстают нам у высших животных, являются трансформированными позвонками. Говорили, что имело место полное слияние позвонков в хрящевой пузырь, в котором первоначальная структура позвонков полностью исчезла. Из этой хрящевой капсулы образовались затем те формы костей, которые мы видим у высших животных. Эти формы образовались не по прототипу позвонка, а в соответствии с задачами, которые должны выполняться при помощи развитого черепа. Таким образом, если бы мы искали основание для объяснения какой-то формы черепной кости, мы должны были бы ставить вопрос не о том, как трансформировался позвонок, чтобы стать черепной костью, а о том, какие условия привели к тому, что та или иная форма кости выделилась из простой хрящевой капсулы. Пришлось бы верить в то, что после преобразования первоначальной формы позвонка в бесструктурную капсулу, возникло образование новых форм, появились новые законы формообразования. Противоречие между таким взглядом и взглядом Гёте может быть найдено только с точки зрения фанатика фактов. То, что больше не воспринимается чувствами в хрящевой капсуле черепа, - структура позвоночника, всё же существует в идеальной форме и снова проявляется, когда возникают благоприятные для этого условия. В хрящевидной черепной капсуле скрывается идея позвонкообразного базисного органа в чувственно воспринимаемой материи; в сформированных черепных костях эта идея снова выступает во внешнем проявлении.

Гёте надеется, что законы формообразования прочих частей животного организма откроются ему таким же образом, как они открылись ему для головного и спинного мозга и покрывающих их органов. О сделанных в Лидо открытиях Гёте сообщает 30 апреля 1790 года Гердеру через фрау фон Кальб, что он «почти вплотную подошёл к формуле облика животных и многих его преобразований, причём, благодаря удивительному случаю» (Гёте к фрау фон Кальб). Он так верит, что близок к цели, что ещё в том же году собирается закончить труд о строении

животных, откладывая в сторону «Метаморфозу растений» (обмен письмами с Кнебель, стр. 98). В Силезии, где он путешествует в июле 1790 года, он занимается сравнительной анатомией и начинает написание статьи «О строении животных» (Веймарское издание, вторая часть, том 8, стр. 261ff). Но от этой, так удачно обрётённой отправной точки, продвинуться к законам формирования всего облика животного Гёте не удалось. Как бы он ни пытался, снова и снова, подойти к типу животной формы, некоего аналога идеи пра-растения он не достиг. Он сравнивает животных друг с другом и с человеком и пытается сформировать общую картину строения животного, по образцу которой природа создаёт отдельные формы. Но живое представление, которое наполняется содержанием, согласно основным законам построения животных и, таким образом, как бы воссоздаёт природного пра-животного, ещё не является этой общей картиной типа животного. Это лишь общее понятие, образованное на основе особого конкретного проявления. Оно устанавливает общее в многообразии животных форм; но не содержит закономерности животного мира.

«Все члены образуются согласно вечным законам,
И самая редкая форма тайно хранит в себе праобраз».

Стихотворение «Метаморфоза животных»

Как этот праобраз, посредством закономерного преобразования основного члена, развивается в четырёхчленную первичную форму животного организма, - об этом сформировать целостное представление Гёте не смог. И попытка «Строения животных», и написанный в 1795 году в Йене «Набросок сравнительной анатомии, исходя из остеологии», и его более позднее и подробное оформление «Лекций о первых трёх главах набросков к общему введению в сравнительную анатомию» (1796), содержат лишь введение к целесообразному сравнению животных для построения общей схемы, согласно которой творческая мощь, «создаёт и развивает органические натуры», норму, по которой «можно составлять описания», и к которой «можно приводить различные формы различных конкретных животных» (ср. вышеуказанные «лекции»). Для растений же Гёте показал, как первичная форма, посредством последовательных модификаций, закономерно развивается до целостной органической формы.

* * *

Но хотя Гёте и не смог проследить созидательное проявление природы в действии её образующих и преобразующих сил в различных членах животного организма, ему всё же удалось открыть отдельные законы образования животных форм, хотя и соответствующих общей норме, но различных в своём проявлении. Он полагает, что природа не способна произвольно изменить общую картину. Если один член какой-либо формы получается более совершенным, то это может произойти только за счёт других членов. В первичном организме содержатся все члены, которые только могут быть у какого-либо животного. В отдельной животной форме один член сформирован, другой лишь намечен; один развит в совершенстве, другой может совершенно не восприниматься чувствами. В последнем случае, по убеждению Гёте, те члены общего типа, которые у какого-либо животного не воспринимаются, всё же присутствуют у него в идее.

«Итак, видишь, что творение одарено чем-то с избытком,
Тут же спроси, где ему чего-то недостаёт, и ищи [это] своим пытливым умом.
Тогда найдёшь ключ ко всем созданиям,
Ведь, ни одно животное, верхняя челюсть которых
Полна зубов, не носит рогов,
И потому вечная мать не украшает ими львов,
Но обрекает их на насилие:
Потому что ей не хватает массы, чтоб и зубы сполна насадить,
И рога взрастить».

«Метаморфоза животных»

В первичном организме, пра-организме, развиты все члены, сохраняя между собой равновесие; разнообразие отдельных организмов возникает благодаря тому, что формирующая сила направляется на один член, а потому другой развивается во внешнем проявлении лишь как зачаток, или остаётся совсем неразвитым. Этот закон, действующий в животном организме, называют сегодня корреляцией или компенсацией органов.

* * *

Гёте полагает, что в пра-растении содержится весь растительный мир, а в пра-животном – весь животный мир. Отсюда возникает вопрос: каким образом в одном случае возникает одна растительная или животная форма, а в другом – другая? При каких условиях из пра-животного получается рыба? А при каких условиях – птица? В области науки для объяснения строения организмов Гёте находит представление, которое идёт вразрез с его собственными. Приверженцы этого представления, рассматривая любой орган, спрашивают себя: для чего он служит тому животному, у которого он имеется? Основанием для такого вопроса служит общая мысль о том, что божественный творец, или природа, наделяет каждое существо определённой жизненной целью, и потому придаёт ему такую форму, которая позволила бы ему эту цель исполнить. Гёте находит такой вопрос настолько же уместным, как, например, такой: с какой целью движется один эластичный шар, когда он сталкивается с другим? Объяснение движения можно дать лишь посредством обнаружения закона, по которому один шар приводится в движение после столкновения с другим шаром, или по какой-то другой причине. Не спрашивают: чему служит движение шара, а спрашивают: по какой причине он движется? Точно так же, по мнению Гёте, не спрашивают: для чего у быка рога, а: почему они у него есть? Благодаря каким законам, пра-животное выступает в быке, как форма, имеющая рога? Гёте искал идею пра-растения и пра-животного, чтобы найти в ней основание, объясняющее разнообразие органических форм. Пра-растение – это создающий элемент в растительном мире. Для объяснения отдельного вида растения необходимо показать, как этот создающий элемент действует в особом данном случае. Представление о том, что органическое существо обязано своему облику не действующей в ней созидательной силе, а некой цели, навязанной ему извне, действует на Гёте отталкивающе. Он пишет: «Недавно, в одной утомительной, вроде апостольско-капуцинской, декламации цюрихского пророка я обратил внимание на следующую бессмыслицу: Всё, что имеет жизнь, живёт благодаря чему-то вне себя. – Или что-то вроде этого. Так может писать только язычник, и проверять это ему не по чину» (Путешествие по Италии, 5 октября 1787 года). Гёте рассматривает органическое существо как маленький мир, который существует посредством себя самого и формируется по собственным законам. «Представление о том, что живое существо произведено для определённых целей и его форма обуславливается намеренной силой, уже

много столетий задерживало нас в философском рассмотрении природных вещей, и задерживает до сих пор, не смотря на то, что его горячо оспаривали некоторые отдельные мужи и указывали на препятствия, которые оно ставит на пути... Это, если можно так выразиться, тривиальное представление, которое, как и все тривиальные вещи, тривиально, поскольку для человеческой натуры оно, в общем, удобно и достаточно» (Веймарское издание, часть вторая, том 7, стр.217f). Ведь, удобно сказать: творец, при создании какого-либо органического вида, в основу его положил определённые целеполагания и потому дал ему соответствующую форму. Гёте же хочет объяснить природу не из намерений какого-то, находящегося вне природы, существа, а из лежащих в ней самой формирующих законов. Отдельная органическая форма возникает, благодаря тому, что пра-растение, или пра-животное, в каждом отдельном случае придаёт себе определённый облик. Этот облик должен быть такой, чтобы существо могло жить в тех условиях, в которых оно живёт. «...существование создания, которое мы называем рыбой, возможно только при условии наличия элемента, который мы называем водой...» (Веймарское издание, часть вторая, том 7, стр. 221). Когда Гёте хочет понять, какие формирующие законы производят определённую органическую форму, он опирается на свой пра-организм. В нём заложена сила проявления в разнообразнейших внешних обликах. Для объяснения рыбы он изучал бы то, какие формирующие силы применяет пра-животное, чтобы из все форм, содержащихся в нём идеально, произвести именно рыбу. Если бы пра-животное в определённых условиях проявилось в образе несовместимом с жизнью, оно бы погибло. Органическая форма может сохраниться в определённых условиях лишь в том случае, если она к этим условиям приспосабливается.

«То есть, облик животного определяет его образ жизни,
А образ жизни сильно сказывается на все формы.
Так проявляется упорядоченное образование,
Склонное к изменениям, благодаря действующей извне
Сущности».

«Метаморфоза животных»

Органические формы, сохраняющиеся какое-то время в определённом жизненном элементе, обусловлены природой этого элемента. Если органическая форма переходит из одного жизненного

элемента в другой, она должна соответствующе измениться. Это может произойти в определённых случаях, поскольку лежащий в основе её пра-организм обладает способностью проявляться в бесчисленных формах. Преобразование одной формы в другую, однако, по мнению Гёте, нужно представлять себе не так, что внешние условия изменяют её непосредственно, а так, что они становятся побуждающим фактором, благодаря которому преобразуется внутреннее существо. Изменённые жизненные условия побуждают органическую форму определённым образом измениться, согласно внутренним законам. Внешние воздействия действуют на живые существа не непосредственно, а опосредовано. В прарастении и пра-животном содержатся бесчисленные идеальные формы; к реальному же существованию приходят те из них, на которые внешние влияния действуют как побуждающий фактор.

Представление о том, что один растительный или животный вид с течением времени при определённых условиях трансформируется в другой, в рамках гётевского мировоззрения вполне оправдано. Гёте считает, что сила, производящая в процессе оплодотворения новый индивид, является лишь преобразованием той формы силы, которая также осуществляет преобразование органов в процессе роста. Размножение является ростом, выходящим за рамки индивида. Как в процессе роста претерпевает ряд изменений, заложенных в его идее, основной орган, так в процессе размножения, при сохранении идеального праобраза, может преобразоваться и внешний облик. Если имелась первоначальная форма организмов, то последующие формы в ходе многих лет, посредством постепенного преобразования, могли перейти в то множество форм, которые существуют на Земле в настоящее время. Из основы мировоззрения Гёте истекает мысль о фактическом кровном родстве всех органических форм. Он смог в совершенной форме высказать её сразу же после того, как ему пришла идея пра-животного и пра-растения. Но там, где он касается этой мысли, его выражения носят осторожный, неопределённый характер. В статье «Попытка общего сравнительного учения», написанной почти сразу после «Метаморфозы растений» можно прочесть: «И как замечательно, что природа всегда использует одно и то же средство и для создания своего творения, и для его питания! Развитие пойдёт именно по этому пути, от рассмотрения, в качестве носителя неорганизованных существ, только неорганизованных, не детерминированных элементов, к возвращению видения организованного

мира как совокупности многих элементов. Например, весь растительный мир снова предстанет перед нами как огромное море, которое так же необходимо для существования насекомых, как водное море и реки необходимы для существования рыб, и мы увидим, необозримое число живых созданий, которые рождаются и питаются в этом океане растений, и, наконец, мы снова увидим весь животный мир как огромный единый элемент, в котором один род, если не возникает из другого и, благодаря другому, то, по крайней мере, сохраняется, благодаря ему». Не сдерживается Гёте в следующем отрывке из «Лекций о трёх первых главах наброска общего введения в сравнительную анатомию» (1796): «Таким образом, мы обрели право утверждать следующее: все совершенные органические существа, в число которых мы включаем рыб, амфибий, птиц, и млекопитающих и, наконец, человека, - все они сформированы по одному праяобразу, который в каждом конкретном случае лишь отклоняется от нормы в ту или иную сторону в своих наиболее устойчивых частях, а также ежедневно формируется и преобразуется посредством размножения». Осторожность Гёте по-отношению к мысли о трансформации понятна. Времени, в котором он формировал свои идеи, эта мысль была не чужда. Но эта мысль образовалась самым дичайшим образом. «То время (пишет Гёте в 1817 году, ср. Кюршнер, том 33, стр. 15) было ещё темнее, нежели это можно сейчас себе представить. Утверждалось, например, что только от человека зависит удобство хождения на четвереньках, и что медведи, если они достаточно долгое время продержатся в вертикальном положении, могут стать людьми. Удалой Дидро осмеливался делать некоторые предложения, например, о том, как можно создать фавноподобных существ, чтоб потом нарядить их в ливреи и усадить на козлы карет великих и богатых людей в качестве особого государственного отличия». С подобными неясными предложениями Гёте не хотел иметь ничего общего. Он хотел открыть основные законы живого. При этом ему было ясно, что формы живого являются не застывшими и неизменяемыми, а подвержены непрерывному преобразованию. Для того, чтобы установить, как это преобразование осуществляется в каждом отдельном случае, ему не хватало наблюдений. Только исследования Дарвина и остроумные размышления Геккеля немного пролили свет на фактические родственные отношения отдельных органических форм. С точки зрения гётевского мировоззрения, можно согласиться с утверждениями Дарвина относительно действительного происхождения одного органического вида из другого. Гётевские идеи

проникают, однако, в сущность органического гораздо глубже, нежели современный дарвинизм. Последний полагает, что можно обойтись и без внутренних побудительных сил, заложенных в органическом, которые Гёте представляет как чувственно-сверхчувственный образ. Он даже отказывает Гёте в праве говорить о *действительной* трансформации органов и организмов, исходя из его предпосылок. Юлиус Сакс отвергает мысли Гёте, говоря, что тот переносит «выведенные разумом абстракции на сам субъект», приписывая последнему «метаморфозу, которая, по-сути, осуществляется лишь в нашем уме». Согласно такому взгляду, Гёте сделал лишь то, что свёл листья, чашелистики и лепестки в одно понятие, обозначив их просто как листья. «Совсем другое дело, если... мы могли бы предположить, что у предшественников имеющихся сейчас растительных форм тычинки представляли собой обычные листья и пр.» (Сакс, «История ботаники», 1875 год, стр.169). Этот взгляд исходит из фанатизма фактов, который не может признать, что идеи так же объективно принадлежат вещам, как и то, что можно воспринять органами чувств. Гёте считает, что о преобразовании одного органа в другой можно говорить лишь в том случае, если у обеих этих органов, кроме внешнего сходства, есть и ещё нечто общее. Это чувственно-сверхчувственная форма. Тычинка находящейся перед нами растительной формы может быть обозначена трансформированным листом её предшественницы только тогда, когда в них живёт одна и та же чувственно-сверхчувственная форма. Если этого не происходит, в том месте, где у предшествующей формы был лист, у находящейся перед нами растительной формы развивается тычинка, которая не трансформировалась, а просто на месте одного органа выступил другой. Зоолог Оскар Шмидт спрашивает: «Что же тогда, согласно Гёте, должно быть преобразовано?» («Был ли Гёте дарвинистом?», Грац 1871, стр. 22). Конечно, преобразуется не праобраз, поскольку он, как раз, во всех формах один и тот же. Именно потому, что он остаётся одним и тем же, внешние формы могут быть различны, но представлять собой при этом единое целое. Если в двух, раздельным образом развитых форм невозможно опознать единый идеальный праобраз, то нельзя установить и отношения между ними. Только через представление идеальной пра-формы, можно придать действительный смысл утверждению, что органические формы возникают посредством преобразования одной из другой. Кто не поднимется до этого представления, тот останется запертым в рамках обычных фактов. В нём лежат законы органического развития. Как, благодаря трём основным законам *Кеплера*, становятся

понятными процессы, происходящие в Солнечной Системе, так, благодаря идеальным праобразам Гёте, становятся понятными формы органической природы.

Кант отрицает способность человеческого духа пронизывать идеальным целое, посредством которого определяется многообразие проявлений, и, если кто-то хочет вывести отдельные формы органического мира из некоего пра-организма, он называет это «смелым приключением разума». Для него человек в состоянии лишь объединить многообразие отдельных проявлений в общее понятие, с помощью которого разум создаёт образ единства. Но этот образ существует только в человеческом духе и не имеет ничего общего с творческой силой, посредством которой единство действительно позволяет выйти из себя многообразию. Под «Смелым приключением разума» подразумевалось предположение, что Земля, якобы, вначале производит из своего чрева простые организмы с менее целесообразными формами, а те, в свою очередь, рожают более целесообразные формы. В дальнейшем из последних развиваются ещё более высокие формы, вплоть до совершенных живых существ. Кант имел в виду, что если бы кто-то сделал такое предположение, то он мог бы положить в его основу только обладающую намерением творческую силу, которая дала бы развитию такой толчок, что все отдельные её составляющие развивались бы целесообразно. Действительно, человек воспринимает множество различных организмов; и, поскольку он не может в них проникнуть, чтобы увидеть, каким образом они придают себе форму, соответствующую жизненному элементу, в котором они развиваются, он должен представить себе то, что они сформированы так извне. Гёте признаёт способность познания того, как природа создаёт отдельное из целого, внешнее - из внутреннего. Поэтому то, что Кант называл «приключением разума», Гёте хочет мужественно сохранить (ср. Статья «Наблюдающая сила суждения», Кюршнер, том 33, стр. 115f). Если бы у нас не было никакого другого доказательства того, что Гёте признаёт правомерность мысли о кровном родстве всех органических форм в пределах указанных здесь границ, мы должны были бы исходить из этого его суждения о кантовском «приключении разума».

Один ещё сохранившийся отрывочный «Набросок к морфологии» выдаёт, что Гёте планировал представить поступенчатый ряд особых формообразований, которые принимают пра-растение и пра-животное в основных видах живых существ (ср. Софийское издание, вторая часть, том

6, стр. 321). Вначале он хотел показать сущность органического так, как ему представлялось в ходе его размышлений о животных и растениях. Затем «исходя из одной точки» показать, как органическое пра-существо развивалось, с одной стороны в сторону многообразия растительного мира, и, с другой стороны, в сторону многообразия животных форм, как можно вывести особые формы червей, насекомых и высших животных, включая человека, из общего праобраза. Он хотел пролить свет и на область физиогномики и френологии. Он ставил себе задачу представить взаимоотношения внешнего вида и внутренних духовных способностей. Он хотел проследить импульс органического образования, который, проявляясь в низших организмах в виде простых форм, затем поступенчато реализуется во всё более и более совершенные формы, пока, наконец, не достигает формы человека, позволяющей последнему стать творцом духовных продуктов.

Этот план Гёте привёл к осуществлению так же мало, как и другой, частью которого был фрагмент «Предварение к физиологии растений» (ср. Веймарское издание, вторая часть, том 6, стр. 286 ff). Гёте хотел показать, как должны действовать все отдельные ответвления познания природы: её история, природоведение, анатомия, химия, зоономия и физиология, для того, чтобы сообщая, с более высокой точки зрения, объяснить формы и процессы живого. Он хотел учредить новую науку, общую морфологию организмов, «а, именно, не в смысле предмета изучения, поскольку последний известен, но в смысле взгляда и метода, которые должны придать ей собственную форму и определить место среди других наук...». То, что предлагают анатомия, история природы, природоведение, химия, зоономия, физиология в отношении отдельных законов природы, должно быть включено в живое представление органического и поставлено на более высокую ступень так же, как само живое существо включает в круг своего формирования отдельные природные процессы и ставит их деятельность на более высокую ступень.

* * *

Гёте пришёл к идеям, помогавшим ему ориентироваться в лабиринте живых форм, собственным путём. Господствующие тогда взгляды на важные области действий природы противоречили его общему мировоззрению. Поэтому он должен был сам сформировать соответствующие его существу представления об этих областях. Он был,

однако, убеждён, что под солнцем нет ничего нового, и что «в каких-нибудь старых книгах, в общих чертах, вполне можно обнаружить то, что осознаётся самим». По этой причине, представляя своим учёным друзьям свою работу «Метаморфоза растений», он просит их сообщить ему, не встречалось ли им на эту тему что-либо подобное. Он был очень рад, когда Фридрих Август Вольф обратил его внимание на «подходящего предшественника», Каспара Фридриха Вольфа. Гёте ознакомился с его, изданной в 1759 году, «Теорией генерации». Но, как раз, на примере этого «предшественника» видно, как некто, обладающий верным взглядом на факты, всё же не может прийти к законченной идее формирования органического, если он не способен подняться, посредством чего-то более высшего, чем чувственное восприятие, к чувственно-сверхчувственной форме живого. Вольф – прекрасный наблюдатель. Он пытается объяснить зарождение жизни с помощью микроскопических исследований. Он узнаёт в чашечке, цветочной короне, тычинке, пестике и семенах преобразованные листья. Но это преобразование он приписывает постепенному убыванию жизненной силы, которая должна уменьшаться при продолжении вегетации, вплоть до полного исчезновения. Чашечка, корона и пр. представляются ему поэтому недосформированными листьями. Вольф выступил как противник Галлера, представляющего учение о преформации, или предобразовании. Последнее предполагает, что все члены взрослого организма в миниатюре присутствуют уже в зародыше, а именно, в той же самой форме и взаиморасположении, что и в законченном живом существе. Согласно этому учению, развитие организма является лишь развёртыванием того, что уже имеется. Вольф же считал действительным только то, что он видел глазами. И, поскольку состояние живого существа, в котором в зачатке уже всё присутствует (*der eingeschachtelte Zustand*), не поддаётся даже самому тщательному наблюдению, он рассматривал развитие как действительно новообразование. Форма органического существа, на его взгляд, в зародыше ещё не содержится. Гёте придерживается того же мнения относительно внешнего проявления. Он также отвергает учение о предобразовании Галлера. Для Гёте организм, хотя в зародыше и предобразован, но предобразован не внешне, а как идея. Внешнюю форму он тоже рассматривает как новообразование. Но он упрекает Вольфа в том, что там, где тот ничего не видит телесными глазами, он ничего не воспринимает и духовными глазами. У Вольфа нет никакого представления о том, что что-то, в виде идеи, всё же может

присутствовать, даже если это что-то не проявляется внешне. «Поэтому он всегда пытается подойти к началу жизнеформирования с помощью микроскопа и, такими исследованиями, проследить развитие органического эмбриона, начиная с самого начала его внешнего проявления, до принятия окончательной формы. Каким бы замечательным ни был этот метод, посредством которого он многого достиг, Вольф всё же не задумывался над тем, что между видением и видением есть разница, что телесное зрение должно действовать в постоянном единстве со зрением духовным, иначе можно смотреть, но не видеть. – В случае преобразования растений, он видел один и тот же орган постоянно стягивающимся, уменьшающимся; но то, что это стягивание чередуется с расширением, он не видел. Он видел, что этот орган уменьшается в объёме, но не замечал, что последний при этом облагораживался, и потому путь к совершенствованию называл недоразвитием» (Кюршнер, том 33, стр. 107 f).

До самой своей смерти Гёте вёл личную переписку с многочисленными естествоиспытателями. Он с огромным интересом следил за всеми новшествами науки о живых существах; с радостью отмечал, как в этой области познания возникали представления, близкие к его собственным, и как принесло свои плоды и было признано отдельными исследователями также его учение о трансформации. В 1817 году он начал собирать свои труды и издавать в своём журнале «К морфологии». Развить свои идеи о формировании органического с помощью собственного наблюдения и рефлексии он, тем не менее, больше не смог. К более детальной занятости этими идеями он обращался ещё только два раза. В обоих случаях его привлекали научные новости, в которых он находил подтверждение своих мыслей. В первом случае это были доклады, сделанные на собрании естествоиспытателей в 1828 и 1829 годах К. Ф. Ф. Фон Марциусом о «Вертикальной и спиральной тенденциях вегетации», отрывки из которых были напечатаны в журнале «Изида»; во втором, - научный спор во Французской Академии, разгоревшийся в 1830 году между Этьенном Жоффруа Сент-Илером и Кювье.

Марциус полагал, что за ростом растений стоят две тенденции: первая - это стремление вертикального роста, в котором воздействие оказывается на корень и стебель; и вторая тенденция, заставляющая органы листьев и цветков спиралевидно включать себя в вертикальные органы. Гёте ухватился за эти идеи и связал их со своим представлением о

метаморфозе. Он написал большую статью (Кюршнер, том 33), в которой обобщил все свои наблюдения о растительном мире, которые, по его мнению, указывали на существование этих двух тенденций, полагая, что их нужно включить в идею метаморфозы. «Нам следует предположить, что в процессе вегетации господствует общая спиралевидная тенденция, благодаря которой, в соединении с тенденцией вертикального роста, формирование каждого растения осуществляется по закону метаморфозы». В наличии спиральных сосудов в отдельных органах растений Гёте видит доказательство того, что спиральная тенденция глубоко проникнута в жизнь растений. «Ничто так точно не характеризует природу, как то, что интенционирующее в целом, проявляется через самые мелкие детали». «В летнее время в саду можно увидеть торчащую из земли жердь, по которой, следуя своему росту, снизу вверх, тянется вьюн (*Konvolvel*). Приходит мысль, что и *Konvolvel*, и жердь, одинаково живые, поднимаясь из одного и того же корня, поддерживают друг друга и, таким образом, беспрепятственно развиваются. Для того, кто может превратить этот момент во внутреннее наблюдение, представление существенно облегчится. Обвивающееся растение ищет вовне то, что должно было бы дать себе само, но сделать этого не может». Такое же сравнение 15 марта 1832 года Гёте приводит в письме графу Штернбергу, сопровождая его следующими словами: «Конечно это сравнение подходит не совсем, поскольку вначале вьющееся растение описывает вокруг жерди почти незаметную спираль. Но, чем больше оно приближается к верхнему её концу, тем быстрее закручивается его спиральное движение, и, наконец, (в цветке) оно сжимается в диск, как в танце, когда видишь себя в детстве случайно прижатым, грудью к груди, сердцем к сердцу, к другому ребёнку. Извини за антропоморфизм». Фердинанд Кон по поводу этого заметил: «Если бы Гёте застал ещё и Дарвина! ... Как бы он обрадовался человеку, который, посредством строго индуктивного метода, смог найти убедительные доказательства его идеям...». Дарвин считал, что почти для всех органов растения он может показать, что в процессе своего роста они имеют тенденцию к спиралеобразному движению, которое он называет *Circumnutation*.

В сентябре 1830 года в одной из своих статей Гёте высказывается относительно спора двух естествоиспытателей Этьенна Жоффруа Сент-Илера и Кювье; в марте 1832 года он делает дополнения к этой статье. Фанатик фактов Кювье в феврале и марте 1830 года выступил во Французской Академии против взглядов Жоффруа Сент-Илера, который,

по мнению Гёте, «достиг высокого, соответствующего идее, образа мысли». Кювье является мастером в различении отдельных органических форм. Жоффруа старается отыскать в этих формах аналогии и тем самым доказать, что организация животных «подчинена общему, лишь там и здесь модифицированному, плану, из которого эти модификации и нужно выводить». Он пытается познать родство закономерностей и убеждён в том, что отдельное может постепенно развиваться из общего. Гёте видит в Жоффруа единомышленника; он высказывает это 2 августа 1830 года Эккерманну: «Теперь и Жоффруа Сент-Илер перешёл на нашу сторону, а с ним и все его основные ученики и приверженцы во Франции. Это событие имеет для меня совершенно особое значение, и я могу праздновать, наконец, по праву пережитую общую победу в вещи, которой я посвятил свою жизнь и которая также полностью моя». Образ мышления Жоффруа тот же, что и у Гёте, в опыте чувственно воспринимаемого различия он пытается обнаружить идею единства; Кювье держится за различия, за конкретное, поскольку при их рассмотрении нельзя одновременно обнаружить и идею. Жоффруа обладает верным ощущением отношения чувственного и идеального; Кювье – нет. Поэтому он называет комплексный принцип Жоффруа самонадеянным и придаёт ему второстепенное значение. Особенно в среде естествоиспытателей хорошо видно, как пренебрежительно говорят о «просто» идеальном, выдуманном. У них нет органа для идеального и потому они не знают круга его действия. Благодаря тому, что Гёте обладал таким органом, и даже особо совершенным органом, последний направлял его от общего мировоззрения к глубокому воззрению на сущность живого. Способность постоянно объединять действия духовного и телесного зрения дало ему возможность видеть единую чувственно-сверхчувственную сущность, пронизывающую органическое развитие, и опознать эту сущность также там, где один орган, образовавшийся из другого, посредством преобразования, скрывает и отрицает своё родство с предшественником, изменяясь по назначению и по форме настолько, что становится невозможным провести какое-либо сравнение по внешним признакам с предшественником (ср. Статья о Иоахиме Юнге, Кюршнер, том 34). Видение глазами тела способствует познанию чувственному и материальному; духовное видение позволяет узнать о процессах, происходящих в человеческом сознании, наблюдать миры мыслей, чувств и воли; живое объединение духовного и телесного видений даёт возможность познания органического, которое, в качестве

чувственно-сверхчувственного элемента, лежит посредине между чисто чувственным и чисто духовным.

РАССМОТРЕНИЕ МИРА ЦВЕТОВ

Явления цветового мира

Чувство того, что «высокие произведения искусства... созданы людьми по истинным и естественным законам», постоянно побуждает Гёте к поиску этих истинных и естественных законов художественного творчества. Он убеждён, что воздействие произведения искусства объясняется тем, что последнее излучает естественную закономерность. Он хочет познать эту закономерность. Он хочет знать, по какой причине высокие произведения искусств являются, одновременно, и высшими произведениями природы. Ему становится ясно, что греки, создавая из человеческих фигур круг божественных образов, действовали по тем же законам, по которым действует природа (Путешествие по Италии, 28 января 1787). Он хочет видеть, как природа создаёт эти образы, чтобы понять произведения искусств. Гёте показывает, как в Италии ему удалось постепенно подойти к пониманию природной закономерности художественного творчества (ср. «Деноминация автора», [«Konfession des Verfassers»], Кюршнер, том 36). «К счастью, я мог придерживаться некоторых перенесённых мной из поэзии, испытанных своим внутренним чувством и длительным пользованием, максим, так что мне было, хотя и трудно, но не невозможно, посредством постоянного наблюдения природы и искусства, посредством живых бесед с более или менее проницательными знатоками, постепенно войти в искусство вообще, не расчлняя его, и понять его различные, живо взаимодействующие друг с другом элементы». Лишь один единственный элемент не хотел раскрыть ему природные законы, по которым он действует в произведении искусства: цвет. Множество картин было «в его присутствии задумано, скомпоновано и проанализировано, по составляющим, по положению и по форме». Художники могли рассказать ему о том, как они составляли композицию. Но как только дело доходило до цвета, всё казалось совершенно произвольным. Никто не знает, какая связь существует между

цветом и светотенью, или между отдельными цветами. Почему жёлтое производит тёплое, уютное впечатление, синее вызывает ощущение холода, комбинация жёлтого и красно-синего воздействует гармонично, - этому Гёте не мог найти объяснения. Он решает, что прежде, чем проникнуть в тайны цвета, он должен ознакомиться с закономерностями мира цвета *в природе*.

Ни понятия о физической природе цветовых проявлений, которые Гёте помнил ещё со своих студенческих лет, ни компендиумы по физике, к которым он обращался, не помогли ему в достижении цели. «Как и все, я был убеждён, что все цвета содержатся в свете; я никогда не слышал ничего другого, и не находил ни малейшей причины в этом сомневаться, поскольку особенно этим и не интересовался» («Деноминация автора», [«Konfession des Verfassers»], Кюршнер, том 36/2). Но когда он всё же начал этим интересоваться, он обнаружил, что это убеждение для достижения его цели не приносит ничего. Основателем такого взгляда на цвет, который Гёте считал в среде естествоиспытателей в то время доминирующим, и которое является таким же сегодня, является Ньютон. Он утверждает, что [белый] свет, как он исходит от Солнца, составлен из цветных световых составляющих. Цвета возникают, благодаря тому, что отдельные составляющие от этого [белого] света разделяются. Если пропустить солнечный свет через маленькое круглое отверстие в тёмное помещение и установить там, перпендикулярно направлению света, белый экран, то на нём возникнет [белый] солнечный круг. Если же между этим отверстием и экраном поместить стеклянную призму, то этот солнечный [белый] круг изменится. Он оказывается смещённым, удлинённым и цветным. Эту картинку называют солнечным спектром. Когда устанавливают призму так, что верхняя часть света проходит в ней более короткое расстояние, чем нижняя, цветная картинка смещается вниз. Верхний край её красный, нижний – фиолетовый; красный переходит, по направлению вниз, в жёлтый, фиолетовый – по направлению вверх, в синий; средняя часть картинки, в основном, белая. Лишь при определённом удалении экрана от призмы эта белая часть в середине исчезает полностью; вся картинка целиком становится цветной, а именно, сверху вниз в следующей последовательности: красный, оранжевый, жёлтый, зелёный, голубой, индиго, фиолетовый. На основании этого опыта Ньютон и его последователи заключают, что цвета первоначально содержатся в [белом] свете, но в перемешанном виде. Благодаря призме, они отделяются друг от друга. При прохождении через прозрачное тело,

они имеют свойство, в различной степени, отклоняться от своего направления, то есть, преломляются. Красный свет преломляется в наименьшей степени, а фиолетовый – в наибольшей. В результате такого различия в преломлении возникает спектр. Если на тёмном фоне посмотреть через призму на узкую бумажную полосу, она окажется так же преломлённой. Она становится шире и по краям – цветной. Верхний край оказывается фиолетовым, нижний – красным; фиолетовый здесь также переходит в синий, а красный – в жёлтый; середина остаётся, в основном, белой. Только при определённом удалении призмы от полосы, последняя оказывается полностью цветной. В середине снова оказывается зелёный цвет. Здесь также белое полосы бумаги должно, как бы, разделиться на свои цветные составляющие. То, что все цвета возникают только при определённом удалении экрана, или полосы, от призмы, а, иначе, середина остаётся белой, ньютоновцы объясняют просто. Они говорят: в большей степени преломлённые цвета верхней части картинки совпадают с, в меньшей степени преломлёнными, цветами нижней части, и смешиваются в белый. Цвета возникают только по краям, поскольку там в наименьшей степени отклонённые части света не могут падать в область с наиболее сильно отклонёнными частями, и наоборот.

Это то воззрение, из которого Гёте ничего не мог подчерпнуть для своих целей. Поэтому он решил исследовать эти явления сам. Он обращается к хофрату [советнику] Бюттнеру в Йене, который предоставляет ему на время аппараты, с помощью которых он может проводить необходимые для этого опыты. Поначалу он занимается другими работами, поэтому, по настоянию Бюттнера, ему приходится вернуть аппараты назад. Но до этого, он всё же берёт в руки призму, чтобы посмотреть сквозь неё на полностью белую стену. Он ожидает увидеть её окрашенной в разные цвета. Но она остаётся белой. Только в местах, где белое натывается на тёмное, выступает цвет. Оконные решётки оказались ярко окрашенными. Это наблюдения заставило Гёте усомниться в том, что ньютоновское воззрение о том, что цвета содержатся в белом свете, верно. Граница, темнота, – вот что должно иметь отношение к возникновению цвета. Он продолжает опыты. Теперь он наблюдает белые поверхности на чёрном фоне и чёрные поверхности на белом фоне. Постепенно у него появляется собственное воззрение на эти вещи. Белый диск на чёрном фоне кажется, при взгляде на неё через призму, сдвинутой. Верхние части диска, полагает Гёте, сдвигаются над границей чёрного фона; в то время, как сам фон сдвигается над нижними частями диска. Когда смотришь

через призму, чёрный фон через верхние части диска кажется покрытым белой завесой. При наблюдении за нижней частью диска, она оказывается затемнённой. Вверху светлое покрывает тёмное; внизу тёмное покрывает светлое. Верхняя граница становится синей, нижняя – жёлтой. Синее напротив чёрного становится фиолетовым; жёлтое снизу переходит в красное. Если отдалять призму от наблюдаемого диска, цветные края расширяются; синее вниз, жёлтое вверх. При достаточном отдалении, жёлтое снизу перекрывает синее сверху; благодаря накладыванию этих цветов друг на друга, в середине возникает зелёное. Для подтверждения этого суждения Гёте рассматривает через призму чёрный диск на белом фоне. Теперь вверху тёмное перекрывает светлое, а внизу светлое перекрывает тёмное. Вверху появляется жёлтое, внизу – синее. При расширении краёв, благодаря отдалении призмы от диска, синее, постепенно переходящее к середине в фиолетовое, перекрывает вверху жёлтое, а жёлтое, в свою очередь, переходя к середине, постепенно приобретает красный оттенок. В середине возникает персиковый цвет. Гёте говорил себе: то, что верно для белого диска, должно быть верным и для чёрного. «Если там свет распадается на такое количество цветов... тогда здесь и темнота должна являться в цвете» («Деноминация автора», [*«Konfession des Verfassers»*], Кюршнер, том 36/2). Гёте сообщает о своих наблюдениях и возникших у него на основе этих наблюдений мыслях, противоречащих ньютоновскому взгляду, одному своему знакомому физику. Тот находит его мысли необоснованными. Он объясняет цветные края и белую середину, как и переход к середине в зелёный при надлежащем удалении призмы от наблюдаемого объекта, в смысле ньютоновского воззрения. Подобным же образом, реагируют и другие естествоиспытатели, которым Гёте представлял свои наблюдения. Поэтому он продолжает свои наблюдения, для которых хотел бы иметь поддержку опытных специалистов, один. Он сооружает большую стеклянную призму, наполненную водой. Поскольку он заметил, что наблюдения через стеклянные призмы, разрез которых составлял равносторонний треугольник, благодаря слишком широкому распространению цветов, часто являются затруднительными, свою призму он конструирует так, что разрез её составляет равнобедренный треугольник, острый угол которого не превышает 20 градусов. Опыты, в которых глаз смотрит через призму на объект, Гёте называет субъективными. Они представляются так глазу, но не фиксируются во внешнем мире. Он хочет добавить к ним объективности. Для этого он

использует водяную призму. Свет проходит через призму, а за призмой цветная картинка воспринимается белым экраном. Теперь Гёте пропускает солнечный свет через отверстия в картоне. Благодаря этому, он получает освещённое пространство, ограниченное со всех сторон темнотой. Эта ограниченная масса света проходит через призму и меняет своё направление [преломляется]. Падая на экран, эта масса света, прошедшая через призму, образует фигуру, которая, по большей части, окрашена по краям. Если призма установлена так, что её разрез сужается сверху вниз, то верхний край фигуры становится синей, а нижний – жёлтым. Синее переходит к темному пространству в фиолетовое, а, в направлении светлой середины, – в голубое; жёлтое в сторону темноты – в красное. Здесь Гёте также выводит образование цветов от границы. Вверху светлые массы света входят в тёмное пространство; они освещают темноту, которая, благодаря этому кажется синей. Внизу тёмное пространство входит в массы света; оно затемняет светлое, заставляя его казаться жёлтым. Благодаря удалению экрана от призмы, цветные края становятся шире, жёлтое приближается к синему. Благодаря свечению синего в жёлтое, при определённом отдалении экрана от призмы, в середине фигуры образуется зелёное. Гёте делает наглядным вхождение светлого в тёмное и тёмного в светлое, благодаря распылению на линии, по которой световые массы проходят через тёмное пространство, тончайшей белой пудры для волос. «Более или менее яркое явление цветов улавливается теперь белыми атомами и представляется глазу во всей своей ширине и длине» (Учение о цвете, дидактическая часть § 326). Гёте считает своё воззрение, обрётённое субъективным путём, подтверждённым теперь и объективно. Цвета появляются, благодаря взаимодействию светлого и тёмного. Призма служит лишь для того, что смещать светлое и тёмное друг на друга.

После этих опытов Гёте не мог считать ньютоновское воззрение своим. С ним у него получилось то же, что и с учением о предобразовании Галлера. Как последнее представляет себе сформированный организм уже содержащимся во всех своих частях в зародыше, так и ньютонианцы представляют себе, что цвета, проявляющиеся при определённых условиях в свете, уже изначально там содержатся. Он мог использовать для такого воззрения те же слова, что и для воззрения о предобразовании, они «основываются на простом предположении, которое не может быть проверено чувственным восприятием» (ср. Статью о Каспаре Фридрихе Вольфе, Кюршнер, том 33). Для него цвета являются новообразованиями,

развивающимися в свете, а не сущностями, которые выходят из света. Из-за своего «идеального образа мысли» он должен был отказаться от ньютоновского взгляда. Последнее не знает сущности идеального. Оно признаёт только то, что присутствует как факт; что имеется только как чувственно-воспринимаемое. И там, где факты не могут быть подтверждены чувствами, оно принимает их гипотетически. Поскольку цвета образуются при наличии света, то есть, по идее, уже должны в нём содержаться, оно полагает, что они действительно, материально, в нём содержатся, и, благодаря призме и ограничению темнотой, просто извлекаются из него. Гёте знает, что в чувственном мире действительна идея; поэтому то, что присутствует как идея, он не помещает в область фактического. В неорганическом мире идеальное действует точно так же, как и в органическом, только не в чувственно-сверхчувственной форме. Его внешнее проявление совершенно материально, просто чувственно. Оно не проникает в чувственное, не одухотворяет его. Процессы неорганической природы протекают закономерно, и эта закономерность представляется наблюдателю как идея. Если в какой-то точке пространства воспринимается [белый] свет, а в другой – цвета, возникающие в последнем, то между двумя этими восприятиями существует закономерная связь, которая может быть представлена как идея. Если же кто-то воплотит эту идею и поместит её в пространство как нечто фактическое, переносящее одно восприятие предмета на другое, то это происходит на основе грубого чувственного образа представлений. Это грубо-чувственное и было тем, что отталкивало Гёте от ньютоновского воззрения. Это идея, переводящая один неорганический процесс в другой, а не фактическое, переходящее от одного к другому.

Мировоззрение Гёте может признать только два источника познания неорганических природных процессов: то, что в этих процессах может быть воспринято органами чувств, и идеальные отношения чувственно-воспринимаемого, открывающиеся в мышлении. Идеальные отношения в рамках мира чувств не одного и того же рода. Есть такие, которые ясны непосредственно, когда чувственные восприятия выступают рядом друг с другом, или друг за другом, и другие, которые можно понять, только приводя их к первому роду. В явлениях, которые предстают глазу, когда он глядит на тёмное сквозь светлое и воспринимает синее, опознаётся, по-мнению Гёте, отношение между светом, тьмой и цветом первого рода. То же самое, когда светлое проглядывает через тёмное, давая жёлтое. *Эти* явления по краям спектра (Randerscheinungen) позволяют

узнать отношение, которое становится ясным при непосредственном наблюдении. Спектр, который показывает ряд из семи цветов, от красного до фиолетового, может быть понят, только если обратить внимание на то, как к условиям, обуславливающим явления по краям, добавляются другие. Простые краевые явления соединяются в спектре в сложный феномен, который можно понять, только если их вывести из основного феномена. То, что наблюдатель видит в чистом виде в основном феномене, в сложном феномене, благодаря дополнительным условиям, является не чистым, модифицированным. Простые факты теперь нельзя узнать непосредственно. Поэтому сложные феномены Гёте стремится повсюду свести к простым, чистым. В таком сведении он видит объяснение неорганической природы. Он не идёт дальше чистого феномена. В нём раскрывается идеальное отношение чувственного восприятия, объясняющее себя само. Чистый феномен Гёте называет пра-феноменом (или первичным феноменом). Он полагает, что размышление, уходящее дальше пра-феномена, является бесполезной спекуляцией. «Магнит – это пра-феномен, который объясняется уже тем, что его называют» (Афоризмы в прозе, Кюршнер, том 36, стр. 415). Сложный феномен объясняется, когда будет показано, как он образуется из пра-феномена.

Современное естествознание поступает иначе. Оно хочет свести процессы чувственного мира к движениям мельчайших частиц и пользуется для объяснения этого движения теми же законами, посредством которых оно постигает движения, видимым образом осуществляемые в пространстве. Объяснять эти, видимым образом осуществляемые, движения задача механики. Наблюдая за движением какого-либо тела, механика спрашивает: какая сила привела это тело в движение; какой путь оно проделывает в определённый отрезок времени; какую форму имеет линия, по которой оно движется, и т.д. Отношения сил, проделанный путь, форму этого пути механика стремится представить математически. Естествоиспытатель, теперь, говорит: красный свет может быть объяснён колебаниями мельчайших частиц, заполняющих пространство. Постигнуто это движение будет, посредством того, что к нему будет применены законы, открытые в механике. Наука неорганической природы рассматривает это как цель, постепенно полностью перейти в *прикладную* механику.

Современная физика спрашивает, какое число колебаний в единицу времени соответствует определённому цвету. Из числа колебаний,

соответствующих красному и фиолетовому, она пытается определить физическое отношение между обоими цветами. Из её поля зрения выпадает качественное; она рассматривает пространственное и временное процессов. Гёте спрашивает: как относятся между собой красное и фиолетовое, если отбросить пространственное и временное и рассматривать в цвете только качественное. Способ рассмотрения Гёте предполагает, что качественное реально присутствует во внешнем мире и составляет неразделимое целое с временным и пространственным. Современная физика, напротив, должна исходить из основного принципа, что во внешнем мире есть только количественные бесцветные и бессветные процессы движения, а всё качественное возникает лишь в результате воздействия количественного на обладающие чувствами и духом организмы. Если это предположение верно, то закономерные отношения качественного надо искать не во внешнем мире, а в строении органов чувств, нервной системы и органов представления. Тогда элементы качества процессов были бы предметом не физических исследований, а физиологических и психологических. Современное естествознание из этой предпосылки и исходит. Согласно ему, организм, в соответствии со строением своего глаза, зрительного нерва и мозга, переводит один процесс движения в ощущение красного, а другой – в ощущение фиолетового. Поэтому всё видимое мира цвета объясняется соотношением процессов движения, которым этот мир определяется.

Доказательство для такого воззрения ищут в следующем наблюдении. Зрительный нерв воспринимает любое внешнее воздействие как восприятие света. Не только свет, но и удар или давление на глаз, воздействие на сетчатку при быстром движении глаза, электрический ток, проводимый через голову: всё это создаёт ощущение света. То же воздействие другое чувство воспринимает по-другому. Удар, давление, растяжение, электрический ток, действуя на кожу, вызывают тактильные ощущения. Электричество возбуждает в ухе слуховое, а на языке – вкусовое ощущения. На этом основании заключают, что содержание ощущения, возникающего благодаря внешнему воздействию, отличается от того внешнего процесса, из-за которого оно возникает. Красный цвет ощущается организмом не потому, что он связан с соответствующим процессом движения, а потому что глаз, зрительный нерв и мозг организма устроены так, что превращают лишённый цвета процесс движения в цвет. Этот, описанный выше, процесс был назван психологом Иоганном Мюллером, открывшим его, законом специфической энергии чувств.

Вышеприведённое наблюдение доказывает лишь то, что организм, обладающий чувствами и умом, может перевести испытываемые им разнообразнейшие воздействия, на язык чувств. Но совсем не доказывает, что содержание любого чувственного восприятия находится только внутри организма. При растяжении зрительного нерва возникает неопределённое, общее возбуждение, которое не имеет в себе ничего, что являлось бы причиной переместить его содержание во внешнее пространство. Содержание ощущения, возникающего, благодаря действительному воздействию света, нераздельно связано с соответствующим ему пространственно-временным. Движение тела и его цвет являются, в одинаковой мере, содержанием восприятия. Когда представляешь себе движение, абстрагируешься от того, что, воспринимается в движущемся теле, помимо этого. Так же, как с представлением движения, можно обходиться и со всеми прочими механическими и математическими представлениями мира восприятия. Математика и механика возникают, благодаря тому, что одна часть содержания мира восприятия отделяется и рассматривается сама по себе. В действительности нет предметов или процессов, чьё содержание исчерпывается тем, что даёт математика и механика. Всё математическое и механическое связано с цветом, теплом и другими качествами. Когда физик предполагает, что восприятие цвета соответствует колебаниям в пространстве, которым свойственно очень малая протяжённость и очень большая скорость, то эти движения надо мыслить лишь как аналог тем движениям, которые зримо происходят в пространстве. То есть, когда телесный мир, вплоть до мельчайших элементов, представляется в движении, то его также, вплоть до мельчайших элементов, нужно представлять себе обладающим цветом, теплотой и другими свойствами. Кто считает цвета, тепло, звуки и пр., качествами, которые существуют, как воздействия внешних процессов, только внутри представляющего их организма, тот должен переместить в это внутреннее и всё математическое и механическое, связанное с этими качествами. Но тогда для него на долю внешнего мира ничего не останется. Красное, которое я вижу, и колебания света, которые физик считает соответствующим этому красному, в действительности, представляют собой единство, которое может разделить только абстрагирующий ум. Колебания в пространстве, соответствующие качеству «красное», я воспринимал бы как движение, если бы мой глаз был соответствующе организован. Но я испытывал бы, и связанное с движением, впечатление красного цвета.

Современная наука вносит в пространство некую нереальную абстракцию, некий, лишённый каких-либо чувственных качеств, колеблющийся субстрат, и удивляется невозможности понимания того, что оснащённый нервной системой и мозгом и способный к представлению организм, может превращать эти безчувственные двигательные процессы в красочный, в различной степени пронизанный теплом и звуками чувственный мир. Поэтому Дюбуа-Реймон предполагает, что человек, благодаря неспособности перейти определённую границу в своём познании, никогда не поймёт, как такие факты, как: «Я ощущаю сладкое, слышу звук органа, вижу красное», связаны с определёнными движениями мельчайших телесных частиц в мозгу, которые, в свою очередь, вызваны колебаниями, лишённых вкуса, слуха и цвета, элементов внешнего вещественного мира. «Это, ведь, совершенно невозможно понять, что каким-то атомам углерода, водорода, кислорода и прочим, не безразлично, как они лежат и движутся, как они лежали и двигались раньше, и как они будут лежать и двигаться в будущем» («Границы естествознания», Лейпциг, 1882, стр. 33f). Но никакой границы познания нет. Там, где в пространстве определённым образом движется некоторое количество атомов, там должен присутствовать и определённое качество (например, красное). И, наоборот, там, где появляется красное, там должно присутствовать и движение. Только абстрагирующее мышление может отделять одно от другого. Тот, кто мыслит движение отделённым от прочего содержания процесса, к которому принадлежит и само движение, тот никогда не сможет снова найти переход от одного к другому.

Лишь то, что в каком-либо процессе является движением, можно вывести из движения; то, что относится к качественной составляющей мира цвета и света, также может быть выведено только из такого же качественного в пределах той же области. Механика выводит составные движения из простых, устанавливаемых непосредственно. Теория цвета должна выводить сложные цветовые явления из простых, которые таким же образом могут регистрироваться непосредственно. Простой процесс движения является пра-феноменом так же, как возникновение жёлтого из взаимодействия светлого и тёмного. Гёте знает, как механические пра-феномены могут объяснить неорганическую природу. То, что в пределах вещественного мира не является механическим, он выводит из пра-феноменов немеханического рода. Гёте упрекают в том, что он пренебрегает рассмотрением механического в природе и ограничивается только наблюдением и упорядочиванием чувственно-воспринимаемого

(ср., например, книгу Отто Гарнака «Гёте в эпоху своего завершения», Лейпциг 1887, стр. 12). Дюбуа-Реймон находит, что (Гёте и бесконечность», Лейпциг 1883, стр. 29): «Гётевское теоретизирование ограничивается выведением феноменов из одного, как он его называет, пра-феномена, подобно тому, как одно изображение в тумане сменяется другим, без какой-либо правдоподобной причинно-следственной связи. *Понятие механической причинности, - вот что у Гёте полностью отсутствовало*». Но чем отличаются действия механика, который только и делает то, что выводит сложные процессы из простых пра-феноменов? В области мира цветов Гёте делает то же самое, что механик - в области движения. Гёте отрицал понятие механической причинности, поскольку не считал все процессы в неорганической природе чисто механическими. Тот, кто это делает, лишь показывает, что сам находится в заблуждении относительно того, что значит механическая причинность в вещественном мире. Гёте остаётся в пределах качественного мира света и цвета; возможность выражения количественного, механического, математического, он оставляет другим. Он «стремился полностью удалить математику из учения о цвете, хотя некоторые пункты тут же прояснились бы, там, где помощь измерительного искусства были бы желательной ... Но и это может обратиться в выгоду, поскольку теперь остроумие математиков должно само определять, где учение о цвете нуждается в его помощи, и как оно может дополнить эту часть естествознания» (§ 727 дидактической части учения о цвете). Качественные элементы чувства зрения: свет тьма, цвет вначале должны быть понятыми из их собственных отношений, сведены к пра-феноменам; затем, на более высокой ступени мышления, можно определять, какая связь имеется между этими отношениями и количественным, механически-математическим в мире цвета и света.

Отношения в области качественной составляющей мира цвета Гёте выводит из простейших элементов в таком же строгом смысле, как делают это математик, или механик, в своих областях. «Строгости мышления в следовании одного за другим, или, в большей степени, следовании одного из другого, мы должны учиться у математиков, и даже там, где мы не пользуемся никакими вычислениями, мы всегда должны поступать так, *будто нам надо сделать строжайший геометрический отчёт*. – Ведь, действительно, это, именно, математический метод, благодаря своей чистоте и строгости, тут же представляет каждый шаг своих утверждений, а его доказательства являются, собственно, лишь сложными описаниями

того, как уже имеющиеся простые компоненты и вся последовательность представленного в отношении, полностью игнорируются и, при любых условиях верно и неопровержимо, открываются заново» («Опыт как посредник между субъектом и объектом», Кюршнер, том 34).

Объясняющие явления принципы Гёте берёт непосредственно из области наблюдения. Он показывает, как связаны явления мира опыта. Представления о природе, выходящие за пределы наблюдения, он исключает. Все виды объяснений, выходящие за пределы поля опыта, благодаря тому, что привлекают факторы, сущность которых не поддается наблюдению, противоречат гётевскому мировоззрению. К таким видам принадлежит объяснение, ищущее сущность света в веществе света, не воспринимаемого, как такового, и наблюдаемого, как свет, только в своём действии. К этим видам объяснений, господствующим в современном естествознании, относится и то, согласно чему процессы движения мира света осуществляют не воспринимаемые качества, представленные зрению, а мельчайшие частицы невоспринимаемого вещества. Гётевскому мировоззрению не противоречит представление о том, что определённый цвет связан с определённым процессом движения в пространстве. Но ему полностью противоречит утверждение, что этот процесс движения принадлежит области действительности, лежащей за пределами опыта, - миру вещества, который, хотя и может быть наблюдаемым в своём действии, но не в своей собственной сущности. Для приверженца гётевского мировоззрения колебания света в пространстве являются процессами, которые принадлежат тому же виду действительности, что и прочее содержание восприятия. Они ускользают от непосредственного наблюдения не потому, что лежат за пределами области опыта, а потому, что человеческие органы чувств организованы не так тонко, чтобы непосредственно воспринимать такие мельчайшие движения. Если бы глаз был организован так, что он мог бы во всех подробностях наблюдать колебания какого-либо тела, повторяющихся с частотой четыреста миллиардов раз в секунду, то такой процесс мог бы быть представлен точно так же, как в мире, воспринимаемом грубыми органами чувств. То есть, колеблющееся тело проявляло бы те же свойства, что и другие воспринимаемые вещи.

Любое объяснение, выводящее вещи и процессы опыта не из области опыта, а из других областей, может подойти к содержательным представлениям об этих находящихся по ту сторону наблюдений областях

реальности только посредством заимствования определённых свойств из мира опыта и переноса его на то, что опыту не поддаётся. Так физик переносит твёрдость, непроницаемость на мельчайшие вещественные элементы, ещё и приписывая им способность притягивать и отталкивать себе подобных; и, напротив, принадлежность цвета, тепла и других свойств он за этими элементами не признаёт. Он полагает, что объясняет переживаемый чувствами природный процесс тем, что сводит его к непереживаемому. На взгляд Дюбуа-Реймона познание природы – это объяснение процессов материального мира движениями атомов, действующих, благодаря своим силам притяжения и отталкивания («Границы познания природы», Лейпциг 1882, стр. 10). За движущееся при этом принимается материя, заполняющее пространство вещество. Это вещество должно было быть здесь с самого начала и существовать вечно. Но принадлежать области наблюдения материя не должна, - она существует за её пределами. Поэтому Дюбуа-Реймон предполагает, что человек не способен познать сущность самой материи, то есть, он сводит материальные процессы к чему-то такому, чья природа всегда будет оставаться непонятной. «Никогда мы не будем знать лучше, чем сегодня, какие призраки носят здесь, в пространстве, заполненной материей» («Границы познания природы», стр. 22). При более точном рассмотрении это понятие материи растворяется в ничто. Реальное содержание, которое придают этому понятию, заимствовано из мира опыта [из мира переживаемого]. Движения воспринимаются в мире опыта. Человек чувствует тяжесть, держа груз в руке, и давление, когда груз кладут на горизонтально расположенную раскрытую ладонь. Чтобы объяснить это восприятие, образуют понятие силы. Представляют, что Земля притягивает груз. Сама сила не может быть воспринята. Она идеальна. Но она всё же принадлежит к области наблюдения. Её наблюдает ум (дух), поскольку он рассматривает отношения восприятий друг с другом. К понятию силы отталкивания можно прийти, если сжать кусок каучука, а затем его отпустить. Он снова восстановит свою форму и величину. Представляется, что сжимаемые части каучука отталкиваются друг от друга и снова заполняют первоначально занимаемое пространство. Такие, подчерпнутые из наблюдения, представления вышеупомянутый род мышления переносит на область реальности, не поддающуюся чувственному восприятию. В действительности, он делает ни что иное, как выводит одно восприятие из другого. Только в этом случае он произвольно перемещает его в область невоспринимаемого. Относительно любого вида представлений,

ссылающегося, в рамках воззрения на природу, на некое невоспринимаемое, можно доказать, что оно берёт некоторые куски из области опыта и переносит их в область реальности, лежащую за пределами наблюдения. Если же изъять части воспринимаемого из представления невоспринимаемого, остаётся лишённое содержания понятие (*inhaltloser Begriff*), беспонятийность (*Unbegriff*). Объяснение чего-то воспринимаемого может состоять только в том, что оно выводится из другого воспринимаемого. В конце концов приходят к таким элементам в пределах опыта, которые больше не могут быть выведены из других. Их уже можно не объяснять, поскольку они не нуждаются в объяснении. Они содержат объяснение в самих себе. Их непосредственная сущность состоит в том, *что* они представляют наблюдению. Одним из таких элементов для Гёте является свет. На его взгляд, свет познаётся тем, кто беспристрастно наблюдает его проявления. Цвета возникают в свете, и их возникновение будет понято, если показать, *как* они в нём возникают. Непосредственному восприятию даётся сам свет. То, что в нём заложено идеально, познаётся наблюдением отношения между ним и цветами. С точки зрения Гёте, говорить о сущности света, о чём-то невоспринимаемом, соответствующем явлению «свет», невозможно. «Поскольку пытаться выразить сущность вещи бесполезно. Мы воспринимаем результаты действия вещи, а полная история этих действий, в любом случае, охватывает и сущность этой вещи». То есть, полная картина воздействий чего-то воспринимаемого охватывает все проявления, заложенные в нём идеально. «Мы напрасно пытаемся описать характер человека; напротив, если собрать вместе его действия, его поступки, нам откроется картина его характера. – Цвета – это поступки света, поступки и переживания. В этом смысле, мы приходим к тем же заключениям и относительно света» (Дидактическая часть учения о цвете, предисловие).

Свет представляется наблюдению как «самая простая, самая неразделённая, самая гомогенная сущность, которую мы только знаем» (Переписка с Якоби, стр. 167). Противоположность его – тьма. Для Гёте тьма является не просто лишённым силы отсутствием света. Она есть нечто действенное. Она противостоит свету и вступает с ним во взаимодействие. Современная наука видит во тьме совершенное ничто. Свету, втекающему в тёмное помещение, по её мнению, не нужно преодолевать никакого сопротивления тьмы. Гёте же представляет, что свет и тьма взаимодействуют подобно северному и южному полюсам магнита. Тьма может ослаблять свет в его действии. И, наоборот, свет

может ограничивать энергию тьмы. В обоих случаях возникает цвет. Физика, считающая тьму полностью бездейственной, не может говорить о таком взаимодействии. Поэтому она должна выводить цвета полностью из света. Тьма выступает для наблюдения, как явление, точно так же, как и свет. Тёмное является содержанием восприятия в том же смысле, что и светлое. Одно является просто противоположностью другого. Глаз, смотрящий в ночное пространство, является посредником реального восприятия тьмы. Если бы тьма представляла собой абсолютное ничто, у человека, смотрящего в темноту, не возникало бы никакого восприятия.

Жёлтое – это ослабленный темнотой свет; синее – это ослабленная светом тьма.

Глаз устроен так, чтобы представляющий организм мог воспринимать явления миров света и цвета и их отношений. При этом он не просто принимает явление, но вступает с ним в живое взаимодействие. Гёте стремится познать это взаимодействие. Он рассматривает глаз, как нечто полностью живое, и хочет понять его жизненные проявления. Как ведёт себя глаз по-отношению к отдельным явлениям? Как он обходится с тем, *как* эти явления соотносятся между собой? Вот вопросы, которые он себе ставит. Свет и тьма, жёлтое и синее – противоположности. Как глаз ощущает эти противоположности? Должно быть объяснено природой глаза то, что он ощущает также взаимоотношения между отдельными восприятиями. Ведь, «своим существованием глаз обязан свету. Из безучастных животных вспомогательных органов свет создаёт орган, которые подобен ему самому; так глаз формируется светом и для света, чтобы навстречу внешнему свету выступил свет внутренний» (Дидактическая часть учения о цвете. Введение).

Как противоположно ведут себя во внешней природе свет и тьма, так противостоят друг другу и оба состояния, в которых оказывается глаз, благодаря этим двум явлениям. Если держать глаз открытым в тёмном помещении, ощущается некоторый недостаток. Когда же, напротив, глаз обращается к сильно освещённой белой поверхности, то он становится какое-то время неспособным различать менее освещённые предметы. Смотрение в темноте повышает чувствительность; смотрение в освещённом пространстве ослабевает её.

Любое воздействие на глаз остаётся в нём какое-то время. Если посмотреть на тёмный крест рамы окна, и затем закрыть глаза, этот крест какое-то время будет продолжать оставаться перед вами. При взгляде на

светло серую поверхность в то время, когда это остаточное явление ещё действует, крест окажется светлым, а проём окна, напротив, тёмным. Происходит обращение явлений. Отсюда следует, что глаз, благодаря воздействию на него, создаёт противоположное этого воздействия. Как соотносятся свет и тьма во внешнем мире, так соотносятся и соответствующие состояния в глазах. Гёте представляет себе это так, что место в глазу, на которое падает тёмный крест, более отдохнувшее и больше готово для нового восприятия. Поэтому на него серая поверхность действует живее, чем на другие места в глазу, которые до этого воспринимали более яркий свет от оконных проёмов. Светлое создаёт в глазу склонность к тёмному; тёмное – к светлому. Если тёмную фигуру держать перед светло-серой поверхностью, а затем удалить её и, не мигая, продолжать смотреть на то место, которое она занимала, то там появится пространство, гораздо более светлое, нежели остальное. Серая фигура на более тёмном фоне кажется светлее, нежели та же фигура на светлом фоне. Благодаря тёмному фону, глаз воспринимает фигуру более светлой, а благодаря светлому фону – более тёмной. Посредством этого явления, Гёте отмечает сильную возбудимость глаза «и молчаливое противоречие, к выражению которого принуждается любое живое, когда ему предлагается какое-то одно определённое состояние. Так вдох уже предполагает выдох и наоборот... Это вечная формула жизни, которая выражается и здесь. Когда глазу предлагается тёмное, он требует светлое; он требует тёмное, когда ему предлагается светлое, и своей жизненностью демонстрирует своё право воспринимать объект, благодаря тому, что из самого себя производит его противоположность» (§38 дидактической части учения о цвете).

Подобно тому, как обстоит дело со светом и тьмой, некое противодействие в глазу вызывают и цветовые восприятия. Поместим кусочек бумаги, окрашенной в жёлтый цвет, перед умеренно освещённым белым экраном и станем пристально на него смотреть. Через некоторое время уберём его. На его месте мы увидим фиолетовое. Благодаря воздействию на глаз жёлтого, он из самого себя создаёт фиолетовое. Точно так же воздействие синего цвета, в качестве противодействия, вызывает появление оранжевого, а красного – зелёного. То есть, каждое цветовое ощущение имеет в глазу живую связь с определённым другим. Состояния, в которых оказывается глаз, благодаря восприятиям, соотносятся друг с другом подобно тому, как соотносятся содержания этих восприятий во внешнем мире.

Когда свет и тьма, светлое и тёмное воздействуют на глаз, этот живой орган выступает перед ними со своими требованиями; когда они воздействуют на вещи во внешнем пространстве, во взаимодействие с ними вступают эти вещи. Пустое пространство обладает свойством прозрачности. Оно вообще не оказывает воздействия на свет и тьму. Они проходят сквозь него, сохраняя свои собственные качества (*in ihrer eigenen Lebhaftigkeit*). Другое дело, когда пространство наполнено вещами. Это наполнение может быть таким, что глаз его не воспринимает, поскольку свет и тьма пронизывают его в своём собственном, первоначальном виде. Тогда говорят о прозрачных вещах. Если свет и тьма пронизывают вещь не в полной мере, последняя обозначается как замутнённая (*trüb*). Замутнённое наполнение пространства даёт возможность наблюдать взаимодействие между светом и тьмой, между светлым и тёмным. Светлое, наблюдаемое через замутнённое, проявляется как жёлтое, а тёмное – как синее. Замутнённое – это нечто материальное, пронизанное светом. Когда за ним располагается свет, оно тёмное; когда – тьма, оно ведёт себя как светлое. Таким образом, когда перед светом или тьмой оказывается замутнённое, то кажется, что они действительно взаимодействуют.

Если замутнённость, через которую проходит свет, повышается, то жёлтое переходит в красно-жёлтое, а затем – в красно-рубиновое. Если замутнённость, через которую проходит тьма, уменьшается, то синее переходит в индиго и, наконец, - в фиолетовое. Жёлтое и синее – это основные цвета. Они возникают, благодаря взаимодействию светлого, или тёмного, с замутнённым. Оба они могут принимать красноватый оттенок, - один, благодаря увеличению, другой, благодаря уменьшению, замутнённости. Поэтому красное не относится к основным цветам. Он возникает как оттенок к жёлтому и синему. Жёлтый цвет со своими красноватыми оттенками, которые усиливаются до чисто красного, стоит ближе к свету, а синий цвет со своими оттенками – темноте. Смешение синего и жёлтого даёт зелёное; смешение усилившегося до фиолетового синего с затемнённым до красного жёлтым даёт пурпурный цвет.

Эти основные проявления Гёте прослеживал в природе. Светлый круг солнца, рассматриваемый через слой дымки, представляется жёлтым. Тёмное пространство вселенной, рассматриваемое через освещённую замутнённость атмосферы, выглядит как синева неба. «Точно так же синими нам представляются горы; поскольку, когда мы смотрим на них с такого отдаления, что местные цвета уже нельзя видеть, и на наш глаз

больше не воздействует свет с их поверхности, они являются для нас тёмным предметом, который, благодаря выступающей в промежутке дымке, кажется синим» (§ 156 дидактической части учения о цвете).

Из углубления в картины художников, у Гёте выросла потребность проникнуть в законы, которым подчиняются явления, представляющиеся чувству зрения. Каждая картина давала ему загадку. Как соотносятся светлое-тёмное и цвета? В каких отношениях стоят цвета друг к другу? Почему жёлтое вызывает весёлое настроение, а синее настраивает на серьёзный лад? Ньютоновское учение о цвете не даёт ответов на эти вопросы. Оно выводит все цвета из света, выстраивает их в ряд, и ничего не говорит об их связях с темнотой, а также о живых взаимоотношениях друг с другом. Эти загадки, заданные ему искусством, Гёте смог разрешить на основе представлений, выработанных им самим. Жёлтое должно обладать весёлым, жизнерадостным, легко возбуждающим свойствами, поскольку оно является ближайшим цветом к свету. Оно возникает, благодаря наименьшей нехватке последнего. Синее указывает на темноту, которая действует в нём. Поэтому оно даёт чувство холода, и «напоминает тень». Красноватый жёлтый возникает, благодаря усилению жёлтого в сторону тёмного. Благодаря этому усилению растёт его энергия. Весёлость, жизнерадостность переходят в блаженство. При продолжении такого усиления от красно-жёлтого к жёлто-красному чувство веселья, блаженства превращаются во впечатление насилия. Фиолетовое – это стремящееся к светлому синее. Покой и холод синего переходит, благодаря этому стремлению, к беспокойству. Дальнейшее усиление - это беспокойство испытывает в сине-красном. Чисто красное стоит посередине между жёлто-красным и сине-красным. Напористость жёлтого ослабевает, непринуждённый покой синего оживляется. Красное вызывает впечатление идеального удовлетворения, уравнивание противоположностей. Чувство удовлетворения возникает также, благодаря зелёному, которое представляет собой смешение жёлтого и синего. Из-за того, однако, что весёлость жёлтого здесь не усилена, а покой синего не нарушен красным, удовлетворение при этом чище чем то, что вызывает красное.

Глаз, когда на него воздействует какой-то цвет, тут же требует другой. Когда ему попадает жёлтое, у него тут же возникает тяга к фиолетовому; воспринимая синее, он требует оранжевое, видя красное – зелёное. Можно понять, что чувство удовлетворения возникает тогда,

когда рядом с цветом, представленном глазу, помещается другой цвет, который, согласно своей природе, он ищет. Из сущности глаза получается и закон цветовой гармонии. Цвета, которые глаз желает видеть рядом друг с другом, действуют гармонично. Когда рядом оказываются два цвета, из которых один не стремится к другому, в глазу возбуждается противодействие. Пара жёлтого и пурпурного имеет нечто одностороннее, но жизнерадостное и величественное. Чтобы чувствовать себя, согласно своей природе, рядом с фиолетовым глазу необходим жёлтый. Если вместо фиолетового выступает пурпурный, то предмет выставляет глазу свои требования. Он не соответствует требованию органа. Пары такого вида служат тому, чтобы указывать на значимость предмета. Они хотят не столько удовлетворять, сколько характеризовать. К таким характерным сочетаниям подходят цвета, стоящие друг к другу и не в полной противоположности, и, в то же время, не переходящие друг в друга. Сочетание цветов последнего вида придают вещам, которые их содержат, нечто бесхарактерное.

Становление и сущность проявлений света и цвета открыла Гёте природа. Он снова узнал их также в произведениях художников, где они подняты на высшую ступень, обращены в духовное. Глубокое понимание взаимоотношений природы и искусства Гёте приобрёл, благодаря своим наблюдениям зрительных восприятий. Вероятно, о них он думал, когда, после завершения своего «Учения о цвете», он писал об этих наблюдениях фрау фон Штайн (Stein): «Я не жалею о том, что посвятил им столько времени. Благодаря этому я достиг определённой культуры, которую вряд ли нашёл бы где-то ещё».

Учение о цвете Гёте отличается от ньютоновского и от учений тех физиков, которые опирались на ньютоновские представления, поскольку оно исходит из другого мировоззрения. Тому, кто не принимает во внимание представленную здесь связь между общими представлениями о природе Гёте и его учением о цвете, не остаётся ничего другого, как думать, что Гёте пришёл к таким взглядам на цвет по причине нехватки ума для настоящих, физических методов наблюдения. Тот же, кто эту связь видит, увидит также, что в рамках гётевского мировоззрения невозможно никакое другое учение, кроме этого. Он не смог бы иначе думать о сущности цветовых явлений, даже если бы он располагал всеми открытиями в этой области, сделанными после него, и владел всеми, с тех

пор так усовершенствованными, современными экспериментальными методами. И если, после знакомства с открытием фраунгоферских линий, он не смог полностью интегрировать их в своё видение природы, это и прочие открытия в области оптики всё же не противоречат такому видению. При всём этом речь идёт лишь о расширении этого гётевского видения так, чтобы они вошли в него в его смысле. Надо также признать, что стоящий на точке зрения ньютоновского понимания, не смог бы понять взглядов на цвет Гёте. Но это происходит не от того, что такому физику известны явления, противоречащие гётевскому видению, а потому, что он привык к таким взглядам на природу, которое мешает ему узнать то, что, собственно, хочет видение природы Гёте.

МЫСЛИ ОБ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ЗЕМЛИ И ВОЗДУШНЫХ ЯВЛЕНИЯХ

Мысли об истории развития Земли

Занятость Гёте на руднике в Ильменау подвигнуло его к рассмотрению царства минералов, горных пород и пластов земной коры. В июле 1776 года он сопровождал герцога Карла Августа в Ильменау. Они хотели узнать, можно ли старый рудник снова запустить в производство. Гёте посвящал своё внимание этому руднику и в дальнейшем. При этом в нём возрастало желание узнать, как природа образует каменные и горные массы. Он забирался на вершины гор и спускался в глубины Земли, чтобы «обнаружить следы действия большой формирующей руки». О своей радости иметь возможность изучать природное творчество также и с этой стороны, он сообщает из Ильменау 8 сентября 1780 года фрау фон Штайн: «Сейчас душой и телом я живу в камнях и горах и очень рад тем широким возможностям, которые мне открываются. За эти последние два дня мы отвоевали большой кусок и можем сделать множество заключений. Мир открывает мне новые горизонты». Всё больше укрепляется в нём надежда, что ему удастся размотать нить клубка, которая выведет его из этого подземного лабиринта (письмо фрау фон Штайн от 12 июня 1784 года).

Постепенно он расширяет круг своих наблюдений, включая в него другие области земной поверхности. В ходе своего путешествия в Гарц он начинает понимать, как формируются неорганические массы. Он приписывает им тенденцию «определённым образом разделяться в различных направлениях, так, что возникают параллелепипеды, которые, в свою очередь, обладают тенденцией снова разделяться по диагонали» (ср. Статья «Строение больших неорганических масс», Кюршнер, том 34). Он считает, что каменные массы пронизаны идеальной решетчатой структурой, а именно, шестисторонней. Благодаря этому, из основной массы (матрицы) вырезаются кубические, параллельно-эпипедические, ромбические, ромбовидные, столбчатые и пластинчатые тела. Он представляет себе в пределах этой основной массы действие сил, которые разделяют её по образцу решетчатой структуры. Как и в органической природе, Гёте ищет действенное идеальное и в царстве камней. И здесь он проводит наблюдения духовным зрением. Он предполагает, что в местах, где разделение на правильные формы не проявляется, эти формы присутствуют там идеально. В одной из поездок в Гарц, предпринятой им в 1784 году, он просит Рата Крауса (Георг Мельхиор Краус), который его сопровождал, сделать рисунки мелом, в которых невидимое, идеальное, проясняется через видимое и становится доступным наблюдению. Он считает, что действительное может быть верно отображено художником только в том случае, если тот обращает внимание на намерения природы, которые часто выступают внешне недостаточно отчётливо. «... при переходе от мягкого к застывшему получается раздел между тем, что принадлежит целому и тем, что происходит внутри масс» (Кюршнер, том 34, статья «Горные образования в целом и в частности»). В органических формах, на взгляд Гёте, присутствует живой чувственно-сверхчувственный праобраз; идеальное вступает в чувственное восприятие и пронизывает его. В правильных формах неорганических масс действует идеальное, не выступающее, как таковое, в чувственно-воспринимаемой форме, но всё же создающее такую форму. Неорганическая форма в своём проявлении не чувственно-сверхчувственная, а только чувственная; но она должна пониматься как результат действия сверхчувственной силы. Она является промежуточной вещью между неорганическим процессом, который находится под властью идеального, и который от этого идеального получает законченную форму, и органическим, в котором идеальное само становится чувственно-воспринимаемой формой.

Образование композитных горных пород, по мнению Гёте обусловлено тем, что субстанции, первоначально имеющиеся в массе только в идеальном виде, становятся действительно разделёнными. В одном из писем Леонхарду от 25 ноября 1807 года он пишет: «Охотно признаю, что я часто вижу симультанные [одновременные] эффекты там, где другие уже видят сукцессивные [последовательные]; что в некоторых породах, которые другие считают конгломератом, составленным из щебня образованием, я вижу нечто ... состоящее из гетерогенной массы, которая разделяется внутри самой себя, и затем консолидируется и удерживается вместе».

Гёте не удалось реализовать эту мысль для достаточно большого числа неорганических формообразований. В соответствии с его образом мысли, расположение геологических слоёв так же можно объяснить на основе идеальных принципов строения, которые заложены внутри вещества. К тогда широко распространённому взгляду на геологию Вернера он не мог присоединиться по той причине, что последний не знал таких принципов строения, а всё выводил на основе чисто механического действия воды. Ещё менее симпатичным был для него, установленный Хуттоном и защищаемый Александром Гумбольтом, Леопольдом фон Бахом и другими, вулканизм, который объяснял развитие отдельных земных периодов насильственными, вызванными метариальными причинами, революциями. Согласно этому взгляду, огромные горные системы неожиданно поднялись из Земли, благодаря вулканическим силам. Проявление таких несоразмерных мощностей кажутся Гёте противоречащими сущности природы. Он не видел никакой причины для изменения законов земного развития в определённые промежутки времени, когда после постепенного длительного действия они, вдруг, стали бы выражаться через «поднятие и смещение, сжатие и распластывание, катапультирование и разбрасывание». Природа для него во всех её частях консеквентна [последовательна] настолько, что даже божество ничего не может изменить в её законах. Её законы кажутся ему неизменными. Силы, влияющие на образование земной поверхности сегодня, должны, по-сути, точно так же действовать и в прошлом.

Отталкиваясь от этого, он приходит к естественному суждению о том, каким образом на своих местах оказались каменные блоки, которые разбросаны близ женевского озера и которые, согласно их строению, являются частью очень далеко расположенных гор. Ему противопоставлялось мнение, что эти массивы горных пород были

заброшены туда при тумультарном [бурном] поднятии гор, расположенных далеко позади озера. Гёте искал такие силы, подходящие для объяснения этого явления, которые можно наблюдать в настоящее время. Он нашёл их при образовании ледников. Теперь ему надо было только предположить, что ледник, который и в настоящее время способствует перенесению камней с гор, был когда-то намного больше, чем сейчас. Тогда он переносил каменные массы намного дальше от гор. Когда ледник снова отступил, камни остались. Аналогичным образом, думал Гёте, должны были оказаться на своём теперешнем месте и гранитные валуны Северо-Германской низменности. Для того, чтобы представить себе ледники на территории, где находятся сейчас эрратические [блуждающие] валуны, надо предположить существование эпохи большого похолодания. Достоянием науки это предположение стало, благодаря Агассису, который пришёл к нему самостоятельно и в 1837 году представил в Швейцарском Обществе. В новейшее время эта эпоха похолодания, охватившая целые континенты, когда уже развилась богатая животная и растительная жизнь, стала любимым предметом изучения ведущих геологов. Вклад Гёте об отдельных явлениях этого «ледникового периода», по-отношению к наблюдениям, сделанным позднейшими исследователями, несущественен.

Как, благодаря своему общему воззрению на природу, Гёте пришёл к предположению о существовании эпохи похолодания, так это воззрение привело его и к верному взгляду относительно сущности окаменения. Конечно, уже предыдущие мыслители опознали в этих образованиях останки доисторических организмов. Это верное воззрение, однако, стало преобладать настолько поздно, что даже Вольтер ещё видел в окаменевших ракушках игру природы. После приобретения некоторого опыта в этой области, Гёте скоро узнал, что окаменелости, как останки организмов, имеют естественную связь с теми земляными пластами, в которых они были обнаружены. Это означает, что эти организмы жили в те эпохи, в которых были образованы соответствующие слои. Об этом он пишет в одном из своих писем Мерку от 27 октября 1782 года: «Все останки костей, о которых ты говоришь, и которые можно найти повсюду в верхнем песочном слое земли, относятся, по-моему твёрдому убеждению, к новейшей эпохе, которая, однако, по-сравнению с нашим привычным летоисчислением является ужасно древней. Тогда море уже отступило; напротив, реки растекались ещё очень широко и на высоте, близкой к уровню моря, течение их было, вероятно, не быстрее, чем

сейчас. К тому же времени во всех широких долинах, которые, по мере понижения уровня моря, освобождались от воды, и в которых русла рек были не глубоки, оседал песок, смешанный с клейстыми веществами. У нас дома по обнажённым холмам бегали слоны и носороги, и их останки вполне могли быть смыты лесными реками к потоковым долинам или озёрам, где они, более или менее, глубоко пропитанные породами (mit dem Steinsaft durchdrungen) сохранялись, и где мы их сейчас с помощью плуга, или как-то иначе, случайно откапываем. Поэтому я и говорил до этого, что их находят в верхнем песочном слое, а именно, в слое, который образовался из того, что приносили с собой потоки древних рек, когда основная кора земной поверхности уже была полностью сформирована. Скоро придёт время, когда мы будем не сваливать все окаменелости в одну кучу, а распределять их, согласно мировым эпохам».

Гете неоднократно назывался предвестником геологии, основанной Лайелем. Последний также не принимает насильственных переворотов или катастроф, чтобы объяснить возникновение одного земного периода из другого. Он отслеживает более ранние изменения земной поверхности в тех же процессах, которые происходят ещё и сейчас. Но не следует забывать, что современная геология привлекает только физические и химические силы для объяснения образования Земли. Гёте же, напротив, предполагает наличие формирующих сил, которые действительны в массах, и которые представляют собой более высокий вид формирующих принципов, чем те, что известны физике и химии.

Рассмотрения атмосферных явлений

В 1875 году Гёте знакомится с работой Люка Говарда «Попытка естественной истории и физики облаков». Это послужило для него толчком для усиленного размышления над образованием облаков и над метеорологическими условиями. Хотя ранее он уже делал множество наблюдений и записей на эту тему. Для обобщения этого материала ему всё же не хватало «общего понимания и научных связывающих звеньев». В работе Говарда различные облачные образования выводятся из определённых основных форм. Теперь Гёте находит доступ к метеорологии, которая до сих пор оставалась ему чуждой, поскольку

методы этого научного течения в то время претили его натуре. «Понимание всего этого метеорологического комплекса, с его цифрами и таблицами... противоречило моей природе; поэтому я был рад найти интегрирующую его часть, соответствующую моим склонностям и образу жизни, и, поскольку в этом бесконечной вселенной всё надёжно и навечно связано, одно производит другое, или производится обоюдно, я концентрируюсь на том, что поддается чувству зрения, и привыкаю соотносить вид атмосферных и земных явлений с показаниями барометра и термометра ...».

Поскольку показания барометра находятся в точном соотношении со всеми метеорологическими условиями, они вскоре заняли для Гёте центральное место в его наблюдениях за атмосферными явлениями. Чем дольше он проводил эти наблюдения, тем больше он убеждался в том, что подъём и падение ртути в барометре в различных «близлежащих и отдалённых местах наблюдения, на различных долготах, широтах и высотах» происходят так, что величины подъёма или падения ртути на одном месте соответствует в это же время почти таким же величинам подъёма или падения во всех других местах. Из этой регулярности изменений показаний барометра Гёте делает вывод, что на них не воздействуют никакие внеземные влияния. Когда, говоря о приливах и отливах в атмосфере, такие воздействия приписывают Луне, планетам, временам года, эта регулярность не объясняется. Все эти воздействия в каждый момент времени должны происходить различными способами в различных местах. Гёте полагает, что они объяснимы, только если причины этих изменений лежат в области самой Земли. Поскольку, теперь, положение ртути зависит от давления воздуха, Гёте представляется, что Земля поочерёдно сжимает и снова разжимает всю атмосферу. Когда воздух сжимается, давление его повышается и ртуть поднимается; обратное происходит при расширении воздуха. Гёте приписывает это поочерёдное сжатие и расширение всей воздушной массы изменчивости, подчиняемой силе притяжения Земли. В увеличении и уменьшении этой силы Гёте видит определённое проявление собственной жизни Земли, сравнивая их со вдохом и выдохом организма.

Согласно этому, Гёте представляет себе воздействие Земли не просто как механическое. Насколько мало он чисто механически и физически объясняет геологические процессы, настолько же мало он делает это в отношении барометрических колебаний. Его воззрение на природу стоит в остром противоречии с современным. Последнее,

согласно своему общему подходу, пытается объяснить атмосферные процессы физически. Разницы температур в атмосфере обуславливают различия воздушного давления в различных местах, создают перемещения воздуха из более тёплых в более холодные районы, увеличивают или уменьшают влажность, формируют облака и являются причиной осадков. Такими, или подобными, факторами объясняются колебания воздушного давления и, соответственно, повышение или понижение показаний барометра. Представления Гёте об увеличении и уменьшении сил притяжения противоречат и современным механическим понятиям. Согласно последним, силы притяжения в одном и том же месте одинаковы.

Гёте применяет представления механики лишь тогда, когда они являются ему посредством наблюдения.

ГЁТЕ И ГЕГЕЛЬ

Гёте и Гегель

Гёте рассматривает мир лишь до определённой границы. Он наблюдает явления света и цвета и доходит до пра-феномена; он пытается ориентироваться в многообразии растений и приходит к своему чувственно-сверхчувственному пра-растению. Но от пра-феномена, или пра-растения, он не поднимается к высшим принципам объяснения. Это он оставляет философам. Он удовлетворён, когда «находится на эмпирической высоте, откуда, оглядываясь назад, он может обозреть все ступени проделанного опыта, и, смотря вперёд, если не войти, то по крайней мере, заглянуть в царство теории». Гётевское рассмотрение реальности доходит до той границы, где ему становятся видны идеи. Как соотносятся эти идеи; каким образом одна идея исходит из другой; на этих вопросах, лишь возникающих на эмпирической высоте, Гёте останавливается. «Идея является вечной и единственной», полагает он, «то, что нам необходима множественность, это уже нехорошо. Всё, что мы воспринимаем и о чём можем говорить, является лишь манифестациями

этой идеи». Но, поскольку в своём проявлении идея выступает как множественность отдельных идей, например, идея растения, идея животного, то они должны быть сводимы к основной форме, как растение сводима к листу. Отдельные идеи также различны только в своём проявлении; по своему существу они идентичны. То есть, в смысле гётевского мировоззрения, о метаморфозе идей можно говорить так же, как о метаморфозе растений. Философом, который пытался представить эту метаморфозу идей, является Гегель. Благодаря этому, он является философом гётевского мировоззрения. Он исходит из простейшей идеи чистого «Sein» (чистого бытия). В ней истинный облик мирового проявления содержится полностью. Его же богатое содержание становится малокровной абстракцией. Гегеля упрекали в том, что из этого своего чистого «Sein» он выводит весь, полный содержания, мир идей. Но чистое бытие, «согласно идее», содержит в себе весь мир идей, как лист, согласно идее, содержит в себе целое растение. Гегель прослеживает метаморфозы идеи от чисто абстрактного бытия до ступени, на которой идея непосредственно становится реальным явлением. В качестве этой высшей ступени он видит появление самой философии. Поскольку в философии действующие в мире идеи рассматриваются в своём собственном первичном образе (*ureigenen Gestalt*). Говоря языком Гёте, можно было бы сказать примерно так: философия – это идея в её наибольшем расширении; чистое бытие – это идея в её максимальном сжатии. То, что Гегель видит в философии совершеннейшую метаморфозу идеи, доказывает, что он так же далёк от истинного самонаблюдения, как и Гёте. Предмет достигает своей высшей метаморфозы, когда он раскрывает своё полное содержание в восприятии, в непосредственной жизни. Философия, однако, содержит в себе идейное наполнение мира не в форме жизни, а в форме мыслей. Живая идея, идея как восприятие, доступна только человеческому самонаблюдению. Философия Гегеля не является мировоззрением свободы, поскольку она ищет содержание мира, в его высшей форме, *не* на основе человеческой личности. Это причина того, что любое содержание становится чисто индивидуальным. Гегель ищет не это индивидуальное, а общее, видовое. Поэтому он видит исток морального не в человеческом индивидууме, а в лежащем вне человека мировом порядке, который должен содержать моральные идеи. Человек не даёт себе свои моральные цели, а он должен интегрировать себя в моральный мировой порядок. Одиочное, индивидуальное для Гегеля, как раз, плохое, оно настаивает на своей отдельности. Только в целом оно обретает свою значимость. Это

образ мыслей буржуазии, полагает Макс Штирнер, «и ваш поэт Гёте, как и ваш философ Гегель, прославляли зависимость субъекта от объекта, послушание перед объективным миром и пр.». Этим он, в свою очередь, продвигал другой односторонний вид представлений. У Гегеля, как и у Гёте, отсутствовало представление свободы, поскольку оба они были лишены способности созерцания самой внутренней сущности мира мыслей. Гегель полностью чувствует себя философом гётевского мировоззрения. 20 февраля 1821 года он пишет Гёте: «Простое и абстрактное, то, что Вами так метко названо пра-феноменом, Вы ставите на вершину и затем представляете конкретные явления как нечто, возникшее посредством добавления последующих обстоятельств и воздействий, и направляете весь процесс так, что возникает последовательность от простейших условий к сложным и, явленное, ранжированное таким образом, предстаёт теперь, благодаря такой декомпозиции в своей ясности. Выявить этот пра-феномен, освободить его от других, окружающих его случайных феноменов, - воспринять его, как мы говорим, абстрактно, - я считаю вопросом великого духовного чувства природы, а сам этот процесс – истинной научностью познания в этой области» ... «Но позвольте мне теперь сказать ещё об одном, особом интересе, который для нас, философов, имеет такой выдающийся пра-феномен, а именно, о том, что, как раз, такой препарат мы можем использовать в философии! – Мы, всё же, приучили, наконец, своё, поначалу устричное, серое или совсем чёрное ... абсолютное, к свету и воздуху так, что они стали им желанны, и теперь нам нужны оконные проёмы, чтоб полностью вывести их к свету; наши схемы превратились бы в дым, если бы мы захотели поместить их в такое разнородное запутанное общество антагонистического мира. Тут пра-феномены, как нельзя, кстати; в этой двойственности, умственного и понимаемого из-за своей простоты, и воспринимаемого и ощущаемого из-за своей чувственности, оба мира – наше абстрактное [абстрактное] и проявленное бытие, - приветствуют друг друга».

Если мировоззрение Гёте полностью и соответствует философии Гегеля, то было бы большой ошибкой одинаково оценивать мыслительные достижения Гёте и Гегеля. В обоих живёт один и тот же образ представлений. Оба избегают самовосприятия. Но Гёте всё же обращал свои размышления на области, в которых недостаток восприятия не вредил. Он также никогда и рассматривал мир идей как восприятие; но он жил в этом мире идей и позволял пронизывать ему свои наблюдения.

Гегель рассматривал мир идей как восприятие, как индивидуальное духовное бытие, не в большей мере, чем Гёте. Но свои размышления он направлял, как раз, на мир идей. Поэтому эти размышления по многим направлениям оказались неверными. Если бы Гегель размышлял таким образом о природе, то его мысли, вероятно, оказались бы такими же ценными, как и у Гёте; если бы Гёте захотел создать какое-либо философское мыслительное построение, то его, вероятно, покинула бы способность надёжного наблюдения реальности, которая направляла его, когда он обращался к природе.

Послесловие к новому изданию (1918)

Критики этой книги, уже сразу после её выхода, говорили, что она даёт картину не «мировоззрения» Гёте, а только его «видения природы». Я не считаю, что это суждение вынесено с правомерной точки зрения, хотя, при внешнем рассмотрении, в книге речь идёт почти исключительно об идеях Гёте относительно природы. Мне кажется, что в ходе своего изложения я показал, что эти идеи о природе основываются на совершенно определённом видении проявлений мира. И полагаю, что я уже в этом тексте показал, что принятие точки зрения на природу, которую имел Гёте, может привести к определённому видению психологических, исторических и прочих явлений. Гётевское природо-воззрение, относящееся к одной определённой области природы, является именно мировоззрением, а не просто видением природы, которое может быть и у персоны, чьи мысли для прочих областей картины мира не имеют никакого значения. С другой стороны, я думаю, что в этой книге я и не должен был представлять ничего, кроме того, что можно сказать непосредственно о той области, которую Гёте из всего объёма своего видения мира разработал сам. Показать картину мира, которую раскрывают стихи Гёте, его идеи по истории искусства и пр. было бы, разумеется, возможно и несомненно в высшей степени интересно. Но тот, кто принимает во внимание позицию предлагаемого текста, *такую* картину миру в нём искать и не будет. Он признаёт, что я ставил себе задачу обрисовать ту часть гётевской картины мира, для которой имеются указания в его собственных работах, где одно без пробелов вытекает из

другого. Я также указал в различных местах, где находятся пункты, на которых Гёте застрял в этой, поступенчатой разработке своей картины мира, удавшейся ему для определённых областей природы. Взгляды Гёте на мир и на жизнь раскрываются в широчайшем охвате. То, что эти взгляды выходят, именно, из его мировоззрения, для областей, выходящих за пределы области природных явлений, проявлено иначе, нежели в последней. Для прочих областей видно то, что должна была открыть миру душа Гёте; для области его идей о природе нам предстаёт то, как шаг за шагом, до определённой границы, обретается мировоззрение его духом [умом]. Как раз, благодаря тому, что отображение гётевской работы мысли не идёт дальше описания того, что, в качестве законченного фрагмента мировоззрения, образовалось в нём самом, открывается видение особого оттенка того, что раскрывается в его наследии вообще. Поэтому я хотел показать не всю картину мира Гёте, а только ту её часть, которая выступает в форме, выражающей его мировоззрение, в нём самом. Взгляды, пусть даже значительной личности, ещё не являются частями замкнутой в себе и скомпанованной самой этой личностью структуры мировоззрения. Но идеи Гёте о природе являются, как раз, таким замкнутым в себе *фрагментом* мировоззрения. И они, как элементы, освещающие природные явления, представляют собой не просто взгляды на природу, а являются частью *мировоззрения*.

Обвинения, касательно этой книги, в том, что мои взгляды со времени её выхода изменились, меня не удивляет, поскольку мне не неизвестны предпосылки таких суждений. В предисловии к первому тому «Загадки философии» и в статье для журнала «Das Reich» («Духовная наука как антропософия и современная теория познания») я уже высказывался об этих поисках противоречий в моих текстах. Такие поиски характерны только для таких критиков, которые совершенно не осознают, как должно проявляться, в данном случае, *моё* мировоззрение, когда оно сталкивается с различными областями жизни. Я не хочу здесь ещё раз обсуждать эту тему в общем, но сделаю короткие замечания относительно неё в связи с этой книгой. В антропософски ориентированной духовной науке, которую я уже 16 лет представляю в моих текстах, я вижу тот вид познания доступного людям духовного содержания мира, к которому должен прийти тот, кто, в соответствии со своими особенностями, оживил в своей душе гётевские идеи относительно природы, и, исходя из них устремляется к опыту познания духовной области мира. Я считаю, что

предпосылкой для этой духовной науки является гётевское естествознание. Я считаю так не потому, что представляемая мною духовная наука не противоречит такому естествознанию. Поскольку я знаю, что если между различными суждениями лишь отсутствует логическое противоречие, то это о многом не говорит. В действительности они могут быть совершенно несовместимы. Я склонен видеть, что действительно пережитые гётевские идеи относительно природы с необходимостью должны вести к представляемым мною антропософским познаниям, когда переживания в области природы приводят к переживаниям в духовной области. О том, какого рода эти переживания, сказано в моих работах о духовной науке. По этой причине всё существенное из содержания книги, которую я в первый раз издал в 1897 году в качестве описания моего видения гётевского мировоззрения, можно снова обнаружить здесь, после выхода моих духовно-научных текстов. Все, представленные там мысли, остались неизменными и сегодня. Лишь некоторых места претерпели незначительные изменения, касающиеся, однако, не строя мыслей, а только стилистики. А то, что спустя 20 лет, здесь или там в книге хочется изложить что-то немного иначе, в конце концов, можно понять. Кроме некоторых дополнений, содержание книги в новом издании осталось без изменений. Я думаю, что тот, кто ищет естественно-научное основание для духовной науки, может найти его с помощью мировоззрения Гёте. Поэтому мне кажется, что эта работа о мировоззрении Гёте может иметь значение и для того, кто хочет заниматься антропософски ориентированной духовной наукой. Но эта книга написана так, что гётевское мировоззрение рассматривается само по себе, безотносительно духовной науки (кое-что из того, что можно сказать о Гёте, с особой духовно-научной точки зрения, можно найти в моей работе «Фауст Гёте и сказка о зелёной змее»).

Дополнительное замечание:

Один из критиков этой книги о Гёте (в журнале «Исследования Канта» III, 1898) полагал сделать особое открытие относительно моих «противоречий», поместив то, что я в этой книге говорил о платонизме (в первом издании 1897 года), рядом с высказыванием, которое я почти в то же время сделал во введении к четвёртому тому гётевских естественно-

научных текстов (кюршнеровское издание): «Философия Платона является одним из самых возвышенных мыслительных построений, когда-либо вышедших из духа человечества. И печальнейшим знаком нашего времени является то, что видение Платона рассматривается в философии как противоположность здравому смыслу». Некоторым умам трудно понять, что любая вещь, рассматриваемая с различных сторон, представляется по-разному. То, что мои различные высказывания о платонизме не противоречат друг другу, легко увидит тот, кто держится не за простое звучание слов, а учитывает различный контекст, в котором я должен был преподносить платонизм, посредством его собственной сущности. С одной стороны, это печальный знак, когда платонизм рассматривают противостоящим здравому смыслу, поскольку, согласно такому рассмотрению, человеку в качестве единственной реальности остаётся только простое чувственное восприятие. Но, с другой стороны, здравому взгляду на идеи и чувственный мир претит и такое применение платонизма, когда, благодаря ему, происходит нездоровое разделение идеального и чувственного. Кто не может произвести такого рода мыслительного проникновения в жизненные явления, тот всегда остаётся, - с тем, что ему понятно, - вне реальности. Кто, - для того, чтоб говорить с Гёте, - вбивает табличку (hinpfahlt) какого-либо понятия, чтобы ограничить богатство жизненного содержания, тот не понимает, что жизнь оснащена отношениями, которые в различных направлениях действуют различно. Конечно, гораздо удобнее вместо видения полноты жизни воспользоваться схематическим понятием; ведь с помощью таких понятий очень легко выносить суждения. Но, благодаря такому образу действий, жизнь протекает в лишённых сущности абстракциях. Человеческие понятия становятся такими абстракциями, как раз, благодаря представлению о том, что с ними можно обходиться так же, как обходятся с друг с другом вещи. Но эти понятия больше похожи на изображения предмета, увиденные с различных сторон. Вещь одна, а изображений много. И к видению вещи приводит не фиксация на одном изображении, а рассмотрение её со всех сторон. Поскольку мне теперь, к сожалению, пришлось наблюдать, как сильна склонность некоторых критиков, из таких, стремящихся проникнуть в реальность, рассмотрений явления с различных точек зрения, конструировать «противоречия», я чувствовал необходимость, в этом новом издании при описании платонизма, во-первых, благодаря некоторой стилизации того, что содержало в себе первое издание, ещё яснее представить то, что казалось мне достаточно ясным двадцать лет назад; во-

вторых, в связи с помещением высказывания из моего другого текста рядом со сказанным в этой книге, показать, как оба эти высказывания находятся в полном согласии друг с другом. Тому же, кто ещё не потерял вкус к поиску противоречий в таких вещах, я сохранил время, - теперь ему не надо будет искать их в двух книгах.